

ИЗБОРСКИЙ клуб

русские
стратегии

№ 10(76), 2019

Вознесение Поднебесной

Содержание:

- 2** Александр ПРОХАНОВ.
Валдайские канатоходцы
- 6** Сергей ГЛАЗЬЕВ.
Китайский опыт для России
- 16** Андрей ОСТРОВСКИЙ, Александр НАГОРНЫЙ.
40 лет китайских реформ
(экспертный доклад Изборскому клубу)
ДОСТИЖЕНИЯ КНР: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ (стр. 17)
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ УПРАВЛЕНИЯ
И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ КНР (стр. 20)
ФИНАНСОВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ НОВОЙ СИСТЕМЫ (стр. 22)
УПРАВЛЕНИЕ ИНОСТРАННЫМИ ИНВЕСТИЦИЯМИ И ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕЙ (стр. 26)
ПУТИ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КИТАЙСКОЙ
ЭКОНОМИКОЙ (стр. 29)
- 32** Юрий ТАВРОВСКИЙ.
Китайская мечта — движение по расписанию
- 42** Юрий ТАВРОВСКИЙ.
Второе дыхание
- 44** Вознесение Поднебесной
(круглый стол Изборского клуба)
- 54** Михаил ДЕЛЯГИН.
Китайский опыт для России — экономика и финансы
- 64** Александр ДУГИН.
Китай и Россия: горизонты многополярного мира
- 74** Елена ЛАРИНА, Владимир ОВЧИНСКИЙ.
Между Конфуцием и Оруэллом
- 90** Владимир ВИННИКОВ.
Китай как цивилизация будущего
- 100** Виолетта АРХИПОВА, ЧЖАН Тинтин.
Институты Конфуция: «мост» для реализации гуманитарных обменов
- 108** Валерий КОРОВИН.
Россию и Китай уже не остановить
- 118** Александр АГЕЕВ.
Прогнозное поле Китая
- 132** Библиотекарь
- 133** Хронология мероприятий клуба
- 134** Бабочка в зеркале облаков
(стихи, вступительное слово Георгия СУДОВЦЕВА)

Общественно-политический журнал **«Изборский клуб»** №10(76), 2019 год

Главный редактор — Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора — Александр НАГОРНЫЙ
Заместитель главного редактора — Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник — Василий ПРОХАНОВ
Верстка — Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор — Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации — Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Фрунзенская наб., д. 18, пом. VI
Телефон: (499) 241 84 96
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 17.12.2019

Отпечатано в ООО «ТИПОГРАФИЯ АМА-ПРЕСС»

Тираж 1000 экз. Заказ № 1894

/ Александр ПРОХАНОВ /

Валдайские канатоходцы

Состоялась очередная сессия Валдайского клуба. Великолепие кавказских гор в золотых лесах с далёким голубым ледником. Роскошный горный отель, с его комфортом, близкий к небесам и горным вершинам, дающий представление о том, как живёт «золотой миллиард»: вознесённый ввысь, удалённый от бремени земных нестроений.

Сюда съехались со всего мира высоколобые мудрецы, знатоки политики, университетские профессора, бывшие и нынешние послы, разведчики всех мастей. Обсуждались проблемы Азии. Высказывались осторожные суждения, проводились мягкие аналогии, выражались робкие сомнения. Все изысканно оппонировали друг другу, раскланивались в реверансах, вносили в общую чашу знаний свою капельку

то ли мёда, то ли яда, напоминали виртуозных, гибких канатоходцев, что балансируют на канате, на зыбкой паутине, протянутой над пропастью, в бездонной глубине которой клубятся угрозы и вызовы.

Основная мысль всех выступлений сводилась к тому, что почти внезапный, лавинообразный рост азиатских цивилизаций: таких как Китай, Индия, Пакистан и Япония, — привёл к тектоническим сдвигам в устройстве мира, потеснил высокомерный Запад, сдвинул оси координат, сломал традиционные представления, разрушил мировой порядок, погрузил мир в неуправляемый хаос явлений, противоречий, турбулентных стычек, экономических, политических и военных конфликтов.

Высоколобые эксперты соглашались с тем, что эта неуправляемость, эта загадочность мира, эта новая реальность, состоящая из множества разлетающихся фрагментов, чревата взрывом, беременна мировой катастрофой. Тревожное и печальное выражение было на лицах европейских и американских профессоров, китайских экономистов и политологов, российских знатоков и экспертов в вопросах Азии. И эта неопределённость исследовалась во все дни проходящего форума.

Ближний Восток выглядит как некий вулкан, из которого с библейских времён выбрасываются наружу загадочные силы, в древние времена плодящие пророков, сотворяющие великие энергии. А ныне — бурлящий страстными противоречиями с необъяснимыми и неутолимыми конфликтами.

Говоря о мировом терроризме, главным образом — об исламском экстремизме, все сходились на том, что никакие бомбардировки и военные операции не в состоянии подавить саму изначальную идею, рождающую терроризм. До сих пор не найден идеологический и религиозный аргумент, позволяющий бороться с радикальным исламом не только с помощью бомбово-штурмовых ударов, но и проповедями в медресе и мечетях.

Новая технологическая революция, обретение искусственного интеллекта, который, казалось, должен был упорядочить и соединить множество разнородных процессов, в действительности вносит в мир гигантское противоречие между разумным и неразумным, между миром, поддающимся автоматизации, и миром, который автоматизация вышвыривает за рамки прогресса, что делает образ будущего человечества неясным, туманным, грозящим невиданными катаклизмами.

Канатоходцы, балансирующие на канате, смотрели в пропасть, были исполнены страха падения в эту бездну. И почти никто из них не глядел на небеса, не верил в то, что эти сгустки изнурительных противоречий могут породить не смертоносный, гибельный для человечества взрыв, а восхитительную вспышку новой идеи, новой всемирной мысли, как это случалось в истории человечества, когда в часы кромешной тьмы и гибели вдруг возникало чудесное откровение, посещавшее лучшие умы человечества, выводившее человечество из всех тупиков.

Размышляя о переселении народов, о потеплении климата, о возможных наводнениях и пожарах, все признавали, что переселение народов неостановимо ни с помощью стен, ни пограничных блокад. Что человечество сместилось со своих осей и двинулось с юга на север, угрожая ослабевшим европейским культурам гибелью, растворяя их в своей огнедышащей, стенающей магме. Говорили о крупных экономических блоках, что противостоят друг другу, порождая экономические, финансовые, торговые войны, которые медленно, но неуклонно подходят к военным конфликтам. Но валдайское сообщество не сумело предложить гармоническую картину мировой экономики, где глобализм обнаруживает свои границы, своё увядание, а вместо глобализма выступает национальный эгоизм, увеличивающий хаос.

Канатоходцы, балансирующие на канате, смотрели в пропасть, были исполнены страха падения в эту бездну. И почти никто из них не глядел на небеса, не верил в то, что эти сгустки изнурительных противоречий могут породить не смертоносный, гибельный для человечества взрыв, а восхитительную вспышку новой идеи, новой всемирной мысли, как это случалось в истории человечества, когда в часы кромешной тьмы и гибели вдруг возникало чудесное откровение, посещавшее лучшие умы человечества, выводившее человечество из всех тупиков. И никто не сказал о том, что сегодня мир, угнетённый множеством дурных предчувствий, мрачных предсказаний, находится накануне великого возрождения, ве-

ликого знания, к которому ведут нас не только математика и физика, биоинженерия и новая экономика. Никто не сказал об этом ожидании грядущей примиряющей и окрыляющей идеи — той, ради которой, быть может, было создано человечество, была создана земная жизнь и само мироздание.

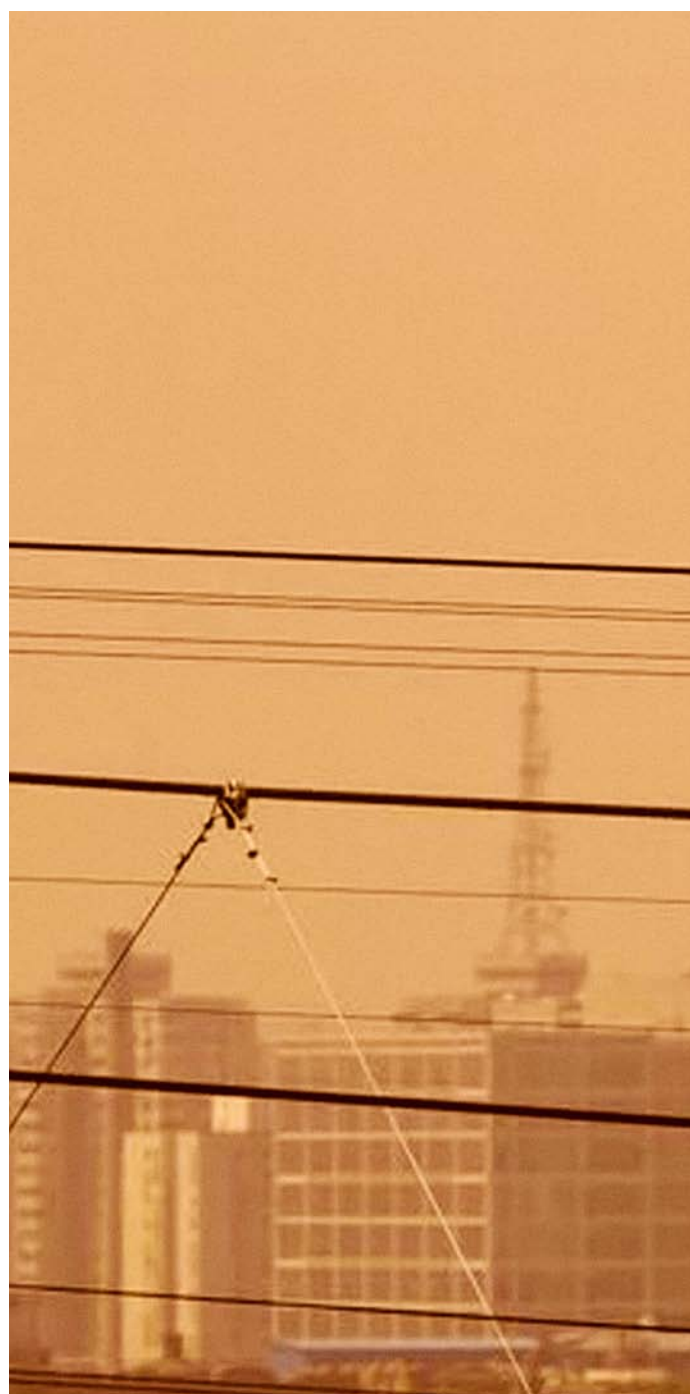
Россия присутствует в хитросплетениях современных проблем, в конфликтующем мире как примиряющая, гармонизирующая идея, будь то Ближний Восток, где России удалось предотвратить разрушение Сирии и громадный разрушительный взрыв радикального ислама. Или Корейский полуостров, где вот-вот должна была загореться атомная война, но Россия пришла в этот регион как примиряющая благая сила. Или израильско-палестинский конфликт, которому, кажется, нет конца. И здесь Россия выступает как посредник, берёт на себя часть этого мучительного конфликта и примиряет брызгающих ненавистью противников. В Карабахе, где армяне и азербайджанцы по-прежнему обмениваются пулями, где льётся кровь, Россия присутствует как сдерживающая, не дающая разгореться этому огненному конфликту, который в своё время стал губительным для Советского Союза.

Россия — душа мира. Русская Мечта, стремясь к божественной высоте, добывая из этой высоты энергии света, любви, делится этими энергиями со всем остальным человечеством. В этом состоит её миссия во все исторические времена, когда она брала на себя всю мировую тьму, превращая её в свет.

Завершило Валдайский форум традиционное выступление Владимира Путина, который явился на форум в сопровождении президентов Азербайджана и Казахстана, президента Филиппин и короля Иордании.

Президент Путин говорил об азиатской политике России, о том влечении, которое русский человек испытывал к пространствам Азии, к её культуре, к её таинственной самобытности. О русской экономике, которая входит в сочетание с экономикой Китая, Японии, Индии. О грандиозных инфраструктурных проектах, благодаря которым через Россию от Индийского и Тихого океанов до северных российских портов проходят железнодорожные трассы. О движении идей и товаров.

И вдруг, среди прочих слов, почти как об обыденном, Владимир Путин сообщил поражённому залу о том, что Россия завершает создание для Китая системы раннего пред-

упреждения о ракетном нападении. Что у границ Китая на кромках океана устанавливаются громадные антенны, построенные Россией на новых технологических принципах, способные обнаруживать пуски американских ракет в их первые секунды, что резко увеличит обороноспособность Китая. Сигналы с этих антенн поступают в единый центр обработки данных, приводят в действие системы перехватчиков. Не исключено, что Россия поставит Китаю эти ракеты-перехватчики нового, ещё неведомого поколения. В амери-

кано-китайской торговой войне, в нарастании политических конфликтов нет-нет, да и прозвучит с таинственной интонацией прогноз о возможной военной конфронтации двух гигантов. И в атмосфере этой не имеющей скончания схватки Россия берёт сторону Китая не на сессиях Организации Объединённых Наций, а в сфере закрытых военно-технических соглашений. Ибо создание такой системы говорит о возможности заключения между Россией и Китаем военно-политического союза, а также о том, что российские технологии,

несмотря на все ущемления и американские санкции, способны создавать совершенные системы современного оружия.

Заявление президента Путина, как не раз бывало на Валдайском форуме, стало сердцевиной и главным содержанием валдайских дискуссий. Услышав путинские слова о российском подарке к 70-летию провозглашения Китайской Народной Республики, валдайские канатоходцы на мгновение замерли на канате в самых странных, нелепых позах, как это было в последней сцене гоголевского «Ревизора».

1 октября 2019 года, в день 70-летия провозглашения Китайской Народной Республики, на саммите лидеров Евразийского экономического союза в Ереване Сергей Глазьев был утверждён на посту министра по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии. После этого 9 октября президент России Владимир Путин подписал указ об освобождении Сергея Глазьева от должности своего советника по координации деятельности федеральных органов исполнительной власти, направленной на развитие евразийской интеграции в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан, которую тот занимал с 30 июля 2012 года.

В переданном Изборскому клубу и публикуемом ниже тексте Сергея Глазьева фактически излагается перспективная программа его деятельности на новом участке работы, призванном обеспечить эффективное сопряжение двух крупнейших современных интеграционных проектов на нашем материке: «постсоветского» Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайского «Один пояс, один путь» (ОПОП).

/ Сергей ГЛАЗЬЕВ /

Китайский опыт для России

Очевидно, что любое развитие экономики требует инвестиций. Их прирост обеспечивается банковским кредитом. В успешно развивающихся странах, в частности — в Китае, рост производства сопровождается опережающим ростом инвестиций, который достигается

за счёт соответствующего увеличения банковского кредита. Китайское «экономическое чудо», опровергающее отечественный «фатализм предопределённости», объясняется эффективной системой управления развитием. Она сочетает стратегические и индикативные планы с целевым

先
43%

кредитованием инвестиционных проектов, их достижения — с одной стороны, и рыночную конкуренцию в открытой экономической среде с избирательным государственным регулированием — с другой стороны.

Обладая гигантским природно-ресурсным, человеческим, научно-производственным потенциалом, Россия серьёзно проигрывает в ведущейся против нас гибридной войне, главный фронт которой разворачивается на финансово-экономическом поле. Но, как показывает опыт Китая и других азиатских «тигров», это поправимо. Главное, прекратить блуждать в «трёх соснах» и перейти, наконец, к форсированному экономическому росту, перенастроив всю систему управления на цели развития.

ОДНОВРЕМЕННЫЙ СТАРТ, РАЗНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Примем за начальную точку отсчёта момент величайшей геополитической катастрофы — крушения СССР и начала построения Россией с 1991 года новой государственности. Тогда же к энергичным действиям по созиданию нового Китая приступили и в Поднебесной.

Российские реформаторы заменили систему постулатов научного коммунизма на противоположную, не менее далёкую от реальности. Тотальное планирование в ней заменила рыночная самоорганизация, вместо тотального огосударствления была проведена всеобщая приватизация, а место классиков марксизма-ленинизма заняли меморандумы МВФ. Управление экономикой было подчинено влиянию внешних факторов.

Вопреки катастрофическим результатам проводимой в РФ экономической политики, она последовательно продолжается вот уже третье десятилетие. Руководители финансово-экономического блока правительства и обслуживающие их экспертные центры находятся в плену догматики рыночного фундаментализма, не обращая внимания ни на его провальные результаты, ни на международный опыт, ни на требования профсоюзов, ни на рекомендации отечественного научного и делового сообществ. Своей политикой, ведущейся строго в соответствии с рекомендациями международных финансовых организаций и оценками американских рейтинговых агентств, они закрепляют технологическую отсталость отечественной экономики, блокируя инвестиции в развитие её реального сектора.

На фоне китайского экономического чуда проводимая в России макроэкономическая политика кажется безумной, если не принимать во внимание её обусловленность интересами властвующей элиты.

Результаты перехода к рыночной экономике в Китае и в России оказались противоположными: в первом случае — бурный экономический подъём, во втором — катастрофический спад. Если в 1991 г. ВВП Китая составлял около 65% от российского, то к 2015 г. он его превысил более чем в 5 раз (525%).

Данные сравнительного анализа говорят сами за себя. Так называемый «мейнстрим» экономической мысли старается не замечать ни китайского «экономического чуда», ни экономической катастрофы в России. Объяснения успехов Китая и неудач России сводятся к несерьёзным рассуждениям об эффекте первичной индустриализации в первом случае и непоследовательности политики шоковой терапии во втором. Иногда проводятся аналогии между нынешней китайской рыночной реформой и новой экономической политикой в СССР около столетия назад.

На самом деле, очевидно, что причины столь разительно противоположных результатов перехода к рыночной экономике в России и в Китае связаны с противоположными подходами к их проведению, начиная с идеологии реформ и заканчивая техникой их проведения. Разными были и цели реформ, и показатели оценки их результатов, и, соответственно, их бенефициары. Рассмотрим их по порядку начиная с идеологии.

Китайское руководство действовало в рамках идеологии совершенствования социалистической экономики, в то время как в России переход к рыночной экономике был самоцелью. Соответственно, различались и наборы показателей, по которым оценивались результаты реформы. В КНР они оценивались по темпам роста производства и потребления, повышению уровня жизни населения. В России — по доле приватизированных предприятий, степени либерализации экономики, параметрам дефицита бюджета и уровню инфляции. При этом российское руководство тщательно избегало декларирования каких-либо идеологических целей реформ, постоянно подчёркивая их «технократический» характер.

В действительности же нарочитый отказ от идеологических клише скрывал вполне определённую и весьма радикальную, по сути — тоталитарную, идеологию россий-

ских реформаторов. Идеологи реформирования России верили в капитализм и исповедовали религию денег. Конституционная норма о социальном государстве ими игнорировалась, вся их политика была направлена на слом государственного регулирования экономики, приватизацию государственных активов и демонтаж социальных гарантий в интересах частного капитала. Оправдывалась эта идеология демагогическими декларациями об автоматических преимуществах частной собственности над государственной с точки зрения эффективности хозяйственной деятельности, рыночной самоорганизации экономики над планированием её развития, открытости над протекционизмом. Она навязывалась как истина в последней инстанции со ссылками на «мейнстрим» западной экономической мысли, точнее — на вульгаризированную версию неоклассической теории (либерал-монетаризм), т. е. доктрину рыночного фундаментализма, прикладная версия которой воплощена в догматике так называемого «вашингтонского консенсуса». Основанные на этой базе рекомендации принимались и применялись правительством РФ без обсуждения и вне зависимости от их последствий для реальной экономики и российского общества в целом. Деятельность «реформаторов» оценивалась не по результатам экономического развития и благосостояния общества, а по отзывам западных авторитетов, похвалы которых оказывались тем навязчивее, чем хуже были объективные результаты «рыночных реформ».

Выбор «дорожной карты» перехода к рыночной экономике был сделан в России одновременно с крахом СССР и мировой системы социализма в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века. Этой «дорожной картой» стала программа «шоковой терапии», основанной на «вашингтонском консенсусе», который был разработан ещё до краха СССР международными финансовыми институтами (МВФ и Мировым банком) для погрязших в долгах слаборазвитых стран третьего мира в целях поддержания полной открытости их экономик международному капиталу под предлогом контроля за использованием предоставляемых кредитов.

Суть доктрины «вашингтонского консенсуса» сводится к трём постулатам: либерализации, приватизации и макроэкономической стабилизации через административное планирование количества денег. Эта концепция

предусматривает максимальное ограничение роли государства как активного субъекта экономического влияния и ограничение его макроэкономических регуляторных функций исключительно контролем за динамикой показателей денежной массы. Последние, как правило, задаются «с потолка», систематически занижаются в целях «борьбы с инфляцией», для их выполнения урезаются социальные расходы, прекращается финансирование науки, сворачиваются государственные инвестиционные программы, не финансируются государственные закупки, не выплачивается вовремя зарплата и т. д.

Идеология рыночного фундаментализма, отвергающая целесообразность государственного регулирования экономики, теоретически базируется на виртуальных моделях рыночного равновесия. Они иллюстрируют гипотетическую самодостаточность механизмов свободной рыночной конкуренции, которые в моделях при отсутствии государственного вмешательства автоматически обеспечивают оптимальное распределение имеющихся ресурсов. При этом функции государства сводятся к защите частной собственности, обеспечению конкуренции и национальной обороны. И хотя ни одна из аксиом, лежащих в основе этих моделей: абсолютная информированность экономических агентов, их независимость друг от друга, свободный доступ к технологиям и ориентация на текущую прибыль, — в реальности не наблюдается, как и само состояние «рыночного равновесия», это не мешает данной идеологии быть востребованной властвующей элитой, как экономической, так и политической, и, соответственно, идеологической.

Таким образом, идеология реформирования российской экономики изначально не имела под собой адекватной реальности научной основы и не стремилась такую основу получить. Поэтому всё, что не «вписывалось» в её догматику, игнорировалось и отвергалось. Если действительность реагирует на рецепты рыночных фундаменталистов не так, как они себе представляли, то тем хуже, с их точки зрения, для действительности.

Понятно, что китайское экономическое чудо вызывает аллергию у рыночных фундаменталистов, поскольку несовместимо с их картиной мира. Вместо обрушения системы государственного регулирования экономики, предпринятого в России в форме «шоковой терапии» в надежде на автома-

тическое включение механизма рыночной самоорганизации, китайские руководители сделали всё наоборот. Постепенно создавая условия для реализации предпринимательской инициативы, они осторожно адаптировали систему государственного регулирования к механизмам рыночной самоорганизации. Пока наши реформаторы ломали народно-хозяйственный комплекс под одобрительное рукоплескание западных «друзей», оправдывая свой авантюризм тем, что «нельзя быть немножко беременной», китайцы старательно синтезировали лучшие советские наработки и практики хозяйствования с преимуществами рыночных подходов, постепенно строили мост между плановой и рыночной экономикой.

Китайский подход к экономическим реформам кардинально отличался и отличается от постсоветского своим прагматизмом. В его основе лежат не догматические шаблоны, исходящие из выгодных определённым кругу бенефициаров и оторванных ради этого от реальности представлений о социально-экономических процессах, а практика управления хозяйством. Подобно инженерам, конструирующим новую машину, китайские руководители последовательно отрабатывают новые производственные отношения через решение конкретных задач, проведение экспериментов, отбор лучших вариантов. Шаг за шагом они строят свой рыночный социализм, постоянно совершенствуя систему государственного управления с целью развития национальной экономики и повышения уровня общественного благосостояния. Сохраняя «завоевания социализма», китайские коммунисты встраивают в систему государственного управления регуляторы рыночных отношений, дополняют государственные формы собственности частными и коллективными таким образом, чтобы добиваться повышения эффективности экономики в общенародных интересах. До сих пор, через четверть с лишним века после начала «рыночных реформ», нынешняя российская экономика практически по всем показателям эффективности производства выглядит существенно хуже советской образца 1990 года. Любой непредвзятый исследователь, умеющий анализировать причинно-следственные зависимости, не может не признать очевидного: социально-экономическая катастрофа в России стала следствием радикальных реформ рыночных фундаменталистов, отвергнувших свой собственный опыт народнохозяйственного

созидания советского времени, а также его редакции, адаптированные успешно развивающимися государствами.

Как констатируется в статье Джона Росса «Социалистическая модель Китая превосходит капитализм», наиболее быстро растущие экономики с момента достижения в 1989 году «вашингтонского консенсуса» (за исключением стран с нефтяной добывающей экономикой или стран с населением менее 5 миллионов человек) не являются последователями данной модели, продвигаемой МВФ/Всемирным банком. Они (Китай, Вьетнам, Камбоджа и Лаос) следуют совершенно другой — китайской — «стратегии социалистического развития». В Китае и Вьетнаме — странах, позиционирующих себя как социалистические, на 85% сократилось количество населения, живущего в условиях нищеты.

В России, вопреки не только научным рекомендациям, но и элементарному здравому смыслу и международному опыту, в жертву идолам рыночного фундаментализма были принесены сбережения граждан, высокотехнологические отрасли промышленности, а природная рента в виде триллионов нефтяных долларов ушла на подпитку «глобальной экономики», оставив отечественный научно-

производственный потенциал без необходимых для модернизации ресурсов. Вместо постепенного выращивания институтов рыночной конкуренции и осторожной трансформации гигантов социалистической экономики в конкурентоспособные корпорации, создания национальной финансово-инвестиционной системы, ориентированной на долгосрочное кредитование модернизационных проектов, приватизацией был выхолощен научно-производственный комплекс страны. Резкое падение производства вследствие непродуманных и поспешных «рыночных реформ» абсолютно противоречило обещаниям сторонников «вашингтонского консенсуса» автоматически поднять эффективность экономики. Позже был придуман ничего не объясняющий термин «трансформационный спад», призванный объяснить якобы неизбежное падение производства при смене общественного строя, а также миф о якобы неизбежности социально-экономической катастрофы в случае сохранения социалистической системы хозяйствования. О несостоятельности этого мифа свидетельствуют не только прогнозы развития советской экономики, ни один из которых не предполагал падения производства более чем на 4%, но и фактические данные о развитии стран, сохранивших социалистическую

систему после краха СССР. Не только Китай, но и Вьетнам, а также Куба и КНДР, при всех различиях своих моделей централизованного управления экономикой, благополучно пережили крах мировой системы социализма и не собираются разваливаться.

Как видим, парадоксальным образом, провозглашая на словах принцип «деидеологизации», на деле российское руководство последовательно проводило чисто идеологический подход, жертвуя здравым смыслом в угоду догмам рыночного фундаментализма. Китайское руководство, наоборот, декларируя приверженность идеологии социализма, реализовывало прагматический подход, руководствуясь критериями повышения эффективности и роста объёмов производства. Это фундаментальное различие проявлялось не только в общем подходе, но и в технологии проведения реформ.

Следуя догмам «вашингтонского консенсуса», российское руководство игнорировало фактические результаты «рыночных реформ», продолжая их вопреки здравому смыслу. В итоге были получены результаты, противоположные ожидавшимся. Выяснилось, что сами по себе частная собственность, рыночное ценообразование, свободное обращение товаров, капитала и рабочей силы вовсе не гарантируют эффективного распределения и использования ресурсов. В этом нет ничего удивительного. При неадекватных теоретическим постулатам мотивах поведения хозяйствующих субъектов, а также в отсутствие соответствующих институтов результаты реформ могут оказаться сколь угодно далеки от провозглашённых.

Можно выделить следующие принципиальные отличия китайской модели экономических реформ от российской.

Первое. Китай создал модель экономики с разумным сочетанием частного и государственного. На самом Западе не любят вспоминать о том, что соревнование с СССР выиграла не рыночная экономика, а экономика смешанная и регулируемая. И в США, и в Европе, и в Японии система управления развитием экономики содержала социалистические элементы, внедрённые со времён Великой депрессии. Они обеспечили высокие темпы роста ВВП (до 9–10% в год) и уровня жизни. После краха СССР в ведущих странах Запада начался отход от смешанной регулируемой экономики. В интересах крупного капитала начали внедряться неолиберальные мифы,

夢
всё дни

которые оправдывали демонтаж государственных институтов регулирования, приватизацию госсектора, отказ от протекционизма в пользу либеральной глобализации. В результате воспроизводство реального сектора стало подчиняться интересам финансовой олигархии, замедлился рост производства и уровня жизни. Пойдя по пути упрощения системы экономического регулирования, страны Запада проигрывают Китаю, который идет по пути её усложнения в соответствии с принципами смешанной экономики.

Второе. Руководство КПК, учитывая печальный опыт ЦК КПСС, смогло пресечь кризис в высшем политическом эшелоне. С начала реформ в 1978 году КПК обеспечила стабильность власти. Ликвидировав кризис 1989 г. и убрав с помощью армии местный аналог Горбачёва (Чжао Цзыяна), Китай вступил на путь уверенного развития. Решающую роль в успехе реформ Китая сыграл Дэн Сяопин, применивший при строительстве нового Китая теорию конвергенции, обеспечивающую сочетание лучших черт капитализма и социализма.

Третье. Китайское руководство пресекло попытки вмешательства во внутренние дела КНР со стороны западных стран. Роль внешнего влияния на принятие решений по реформированию экономики была сведена к изучению советов учёных и специалистов, которые пропускались сквозь фильтр «китайской специфики». Рухнули надежды США на распад КНР или превращение Китая в младшего партнёра, согласно выдвинутой Бжезинским концепции «Химерики». При этом Китаю удалось захватить значительный сегмент американского рынка, привлечь значительные инвестиции и получить доступ к передовым технологиям.

С точки зрения научного знания в итоге сравнительного эксперимента практического применения двух разных теоретических доктрин были получены диаметрально противоположные результаты. Если в России произошло более чем двукратное падение основных показателей научно-технического потенциала, то в Китае был обеспечен их многократный рост.

МОЖЕТ ЛИ РОССИЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ОПЫТ КНР?

Китайский подход к международной политике (отказ от вмешательства во внутренние дела, от военной интервенции, от торговых эмбар-

го) даёт развивающимся странам реальную альтернативу выстраивания равноправных и взаимовыгодных отношений с другими государствами. Многие развивающиеся страны успешно копируют китайскую модель управления экономическим развитием. Показателен пример Лаоса, Камбоджи, Эфиопии, вышедших на высокие темпы роста благодаря внедрению институтов планирования централизованных капиталовложений в перспективные направления развития экономики. Китайское руководство демонстрирует творческий подход к выстраиванию новой системы производственных отношений, которая по мере выхода китайской экономики на первое место в мире становится всё более самодостаточной и привлекательной. Наряду с Китаем в формирование ядра нового мирохозяйственного уклада вовлечены Япония, Сингапур и Южная Корея, Куба. Несмотря на существенные отличия от Китая по политическому устройству и механизмам регулирования экономики, между ними формируется множество устойчивых кооперационных связей, быстро растёт взаимная торговля и инвестиции.

Вне зависимости от доминирующей формы собственности: государственной, как в Китае и во Вьетнаме, или частной, как в Японии и Корее, — для нового мирохозяйственного уклада, соответствующего вековому Азиатскому циклу накопления, характерно сочетание институтов государственного планирования и рыночной самоорганизации, государственного контроля над основными параметрами воспроизводства экономики и свободного предпринимательства, идеологии общего блага и частной инициативы. При этом формы политического устройства могут принципиально отличаться: от самой большой в мире индийской демократии до крупнейшей в мире коммунистической партии Китая. Неизменным остаётся приоритет общенародных интересов над частными, который выражается в жёстких механизмах личной ответственности граждан за добросовестное поведение, чёткое исполнение своих обязанностей, соблюдение законов, служение общенациональным целям. Формы общественного контроля также могут принципиально отличаться: от харакيري руководителей обанкротившихся банков в Японии до исключительной меры наказания проворовавшихся чиновников в Китае. Система управления социально-экономическим

忍

ГЛАГОЛЬ

развитием строится на механизмах личной ответственности за повышение благополучия общества.

Примат общественных интересов над частными выражается в характерной для нового мирохозяйственного уклада институциональной структуре регулирования экономики. Прежде всего — в государственном контроле над основными параметрами воспроизводства капитала посредством механизмов планирования, кредитования, субсидирования, ценообразования и регулирования базовых условий предпринимательской деятельности. Государство при этом не столько приказывает, сколько выполняет роль модератора, формируя механизмы социального партнёрства и взаимодействия между основными социальными группами. Чиновники не пытаются руководить предпринимателями, а организуют совместную работу делового, научного, инженерного сообществ для формирования общих целей развития и выработки методов их достижения. В свою очередь, предприниматели вписывают мотив максимизации прибыли и обогащения в нормы поведения, защищающие интересы общества. Расширяется использование институтов предпринимательской деятельности, ориентированных не на максимизацию прибыли, а на социально значимый результат: некоммерческих организаций, институтов развития, исламского и православного банкинга. При управлении денежными потоками принимаются во внимание этические нормы и вводятся ограничения против финансирования преступной и аморальной деятельности. На это настраиваются и механизмы государственного регулирования экономики.

Государство обеспечивает предоставление долгосрочного и дешёвого кредита, а бизнесмены гарантируют его целевое использование в конкретных инвестиционных проектах для развития производства. Государство обеспечивает доступ к инфраструктуре и услугам

естественных монополий по низким ценам, а предприятия отвечают за производство конкурентоспособной продукции. В целях повышения её качества государство организует и финансирует проведение необходимых НИОКР, образование и подготовку кадров, а предприниматели реализуют инновации и осуществляют инвестиции в новые технологии. Частно-государственное партнёрство подчинено общественным интересам развития экономики, повышения народного благосостояния, улучшения качества жизни. Соответственно, меняется и идеология международного сотрудничества — парадигма либеральной глобализации в интересах крупного транснационального частного капитала сменяется парадигмой устойчивого развития в интересах всего человечества.

Быстрый экономический рост Китая, продолжающийся и после начала глобального финансового кризиса на фоне стагнации мировой экономики, объясняется эффективной системой управления развитием КНР. Она сочетает стратегические и индикативные планы с целевым кредитованием инвестиционных проектов их достижения — с одной стороны, и рыночную конкуренцию в открытой экономической среде с избирательным государственным регулированием — с другой.

Стратегическое планирование указывает перспективные направления развития экономики, опираясь на долгосрочные прогнозы научно-технического прогресса и понимание возможностей опережающего развития китайской экономики в рамках мировой. Индикативное планирование даёт ориентиры деятельности органам государственной власти всех уровней по созданию условий для наращивания инвестиционной активности в целях роста производства и повышения уровня жизни населения. Оно также предоставляет предпринимателям возможность воспользоваться этими условиями.

Рыночная конкуренция обеспечивает эффективность, а целевое кредитование — финансирование реализации инвестиционных проектов. Государственное регулирование стимулирует деловую активность в направлении роста производства и сдерживает её деструктивные проявления (вывоз капитала, финансовые пирамиды и т. п.). Открытость даёт возможность импорта передовых технологий и экспорта готовой продукции, принуждая предпринимателей к росту конкурентоспособности своей продукции.

Стержнем всей системы регулирования экономики КНР является всемерное стимулирование инвестиционной и инновационной активности. Ключевую роль в этом играет государственный сектор, основу которого составляют:

- государственная банковская система, генерирующая кредит под индикативные планы роста инвестиций и производства;
- транспортная и энергетическая инфраструктура, развитию которой придаётся приоритетное значение в государственных планах;
- государственные корпорации, концентрирующие ресурсы для научно-технического развития экономики, разработки и внедрения передовых технологий.

Государственные инвестиции являются локомотивом развития китайской экономики. Вслед за ними растут и частные инвестиции, привлечённые низкими рисками и дешёвой государственной инфраструктурой. При этом государство проводит антициклическую политику, наращивая инвестиции в периоды спада активности частных инвесторов. Последовательное быстрое наращивание капиталовложений в перспективных направлениях развития обеспечило опережающий рост китайской экономики. Первоначальным источником финансирования была целевая кредитная эмиссия. Определённую роль сыграли прямые иностранные инвестиции, привлекаемые правительством КНР в целях освоения передовых технологий и развития международной кооперации. В дальнейшем, по мере роста производства, увеличивались доходы и сбережения населения, создавая восходящий финансовый поток новых инвестиций. При этом Банк Китая продолжает наращивать кредитную эмиссию по каналам государственных банков и институтов развития под инвестиционные потребности модернизации и расширения производства, заявляемые в индикативных планах правительства, провинций, городов и корпораций. Создаваемые в этих целях финансовые инвестиционные платформы позволяют снизить риски и обеспечить направление эмитируемых ЦБ кредитных ресурсов в развитие перспективных производств соответственно государственным приоритетам.

Так, 10-кратный рост ВВП в Китае с 1993 по 2017 год сопровождался ростом инвестиций в 28 раз, денежной массы и банковского кредита в производственной сфере — соот-

ветственно в 19 и 15 раз. На единицу прироста ВВП приходится почти три единицы прироста инвестиций и около двух единиц прироста денежной массы и объёма кредита. Это иллюстрирует действие механизма роста китайской экономики: увеличение экономической активности, измеряемое ВВП, обеспечивается опережающим ростом инвестиций, большая часть которого финансируется за счёт расширения кредита государственной банковской системы. При этом инфляция в Китае за весь период бурной монетизации экономики оставалась в пределах 4–7%.

Низкая инфляция обеспечивалась постоянным повышением эффективности и объёмов производства товаров благодаря удержанию денежных потоков в контуре: «кредитная эмиссия — рост инвестиций — рост объёмов и эффективности производства — рост массы товаров при снижении удельных издержек их производства и цен — рост доходов — рост сбережений — рост инвестиций». Достигалось это путём привязки кредитов государственных банков к инвестиционным проектам развития производства при соблюдении валютных ограничений по операциям с капиталом, сквозной ответственности органов государственной власти за достижение индикаторов роста производства и инвестиций, а также благодаря системной борьбе с коррупцией.

Нет принципиальных проблем для использования в России отработанных Китаем методов управления развитием экономики. Они с успехом применяются не только в КНР, но и в Индии, Вьетнаме, Южной Корее, Сингапуре и других успешно развивающихся странах. Их характерной чертой является опережающее наращивание целевой кредитной эмиссии для финансирования инвестиций в соответствии с определяемыми государством приоритетами. За счёт этого достигалось резкое увеличение нормы накопления при низких доходах и сбережениях населения.

Впервые подобная система целевой кредитной эмиссии была внедрена в конце XVIII века и обеспечивала, с некоторыми модификациями, финансирование индустриализации США вплоть до начала XX века. Но даже после приватизации денежной эмиссии ФРС она сохранила целевой характер — вплоть до настоящего времени эмиссия долларов ведётся в целях финансирования дефицита государственного бюджета под приобретение казначейских обязательств, что позволяет американскому правительству

осуществлять гигантские расходы на оборону, НИОКР, инвестиции в развитие экономики и социальной сферы.

В России к целевой кредитной эмиссии широко прибегало правительство С. Ю. Витте, а затем она была положена в основу финансовой системы СССР. В послевоенный период широкомасштабная кредитная эмиссия была реализована в Японии (под индикативные планы роста промышленного производства) и Евросоюзе (под векселя производственных предприятий). В настоящее время Банк Японии и ЕЦБ возвращаются к подобной практике, эмитируя деньги под приобретение акций и облигаций корпораций в рамках проводимой ими политики «количественного смягчения» в целях стимулирования инвестиций в модернизацию и рост производства на основе нового технологического уклада.

Дальнейшее развитие мировой экономики связано с формированием новых мирохозяйственного и технологического укладов, образцом развития которых является КНР. Для этого все ведущие страны мира прибегают к стимулированию инвестиций за счёт целевой кредитной эмиссии. Чем быстрее мы перейдём к внедрению аналогичной системы в России, тем большими будут перспективы развития отечественной экономики. И наоборот, отказ от внедрения этих современных методов управления социально-экономическим развитием будет означать нарастающее технологическое отставание и упадок российской экономики, закрепление её периферийного положения по отношению к Китаю и ЕС.

Следование этим рецептам и рекомендациям (с воплощением в жизнь перспективных форматов и проектов двухсторонних отношений) само по себе является отдельным контуром осуществления данной президентом России целевой установки на рывок в экономическом развитии нашей страны. Незадействованными остаются сугубо внутренние резервы: искусственные ограничения в денежно-кредитной, финансовой, промышленной политики не позволяют надеяться на темпы роста российской экономики выше среднемировых. В этом контексте весьма поучительным и практически применимым является китайский опыт многолетнего опережающего развития.

Исходя из китайского опыта и общепринятой мировой практики финансирования опережающего развития экономики мож-

но обосновать следующие рекомендации для России:

- перевод работы правительства на технологию стратегического и индикативного планирования на основе процедур частно-государственного партнёрства в соответствии с принятым федеральным законом;
- разработка стратегического плана опережающего развития экономики на основе нового технологического уклада, его развёртывание в сеть индикативных планов на основе государственных программ и инициативных предложений хозяйствующих субъектов и научных организаций, заключение специальных инвестиционных контрактов между предприятиями и органами государственной власти в соответствии с этими планами;
- принятие больших инвестиционных проектов развития инфраструктуры, финансируемых за счёт средств государственного бюджета и институтов развития, за счёт выпуска целевых низкопроцентных облигаций, котируемых на бирже и выкупаемых ЦБ, использование государственных и муниципальных заимствований исключительно для финансирования инвестиций;
- трансформация бюджетного правила в бюджет развития, предусматривающая направление нефтяных доходов на финансирование государственных инвестиций;
- дополнение функций ЦБ задачами обеспечения роста инвестиций, ВВП и занятости, повышение роли механизмов рефинансирования коммерческих банков с увеличением сроков предоставляемых ресурсов и расширением ломбардного списка;
- приближение ключевой ставки к уровню средней рентабельности обрабатывающей промышленности, введение вектора ставок рефинансирования, приближающего цену финансовых ресурсов к рентабельности большинства отраслей экономики;
- организация целевого рефинансирования государственных институтов развития и коммерческих банков под низкопроцентные долгосрочные государственные и муниципальные обязательства, облигации государственных корпораций, включая инфраструктурные облигации, а также бизнес-планы предприятий, разрабатываемые в целях реализации государственных программ, заказов, специальных инвестиционных контрактов, экспортных контрактов,

совместных с партнёрами по евразийской интеграции инвестиционных проектов и пр.;

- введение механизма личной и коллективной («сквозной», «вертикальной» и «горизонтальной») ответственности чиновников государственных ведомств, банков, корпораций, предприятий и организаций, а также механизмов их поощрения за реализацию индикативных планов роста инвестиций и производства;
- подчинение государственной банковской системы задачам кредитования роста производства и инвестиций в соответствии с индикативными планами, включая регулирование процентных ставок исходя из рентабельности производственной сферы;
- внедрение системы контроля над целевым использованием кредитов государственных банков и бюджетных ассигнований, исключаящей их вывоз за рубеж и использование в спекулятивных целях;
- введение избирательного валютного и финансового регулирования на основе косвенных методов (налог Тобина, резервные требования и пр.) в целях предотвращения спекулятивных атак, манипулирования рынками и курсом рубля, сооружения финансовых пирамид и прочих махинаций, дестабилизирующих экономику;
- расширение использования рубля в качестве валюты цены и валюты расчётов по российским экспортным поставкам, формирование основы для превращения рубля в международную валюту расчётов и ценообразования в Большом евразийском партнёрстве, стабилизация курса рубля на среднесрочный период по отношению к корзине евразийских валют;
- переход к идеологии развития с приоритетным наращиванием расходов на НИОКР и образование, стимулированием инновационной активности и поощрением новаторства, а также введением персональной ответственности в системе государственной власти за достижение целей развития.

Косность мышления управляющего социально-экономическим развитием звена в парадигме следования рекомендациям МВФ и других «партнёрских» институтов Запада не позволяет в полной мере реализовать потенциал российско-китайского сотрудничества в приоритетных направ-

лениях. Даже там, где даны прямые распоряжения и указания президента России и председателя КНР. Это в известной мере девальвирует сложившееся между главами государств политическое союзничество по ключевым вопросам глобальной и региональной (евразийской, Большого евразийского партнёрства) повестки.

Сегодня Китай и Россия находятся на пике возможностей по развитию двустороннего и многостороннего сотрудничества со времён окончания холодной войны. Обе страны являются мировыми «центрами силы», обладающими к тому же преимуществом географического соседства.

Взаимоотношения России и КНР уже длительное время демонстрируют высокий потенциал сотрудничества в различных областях и могут быть определены как эталонная модель для взаимодействия великих держав. Обе страны сближает одна историческая миссия, которая может быть выражена в постановке и решении шести взаимосвязанных задач:

- добиться национального возрождения;
- сохранить целостность и суверенитет;
- содействовать экономическим преобразованиям;
- принимать на себя ответственность в мировых делах;
- гарантировать мир во всём мире;
- содействовать глобальному развитию.

榮
ДОБРО

/ Андрей ОСТРОВСКИЙ, Александр НАГОРНЫЙ /

40 лет китайских реформ

В представленном здесь докладе сделана попытка анализа внешних и внутренних факторов социально-экономического и политического развития КНР, а также механизмов управления общей динамикой экономического и финансового прогресса, достигнутого в Китае за последние четыре десятилетия,

начиная с провозглашённой пленумом ЦК КПК по инициативе Дэн Сяопина в самом конце 1978 года «политики реформ и открытости», получившей название «политики открытых дверей». Авторам доклада было интересно определить зависимость и соотношение идеологии и внутривластных процессов в их воздействии на эконо-

мический и социальный прогресс, равно как и взгляды китайского руководства на общемировую динамику в целом. Под углом решения этих задач, с учётом оценок ведущих экспертов по Китаю в Российской Федерации, и выстраивался данный доклад.

На основе своего исследования авторы приходят к заключе-

нию, что руководство КНР и КПК сумело ещё в конце 70-х годов прошлого столетия правильно оценить и спрогнозировать основные глобальные ЭКОНОМИЧЕСКИЕ и политические тенденции, а также выработать и реализовать многомерную стратегию развития, в которой внешние и внутренние факторы представляли и до сих пор представляют собой определённое проектное целое, построенное на прагматических принципах решения конкретных задач и проблем вне зависимости от официальных идеологических постулатов, но с учётом общей стратегической цели Китая — достичь самых передовых позиций практически по всем направлениям развития современной человеческой цивилизации.

Вместе с тем в данном докладе делается вывод о серьёзных трудностях, которые Китайской Народной Республике предстоит преодолеть уже в ближайшие годы, даётся описание и сценарная разработка комплекса проблем: как внутреннего системного характера, связанных с выходом Китая на передовые позиции глобального развития, так и жёсткого противодействия развитию КНР со стороны ведущих мировых держав, в первую очередь — Соединённых Штатов Америки. По нашему мнению, пик этого противостояния, вероятнее всего, может быть достигнут уже в период 2021–2022 гг. Китай в своём дальнейшем движении вперёд будет ощущать подрывную деятельность внутри своей страны на базе идеологических кампаний, как это происходит сейчас в Сянгане (Гонконге) и других частях КНР.

Тем не менее авторы полагают, что в ближайшие 5–7 лет КНР имеет все возможности более-менее успешно справляться с этими вызовами на основе собственного потенциала, стратегического союза

с Россией и распада западного блока во главе с США. Однако за этой «линией горизонта» практически неизбежными представляются серьёзные кризисные сбои, преодолеть которые будет невозможно без перехода Китая к новой идеологии, представляющей адекватные перспективы не только для китайского населения, но и для всего человечества. На базе существующей ныне в КНР цивилизационной матрицы «социализма с китайской спецификой» такой идеологический переход выглядит весьма затруднительным или даже невозможным. А это, в свою очередь, создаёт для КНР заведомо высокие риски как в плане глобального цивилизационного лидерства, так и в плане сохранения собственной субъектности. Решающую роль здесь в ближайшие десятилетия будет играть научно-технологический прогресс и реализация отдельных его аспектов — особенно в сферах искусственного интеллекта и биотехнологий.

ДОСТИЖЕНИЯ КНР: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

Политическое руководство компартии Китая после смерти Мао Цзэдуна пришло к однозначным выводам относительно необходимости, с одной стороны, качественного поворота в своей внешнеполитической стратегии, а с другой — нового экономического курса и новой экономической политики. Смысловым ядром пересмотра партийной и государственной деятельности стала ставка на рыночные механизмы в экономике, успешный опыт которой к тому времени был продемонстрирован опытом Японии и других государств Юго-Восточной Азии (т.н. «азиатские тигры»). Именно там в конце 70-х — начале 80-х гг. прошлого века наблюдались самые высокие темпы экономического роста, позволявшие достичь роста уров-

ня жизни населения и социальной стабильности. Рецепт совмещения государственного стратегического планирования с рыночными реформами и подключением к решению общенациональных задач в разных аспектах частной собственности и частной инициативы был не только выписан, но и прошёл успешные испытания на практике в том географическом Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) нашей планеты, к которому относился и Китай.

Поэтому попытка применить этот рецепт к экономике КНР, можно сказать, напрашивалась сама собой. Тем более такому решению способствовал целый ряд внутренних и внешних факторов.

Прежде всего, итоги «большого скачка», «культурной революции» и других проявлений леворадикального курса, близкого к «военному коммунизму», который в целом осуществляла КПК под руководством Мао Цзэдуна в 50–60-е годы, привели к обострению социально-экономических проблем внутри самой КНР, к 1979 году страна с населением в 969 млн человек имела ВВП на уровне 410 млрд юаней, или 263,7 млрд долл¹, являясь одной из беднейших в мире. Понятно, что запрос на аналог советского нэпа в китайском обществе, тогда — по преимуществу аграрном, был чрезвычайно высок.

Вторым фактором была внешнеполитическая ситуация. Ухудшение отношений между Китаем и СССР и состояние холодной войны между «свободным миром» во главе с США и «лагерем социализма» во главе с СССР сделали возможным сближение Вашингтона с Пекином, началом которого стал подготовленный усилиями Генри Киссинджера (включая признание КНР в ООН) визит президента США Ричарда Никсона в Китай и его встреча с Мао Цзэдуном. Перспектива американо-китайского союза во многом повлияла на советское руководство, усилив в нём влияние

¹ https://en.wikipedia.org/wiki/Historical_GDP_of_China

Период	Главный лозунг	Основное содержание реформ
1-й этап: декабрь 1978 г. – сентябрь 1984 г.	«Плановая экономика – основа, рыночное регулирование – дополнение»	Основное внимание уделялось деревне, но и в городе проводились эксперименты по расширению хозяйственной самостоятельности предприятий, создавались специальные экономические зоны (СЭЗ)
2-й этап: октябрь 1984 г. – декабрь 1991 г.	«Плановая товарная экономика»	Центр тяжести реформы переместился из деревни в город, государственные предприятия стали основным звеном всей реформы в целом, и основное внимание при переходе к рынку было уделено реформе цен. При этом реформа стала постепенно распространяться на социальную сферу, развитие науки, техники и образования.
3-й этап: январь 1992 г. – сентябрь 2003 г.	«Социалистическая рыночная экономика»	Формировалась новая экономическая система, где главным является дальнейшее расширение и развитие рынка, создание новой системы управления предприятиями, формирование новой системы макрорегулирования и контроля со стороны государства.
4-й этап: октябрь 2003 г. – настоящее время	«Совершенствование социалистической рыночной экономики»	Выдвинута задача совершенствования институциональных механизмов рыночной экономики, что включало в себя выявление ведущей роли рынка в сфере распределения ресурсов, усиление живучести и конкурентоспособности предприятий, оздоровление государственного макрорегулирования, совершенствование административного управления и функций общественных организаций (общественного сервиса) в интересах построения всестороннего общества «малого благоденствия» (<i>сяожан</i>), создание эффективной системы социального обеспечения.

Таблица 1.

Основные этапы экономической реформы в КНР

сторонников «разрядки» и «мирного сосуществования двух общественно-политических систем», что полностью соответствовало разработанной на Западе «теории конвергенции».

Наконец, третьим фактором была ситуация в мировой экономике и формирование «глобального рынка» с доминирующими позициями транснациональных корпораций, которые нуждались в снижении издержек производства и, соответственно, в формировании «мастерской мира» с массовой образованной и дешёвой рабочей силой. С этой точки зрения КНР представляла собой если не идеальный, то весьма перспективный вариант.

Всё это привело к новому соотношению сил в пекинском руководстве, где после смерти Мао Цзэдуна ведущую роль в государственном управлении приобрёл ветеран Народной революции Дэн Сяопин с целым рядом своих соратников. Эта группа руководителей сумела не только расправиться с ультралевыми радикалами из ближайшего окружения Великого кормчего («банда четырёх»), но и сформировать чёткое понимание мировых политических и финансово-экономических процессов. В частности, того, как надо выстраивать

и использовать внешнюю стратегию с ориентацией на ускоренное развитие национальной экономики при использовании базовых стратегических противоречий между США и СССР. При этом либерализация экономической системы сопровождалась уже с течением политического контроля и власти КПК. Советское руководство в годы перестройки действовало строго наоборот, отказавшись от власти КПСС, что, в конечном итоге, привело к слому политической системы и расчленению государства.

Другими словами, китайское руководство правильно оценило страх политических кругов США перед «советской угрозой» и возможность его использовать для решения собственных проблем начиная с экономических и далее через политические к военно-стратегическим вопросам. Пекин фактически предложил себя в качестве квазисоюзника США на длительную перспективу в виде наиболее слабого субъекта «глобального треугольника», нуждающегося в прямой экономической и финансовой помощи. Отметим, что Вашингтон принял такую большую стратегическую игру, расценивая КНР как малоспособного актора

с низкими возможностями развития, хотя уже к концу 60-х годов Пекин обладал, например, как ядерным оружием, так и средствами его доставки на стратегическую глубину до 10 000 км. В качестве примера можно привести результаты слушаний в Конгрессе США, проведённых в начале 1979 года. Практически никто, кроме профессора Николаса Ларди, не оценил итоговые цифры, выдвинутые властями КНР, как возможные для выполнения. А они были весьма амбициозны: порядка 4% прироста в сельском хозяйстве и 8–10% в промышленности со среднегодовым темпом на уровне 7–8%. Такому принижённому пониманию возможностей КНР в научных и политических кругах Америки активно подыгрывал и сам китайский истеблишмент, что и позволило наладить эффективный научный и технологический трансфер из США в КНР. Подобная общая атмосфера сложилась уже к концу 70-х годов и просуществовала вплоть до начала президентом Трампом торгово-экономической войны против Пекина в 2019 году. Американская сторона проснулась, когда КНР уже достигла большинства вершин в экономическом развитии и международном раз-

делении труда. Таким образом, можно с полной уверенностью заключить, что политико-стратегические мотивы были важнейшими в развёртывании экономического рывка Китая.

Между тем вторым, ещё более важным направлением деятельности китайского руководства, направленной на ускоренное развитие Китая, стали выводы Дэн Сяопина и его соратников, сделанные в 1978–1979 гг. относительно необходимости комплексных экономических реформ рыночного типа с отказом от тотального государственного управления экономическими процессами, но при сохранении и даже ужесточении централизованного распределения ресурсов и финансирования на начальных этапах реформ.

Именно в этой сфере в декабре 1978 года были выдвинута так называемая «Программа четырёх модернизаций», в рамках которой предусматривались радикальные шаги во внутренней и внешней экономической политике. В первую очередь это касалось сельского хозяйства, где были предприняты меры по демонтажу сверхкрупных крестьянских коммун. Параллельно стимулировалась частная инициатива на уровне мелкого и среднего предпринимательства. А вслед за сельским хозяйством практически незамедлительно был начат пересмотр прежней экономической политики, основанной исключительно на плановой экономике и государственной собственности. При этом достаточно жёстко соблюдалась постепенность перевода предприятий на новые рельсы хозяйствования, в то время как предприятия стратегического значения сохраняли бюджетную поддержку и установочные планы. Важнейшей частью проводившихся реформ были шаги по включению предприятий во внешнеэкономическую деятельность с поощрением экспортно ориентированного производства.

Таким образом, китайское руководство с первых шагов реформ признавало, что уравнилительное распределение и политика изоляции от внешнего мира, выражавшиеся в небольшом объёме внешней торговли, не мог-

ли обеспечить решения главных задач, стоящих перед страной, — таких как насыщение внутреннего рынка сельхозпродукцией и обновление технологической базы промышленного производства. Использование производственного потенциала, заложенного в 50–70-е гг.: крупных предприятий тяжёлой и оборонной промышленности, топливно-энергетического комплекса, транспорта, то есть государственного сектора, — в качестве «костяка», обеспечивающего жизнедеятельность всей экономики страны, включая «рыночный сектор», стало важнейшей характеристикой «политики открытых дверей».

В результате произошедших изменений уже в 1977–1980 гг. Дэн Сяопину удалось вернуться на все ранее занимаемые посты в КПК и в правительстве КНР, чтобы на практике реализовать выдвинутый им тезис об ориентации на экономику как единственно верный элемент на пути выхода из кризиса и возрождения страны.

Основные положения программы Дэн Сяопина были изложены им в докладе на 3-м пленуме ЦК КПК 11 созыва в декабре 1978 г. Решения этого пленума о совершенствовании хозяйственного механизма и урегулировании экономики стимулировали развитие в китайской деревне системы семейного подряда и производственной ответственности, что в немалой степени способствовало оздоровлению китайской экономики на рубеже 70–80-х годов. Часть

производимой в деревне продукции можно стало продавать по рыночным, а не фиксированным государственным ценам, в результате чего в Китае — сначала в сельской местности, а затем и в городах — возникли сегменты свободного рынка, на котором уже стал действовать закон стоимости.

Комплексная стратегия реформы в виде программы развития КНР была рассмотрена и принята на XII съезде КПК (сентябрь 1982 г.). В ходе работы съезда было принято решение о том, что Китай будет строить «социализм с китайской спецификой». Главным принципиальным моментом в теории реформы экономической системы в Китае явилась постановка новых целей экономической реформы в условиях социализма. На протяжении 40 с лишним лет реформы были выработаны четыре основных экономических лозунга, соответствующих четырём основным этапам реформы (см. табл. 1).

Следует отметить, что первые два из них носили подготовительный для реализации концепции экономической реформы в Китае характер. И только в ходе третьего этапа, после поездки Дэн Сяопина на юг КНР зимой 1992 г., постепенно стал происходить переход к квазирыночной экономике, построенной на основе всемерного развития предприятий различных форм собственности и постепенного допуска предпринимателей к участию в принятии государственных решений. В ходе реформы управления предприятиями всё большее число рабочих и служащих становились акционерами, на многие акционерные предприятия и предприятия с участием иностранного капитала административно-управленческий персонал набирался по конкурсу, а не по назначению КПК и вышестоящих ведомств.

Повышение эффективности аграрного сектора позволило высвободить десятки миллионов дешёвых, готовых трудиться буквально «за еду» рабочих рук, которые использовались в «свободных экономических зонах» на побережье Китая. При этом ускоренный рост экономики наблюдался только

внутри страны, в то время как девальвация юаня к доллару скрывала реальную ситуацию. Так, данные МВФ показывают, что за период 1979–1999 гг. ВВП КНР, исчисленный в юанях, вырос с 410 до 9056 млрд юаней, т.е. более чем в 22 раза, а исчисленный в долларах — с 263,7 до 1094 млрд долл., или всего лишь в 4,18 раза. Соответственно, курс юаня к доллару составлял 1,55 в 1979 году и 8,28 в 1999 году, что означает более чем пятикратную девальвацию китайской валюты. А это, в условиях полного валютного контроля, позволяло официальному Пекину «прятать» значительную часть своей реальной экономической мощи, одновременно демпингуя на внешних рынках, способствуя «затягиванию» западных ТНК, вместе с их технологиями, в «свободные экономические зоны» КНР и позволяя этим ТНК фиксировать гигантские прибыли.

С точки зрения МВФ, в этот период экономика КНР не могла считаться даже стабильной, поскольку снижение номинального «долларового» ВВП наблюдалось в 1981–1982, 1985–1986, 1990 и 1994 годах. И только с 1995 года (кстати, показавшего невероятный прирост по долларовому номиналу — сразу на 30%), а особенно — после вступления КНР в ВТО в конце 2001 года, показатели китайской экономики, исчисленные в юанях и долларах, стали более-менее коррелировать между собой.

Так, ВВП КНР за период 1999–2018 гг. вырос в юанях с 9,056 до 90,031 трлн, т.е. в 9,94 раза, а в долларах — с 1,094 до 13,605 трлн, т.е. в 12,44 раза.

За последние 10 лет (2009–2018 гг.) показатели КНР выглядят следующим образом: рост ВВП составил 2,58 раза (с 34,098 трлн юаней в 2009 году), а в долларовом исчислении — 2,66 раза

(с 5,11 трлн долл.). Для сравнения: в 1999–2008 гг. эти цифры составили соответственно 3,53 и 4,2 раза.

В целом же, как отмечает центральный орган ЦК КПК «Женминь Жибао» со ссылкой на Государственное статистическое управление (ГСУ) КНР, «в период с 1979 по 2018 год китайская экономика росла в среднем на 9,4% в год, что намного выше показателя среднего мирового экономического роста, который составлял 2,9%». А в целом китайская экономика за последние 70 лет росла на 8,1% ежегодно, что на такой базе в течение столь длительного периода времени является просто фантастическим результатом.

В настоящее время в КНР происходит формирование новой экономической системы, где главным звеном является расширение и развитие рынка, создание новой системы управления предприятиями, формирование системы макрорегулирования и контроля.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ УПРАВЛЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ КНР

В 90-е гг. в Китае ведущими учёными-экономистами совместно с государственными структурами были составлены долгосрочные программы социально-экономического развития страны на 1996–2010 гг. и на 2011–2030 гг. Согласно этим программам, в течение 15 лет: с 1996 по 2010 гг. темпы прироста ВВП должны были составить в среднем 8–9% годовых (см. табл. 2).

В результате показатель валового внутреннего продукта должен был достичь 20 трлн юаней, а ВВП на душу населения — 14 000 юаней; соотношение ВВП по трём секторам экономики (сельское хозяйство/промышленность/сфера услуг) должно было составить 11:49:40, занятых — 34:32:34, а доля городского населения — достичь 60% общей численности населения страны. Объём внешней торговли должен был планироваться на уровне

не 1,3 трлн долл., а доля продукции обрабатывающей промышленности в совокупном экспорте — выше 90%. При этом предусматривался рост жизненного уровня населения, который предполагал рост уровня внутреннего потребления товаров и услуг на 7% ежегодно, целевой средний показатель уровня потребления населения — 7400 юаней/год, соотношение между уровнем потребления в деревне и городе — 1:2, а средний размер жилой площади в городе на человека — 14 кв. м.

В составленных в 90-е гг. программах социально-экономического развития экономики КНР на 2011–2030 гг., с учётом достигнутых экономических показателей, планировались более низкие темпы ежегодного роста ВВП — 6–7%, достижение объёма ВВП — 70 трлн юаней в 2030 г., а ВВП на душу населения — 45 000 юаней в год. При этом соотношение ВВП по трём секторам экономики должно было составить 8:42:50, доля ВВП в производстве продукции новых и высоких технологий вырасти до 30%, а урбанизация — составить 65% численности населения страны. Рост внешней торговли должен быть таким, чтобы её доля в ВВП постоянно увеличивалась, а объём внешней торговли составил 6,5 трлн долл. к 2030 г. Уровень потребления населения до 2030 г. должен увеличиваться в среднем по 6% в год, а соотношение между уровнем потребления в деревне и городе достичь уровня 1:1,5, в целом же Китай по общему уровню доходов населения должен войти в число стран со средневысоким уровнем доходов. Также говорилось о необходимости решения в стране экологических проблем.

Как мы видим, среднегодовые темпы прироста ВВП за годы реформ оказались довольно высокими, и КНР по темпам прироста ВВП занял 1-е место в мире: в 1979–2010 гг. — 9,9%, в 1991–2010 гг. — 10,5%, в 2001–2010 гг. — 10,5%. Только за годы реформы с 1978 по 2010 г. объём ВВП вырос в 115 раз. При этом продолжался устойчивый рост производства практически всех видов промышленной и сельскохозяйственной продукции.

Годы	Темпы прироста (%)
1996–2010 (план)	8–9%, в среднем — 8,5%
1979–2010 (факт)	9,9%
1991–2010 (факт)	10,5%
2001–2010 (факт)	10,5%
2011–2030 (план)	6–7%, в среднем 6,5%
2011–2017 (факт)	6,6–9,5%
2011 (факт)	9,5%
2012 (факт)	7,9%
2013 (факт)	7,8%
2014 (факт)	7,3%
2015 (факт)	6,9%
2016 (факт)	6,7%
2017 (факт)	6,8%
2018 (факт)	6,6%

Таблица 2.

Среднегодовые темпы прироста ВВП КНР в 1979–2018 гг.

Составлено по: 1996–2050-наны. Чжунго цзинцзи шэжуэй фачжань чжаньлюэ — цзоусян сяньдайхуады гоусян (1996–2050 гг. Стратегия социально-экономического развития Китая — концепция пути к модернизации). Под ред. Ли Чэнсюня. Пекин, 1997, с. 36–39; Чжунго тунцзи чжайяо — 2018, Пекин, 2018; 2018-наны гоминь цзинцзи хэ шэжуэй фачжань тунцзи баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2018 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2019 года.

После вступления КНР в ВТО в 2001 г. темпы роста ВВП стали заметно опережать плановые, и в 2010 г. итоговые показатели объёма ВВП достигли 41,3 трлн юаней, а ВВП на душу населения — 29762 юаня в год — более чем в 2 раза были выше плановых. После 2011 г. темпы экономического роста стали снижаться, и, по определению председателя КНР Си Цзиньпина, возникло состояние «новой нормальности» экономики, определяющейся более низкими темпами роста из-за уже достигнутых высоких показателей, заметно превышающих намеченные планы социально-экономического развития.

По многим другим индикативным показателям к 2010 г. также было достигнуто заметное превышение. В частности, соотношение ВВП по трём сферам экономики составило уже 10,2:46,9:40,2 по сравнению с запланированными 11:49:40. Однако реальная доля занятости в трёх сферах экономики — 38:28:34 — показывает, что доля занятых в сфере сельского хозяйства остаётся выше, чем пред-

полагали планируемые показатели: 34:32:34, и происходит это практически полностью за счёт промышленного сектора, а не сектора услуг. Во внешней торговле по итогам 2010 г. плановый показатель был превышен более чем вдвое; доля продукции обрабатывающей промышленности также превысила уровень в 90% от общего объёма экспорта.

Особо следует остановиться на анализе показателей жизненного уровня населения КНР. В 2010 г. был в очередной раз пересмотрен показатель «линии бедности», который составил 2300 юаней (340 долл.) на человека в год, или около 1 долл. в день. В то время людей, проживающих ниже «линии бедности», насчитывалось 165,7 млн (17,2% населения страны). Большую часть из них составляли крестьяне. Разрыв в доходах между жителями города и деревни в 2010 г. достигал трёх раз, в то время как по плану этот разрыв должен был составить около двух раз. Средний доход потребления составил 9965 юаней в год на человека, что было

млрд юаней	1978	1985	1990	2000	2010	2015	2016	2017	2018
ВВП	346,5	901,6	1887,3	10028	41303	68599	74006	82075	90030
Агрегат М2			1529,3	13461	72582	139228	155007	167677	182700
М2 к ВВП (%)			81,9	135,7	175	202,9	209,5	204,3	202,9
Агрегат М1			695	5314,7	26662	40095	48656	54379	55200
М1 к ВВП (%)			37,2	53,6	64,4	58,5	65,8	66,1	61,3
Агрегат М0			264,4	1465,3	4463	6322	6830	7065	7300
М0 к ВВП (%)			14,2	14,8	11,3	9,2	9,2	8,6	8,1
Расходы госбюджета	112,2	200,4	308,4	1588,6	8987	17588	18776	20333	22091
Расходы госбюджета к ВВП (%)	32,4	22,2	16,5	16	21,7	25,6	25,4	24,7	24,6
Инвестиции в основные производственные фонды		254,3	451,7	3291,8	27812	56200	60646	64124	64567
Инвестиции к ВВП (%)		28,2	24,2	33,2	67,3	81,9	81,9	78,2	71,8

Таблица 3.

Динамика ВВП, прироста денежной массы и объема инвестиций в КНР (1978–2018 гг.)

Составлено по: Чжунго тунцзи няньцзянь – 2018; Чжунго тунцзи чжайяо – 2008; 2018-нянь гоминь цзинцзи хэ шэжуэй фачжянь тунцзи гунбао (Статистический доклад о социально-экономическом развитии национальной экономики в 2018 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2019 года.

значительно выше прогнозируемых 7400 юаней, а показатель средней жилой площади, 31,6 кв. м на человека, более чем вдвое превысил прогнозируемый показатель 14 кв. м.

К 2018 году многие показатели также заметно превысили прогнозируемые показатели. В частности, объём ВВП составил более 90 трлн юаней, что заметно превысило прогнозируемый объём ВВП на 2030 год, а ВВП на душу населения достиг отметки в 64 644 юаней, в то время как к 2030 году ожидалось всего лишь 45 000 юаней. Соответственно, и уровень распределяемых доходов, достигший в 2018 г. 28228 юаней превысил прогнозируемый на 2030 г. показатель в 25 000 юаней в год.

Для борьбы с бедностью в августе 2018 г. были внесены поправки в закон о подоходном налоге, в результате которых, при сохранении прогрессивных ставок подоходного налога, необлагаемый налоговый минимум с начала 2019 г. составил 60 000 юаней в год (или 5000 юаней в месяц), что затронуло более 2/3 населения страны.

За 40 лет реформы комплекс мер по переходу от тотально плановой к смешанной государственно-рыночной экономике дал свои конкретные результаты, выраженные в высоких

средних темпах роста валового внутреннего продукта, снижением доли расходов госбюджета в объёме ВВП, значительным увеличением инвестиций в основные производственные фонды и постоянным ростом их доли в объёме ВВП, ростом потребительских доходов населения при низкой инфляции. Показательно, что эти процессы в экономике КНР шли наряду с быстрым ростом денежного агрегата М2, куда включается не только сумма наличной денежной массы (М0) плюс сумма текущих счетов на балансе (М1), но и срочные вклады, вклады в сберегательных кассах и прочие депозиты. В результате госконтроля за денежным обращением и процессами ценообразования, а также быстрого роста инвестиций в инфраструктуру и основные производственные фонды темпы инфляции в Китае все эти годы были чрезвычайно низки. Особенно — по сравнению с другими странами «переходной экономики» в Восточной Европе и, тем более, России. В КНР не побоялись заметно увеличить объём денежной массы в обращении. В частности, в 1994 г. объём денежного агрегата М2 составлял 97,3% от ВВП, в 2002 г. — 153,7%, в 2010 г. — уже 183,0%, а в последние несколько лет — свыше 200% ВВП.

Таким образом, за годы реформ в Китае удалось достичь трёх важных показателей, сдерживающих рост инфляции в стране:

- доля наличной денежной массы в обращении (М0) к ВВП находилась на уровне 13–15%, а в дальнейшем была снижена менее чем до 10%;
- доля расходов госбюджета на уровне 25% к ВВП (при вынужденном антикризисном росте в 2008–2009 гг.);
- увеличение доли инвестиций в основные производственные фонды с 24,2% ВВП в 1990 г. до 57,3% в 2008 г. и почти до 70% ВВП в последующие годы в рамках принятых антикризисных мер (см. табл. 3).

ФИНАНСОВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ НОВОЙ СИСТЕМЫ

Китай прошёл долгий путь от плановой к планово-рыночной экономике, от государственной и коллективной форм собственности к многообразным формам собственности, где всё большее место занимают различные формы частной и индивидуальной собственности. Это было зафиксировано в четырёх сериях поправок к Конституции КНР 1982 года (см. табл. 4).

В результате за годы реформы произошли принципиальные изменения в структуре занятости населения КНР. В 1978 г. практически всё население было занято на предприятиях государственного сектора или в государственных народных коммунах и на коллективных предприятиях, которые по форме управления мало чем отличались от государственных. Однако с 90-х гг. всё большая часть населения переходила на предприятия негосударственной собственности (или, как указывалось в Конституции КНР, «предприятия необщественной собственности»). В результате в XXI веке резко уменьшилась доля занятых на государственных предприятиях как по абсолютной численности, так и по доли занятых, а всё больше людей были заняты на предприятиях других форм собственности, в том числе — частной и индивидуальной. В частности, доля занятых на частных предприятиях в 2017 г. составила 17% экономически активного населения, а на индивидуальных предприятиях — 12%, не говоря уже о росте занятых на предприятиях с участием иностранного капитала, в акционерных компаниях, компаниях с ограниченной ответственностью и т.д.

За годы реформ, с 1979 по 2018 г., происходил неуклонный рост показателей основных видов промышленного и сельскохозяйственного производства, что привело как к расширению внутреннего товарооборота, так и к увеличению экспорта.

При этом следует отметить, что в рамках программы развития промышленности «Сделано в 2025» заметно выросло производство высокотехнологичной продукции — такой как автомобили, поезда, мобильные телефоны и смартфоны, компьютеры, роботы и т.д. (см. табл. 5). По ряду позиций, включая производство роботов и автомобилей, Китай в 2018 году вышел на 1-е место в мире.

Вместе с тем в экономике страны существует ряд проблем, сдерживающих поступательное развитие экономики. Одной из основных проблем является дефицит энергоресурсов.

Год	Статьи Конституции
1988	<i>Статьи 10 и 11</i> Легализация частных хозяйств и разрешение на аренду земли.
1993	<i>Статья 15</i> Преобразование государственного сектора экономики (<i>гоин цзинци</i>) в сектор экономики, основанный на государственной собственности (<i>гою цзинци</i>)
1999	<i>Введение к Конституции КНР</i> Китай будет в течение длительного времени находиться на начальной стадии социализма <i>Статья 5</i> КНР управляется согласно закону и становится социалистическим правовым государством. <i>Статья 6</i> Установлен принцип оплаты по труду. <i>Статья 11</i> Частный сектор — важная составляющая социалистической рыночной экономики.
2004	<i>Введение к Конституции КНР</i> Введены понятия: 1) « три представительства » (<i>саньгэ дайбяо</i>), что означает представительство КПК интересов всего народа, включая интересы предпринимателей; 2) « социалистическая гармоническая и духовная культура » как связь «трёх представительств с социалистической модернизацией»; 3) « строители социализма », то есть возникшие в период социальных перемен новые социальные слои. <i>Статья 10</i> Изъятие или реквизиция земли возможна только при наличии соответствующей компенсации. <i>Статья 11</i> Государство охраняет законные права и интересы индивидуальных и частных хозяйств необщественного сектора экономики. Государство поощряет, поддерживает и оказывает направляющее воздействие на развитие необщественных хозяйств, в соответствии с законом осуществляет в отношении необщественного сектора экономики контроль и регулирование. <i>Статья 13</i> Недопустимо посягательство на имущество граждан, находящееся в частной собственности. Государство может в интересах общественных нужд и в соответствии с законом проводить изъятие или реквизицию частной собственности за соответствующую компенсацию. <i>Статья 14</i> Государство создаёт и совершенствует систему социального обеспечения, которая соответствует уровню экономического развития. <i>Статья 33</i> Государство уважает и защищает права человека.

Таблица 4.
Изменения в Конституции КНР с 1988 по 2004 гг.

Доля каменного угля в энергетическом балансе страны по-прежнему составляет свыше 60%. При этом производство нефти за последние годы сократилось до 190 млн тонн при росте импорта нефти до 461 млн тонн, а производство природного газа в объёме 160 млрд куб. м также не удовлетворяет растущие потребности экономики, импорт «голубого

золота» уже вырос до 90 млрд куб. м в пересчёте на природный газ. В результате преобладания каменного угля в энергетическом балансе острой проблемой для Китая стало загрязнение окружающей среды. Ещё одной проблемой является старение населения при низкой рождаемости, которое в будущем создаст нехватку рабочей силы. Не случайно

	1978	1985	1992	2002	2010	2015	2018
Население (млн чел.)	962,6	1058,5	1171,7	1284,5	1341,0	1374,6	1395,4
ВВП (млрд юаней)	346,5	901,6	2692,4	12033,3	39798,3	68599	90031
Стоимость валовой продукции промышленности (млрд юаней)	160,7	344,9	1028,4	4743,1	16003,0	23650	30516
Стоимость валовой продукции сельского хозяйства (млрд юаней)	102,7	256,4	586,7	1619	3936	6086	6473
Производство основных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции:							
ткани (млрд м)	11,03	14,67	19,07	32,24	80,0	89,3	65,7
электроэнергия (млрд квт.ч)	256,6	410,7	753,9	1654,0	4206,5	5814,6	7111,8
уголь (млн т)	618	872	1116	1455	3240	3747	3680
нефть (млн т)	104,05	124,9	142,1	167,0	203	214,6	189
сталь (млн т)	31,78	46,79	80,94	182,37	637,0	804,0	928
цемент (млн т)	65,24	146,0	308,2	725,0	1880	2359	2210
металлорежущие станки (тыс.)	183,2	167,0	229,0	309,0			
автомобили (млн)	0,149	0,437	1,067	3,251	18,27	24,5	27,8
компьютеры (млн)				14,6	245,8	314,2	307,0
мобильные телефоны (млн)				121,5	998,3	1812,6	1798,5
роботы (тыс.)							148
зерно (млн т)	304,7	379,1	442,6	457,0	546,4	660,6	657,9
масличные (млн т)	5,21	15,78	16,4	28,97	32,39	35,37	34,39
хлопок (млн т)	2,16	4,15	4,5	4,91	5,97	5,60	6,10

Таблица 5.

Производство основных видов продукции промышленности и сельского хозяйства в КНР (1978–2018 гг.)

Составлено по: Чжунго тунцзи няньцзянь — 1981–2017 (Китайский статистический ежегодник); Чжунго тунцзи чжайяо — 2000–2018 (Китайский статистический справочник).

китайское руководство в демографической политике взяло курс на двухдетную семью, отказавшись от принятого в 1979 году принципа «Одна семья — один ребёнок», приведшего не только к сокращению темпов роста населения, но и к перекосу его полового баланса с дефицитом женщин.

В настоящее время выдвинутый руководством КНР курс на всемерное расширение внутреннего спроса в значительной степени связан с возможностями реализации задач, поставленных на XIX съезде КПК (октябрь 2017 г.). Относительно низкий уровень доходов населения Китая и недостаточно развитая, особенно в сельской местности, система социального обеспечения приводят к тому, что население склонно ограничивать свои расходы, а доля сбережений населения в настоящее время крайне высока,

составляя около 71,5% к объёму ВВП (в среднем — 46 330 юаней на человека).

Расширение внутреннего рынка при ограничении экспортных возможностей в условиях глобального финансово-экономического кризиса возможно только на пути роста доходов населения и увеличения доли потребления в национальном доходе страны.

Однако в 2018 году вновь наметился рост всех видов цен, как потребительских, так и отпускных цен предприятий, хотя инфляция составляет всего 2,1% в 2018 г. Особенно быстрыми темпами росли цены на услуги здравоохранения и жильё.

В стране было принято решение о проведении «сдержанной монетарной политики» вместо «относительно свободной», которая реализовывалась в рамках антикризисных мер 2009–2010 гг. Были приняты меры

по ограничению кредитования путём повышения банковских учётных ставок в 2011 г. и дважды — ставок резервирования Народным банком Китая. Также были приняты меры по ограничению цен на жильё путём установления налога на дополнительную площадь, запрета на приобретение более чем двух квартир, а также повышения норм выплат первого взноса до 60% общей стоимости жилья при покупке второй квартиры и повышения ставок по ипотечному кредиту.

Как можно видеть, регулирование цен в КНР на протяжении 12-й и 13-й пятилеток происходит путём использования как экономических, так и законодательных рычагов, включая прямые административные меры. В целом пока в стране, благодаря быстрому росту производства, устойчивости финансовой системы

за счёт больших объёмов банковских депозитов и малой зависимости китайской экономики от внешнего рынка, достигнут и поддерживается достаточно высокий уровень социальной стабильности. Более того, в годы 12-й и 13-й пятилеток предусматривается дальнейший отход от ориентации на экспорт с переходом к расширению внутреннего рынка и росту внутреннего спроса. Постоянный рост доходов и рост потребления огромного населения КНР вполне может обеспечить определённую независимость китайской экономики от конъюнктурных колебаний мирового рынка.

В результате принятых за последние годы мер по развитию инфраструктуры налицо заметные успехи в реформе системы ценообразования и инвестиционной политики. Несмотря на резкий рост инвестиций в основные производственные фонды, в КНР наблюдается относительно низкий рост цен и опережающий рост доходов населения. Таких результатов удалось добиться благодаря созданию рыночной инфраструктуры в экономике страны, где стали более полно проявляться эффекты рыночного механизма, формирующего основные приоритеты раз-

Основные показатели	1990	2000	2009	2018
Доходы на душу населения в городе (юани)	1510	6280	17175	39251
Доходы на душу населения в деревне (юани)	686	2253	5153	14617
Вклады на душу населения в банках (юани)	623	5076	19537	46330*
Коэффициент Энгеля — в городе	54,2	39,4	36,5	27,7
— в деревне	58,8	49,1	41,0	30,1
Количество автомобилей на 100 человек в городе		0,5	10,89	37,5*
Количество мотоциклов на 100 человек в деревне	0,89	21,94	56,64	64,1*
Количество мобильных телефонов на 100 человек	0,002	6,77	56,27	235,4*
Количество цветных телевизоров на 100 семей — в городе	59,0	116,6	135,7	123,8*
— в деревне	4,7	48,7	108,9	120*
Количество компьютеров на 100 семей — в городе		9,7	65,7	80,8*
— в деревне		0,5	7,5	29,2*

Таблица 6.

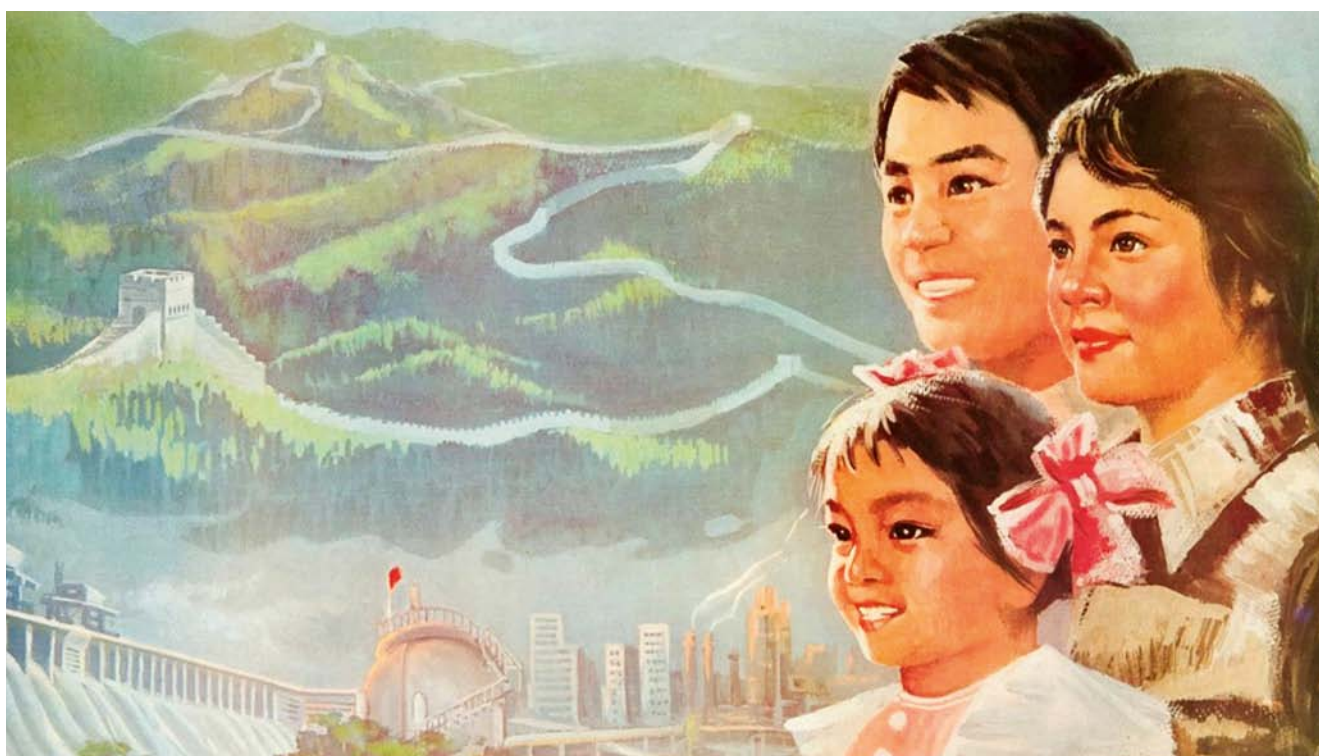
Основные показатели роста жизненного уровня населения Китая (1990–2018 гг.)

Примечания: * данные 2017 года.

вития и обеспечивающего сочетание интересов государства, предприятия и отдельной личности. За 40 лет реформ достигнут значительный рост жизненного уровня как сельского, так и городского населения, который выражается не только в росте денежных доходов, но и в качественном росте жизненного уровня, связанного со сни-

жением коэффициента Энгеля (доля расходов на питание), увеличением количества транспортных средств, телевизоров, компьютеров, ростом вкладов в банках, расширением доступа населения к газоснабжению и водопроводу (см. табл. 6).

При общем быстром росте благосостояния населения в Китае начала

XXI столетия наблюдается всё более заметная социальная поляризация общества, однако она пока ещё не приобрела настолько выраженные черты, как в других «постсоциалистических странах», включая Россию, поскольку государство оказывает заметное влияние как на межотраслевое и межрегиональное перераспределение капиталов, так и на перераспределение доходов в пользу тех социальных групп, которые потеряли от реформ, — к ним относятся вытесненные с земли крестьяне и уволенные из госсектора рабочие и служащие.

УПРАВЛЕНИЕ ИНОСТРАННЫМИ ИНВЕСТИЦИЯМИ И ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕЙ

Приток зарубежного капитала в настоящее время не играет сколько-нибудь важной роли для развития китайской экономики. По итогам 2018 года доля иностранных инвестиций в их общем объёме составила всего 3%. На первом этапе реформ эта доля также была

незначительной, достигая примерно 3–5%, а в 90-е гг. этот показатель доходил до 8–10%. При этом, несмотря на резкое сжатие трансграничных инвестиций на рубеже XXI века, связанное со скрытой рецессией в большинстве экономически развитых стран мира, Китай испытывает заметную активизацию притока прямых иностранных инвестиций, занимая лидирующие позиции в списке ведущих реципиентов иностранного капитала. Источники поступлений можно разделить на три группы:

- 1) внешние займы, включая кредиты зарубежных правительств, международных финансовых организаций и иностранных коммерческих банков, экспортные ссуды и облигации внешнего займа;
- 2) прямые иностранные инвестиции, привлекаемые для создания предприятий с участием иностранного капитала;
- 3) прочие зарубежные инвестиции, включая международный лизинг, компенсационную торговлю, опе-

рации по переработке и сборке продукции и эмиссию акций на внешнем рынке.

Если в 80-е гг. преобладал такой источник поступлений, как иностранные займы всех видов, то с 90-х гг. основным источником поступлений стали прямые иностранные инвестиции, которые с начала XXI века стали поступать в Китай в таком количестве, что практически полностью вытеснили собой внешние займы. В 2005–2006 гг. объём прямых иностранных инвестиций в КНР составлял 60 млрд долл. в год, но в дальнейшем быстро вырос, превысил 100 млрд долл. в 2010 году и 136 млрд долл. в 2018 г.

Привлекательность КНР как реципиента иностранного капитала определяется поддержанием высокого уровня социально-экономической и политической стабильности, наличием ёмкого внутреннего рынка и дешёвой рабочей силы, активной национальной инвестиционной политикой. С самого начала проведения

«политики открытых дверей» в Китае был установлен и до 2007 г. сохранялся льготный инвестиционный режим для иностранных вкладчиков капитала. Эффективная средняя ставка корпоративного подоходного налога для совместных и иностранных предприятий составляла 17% против 33% для национальных компаний. Однако с 2007 г. ставки подоходного налога для всех типов предприятий официально уравнились. Тем не менее после начала прибыльной работы для предприятий с иностранным участием действуют налоговые каникулы в два-три года с последующим длительным применением половинной ставки налогообложения; применяются таможенные льготы, преференции по банковскому кредитованию и т.д.

В конце 1997 г. Китай внес исправления в «Перечень отраслей как руководство для иностранного инвестора», поощряя и поддерживая вложение капитала в сельское хозяйство, энергетику, транспорт, производство новых видов сырья и материалов, новые и высокие технологии, комплексное использование ресурсов, охрану окружающей среды и другие приоритетные отрасли экономики.

В ноябре 2004 г. этот документ был пересмотрен, и в нём было установлено четыре категории инвестиционных проектов, вложение иностранного капитала в которые, соответственно: а) поощряется, б) допускается, в) ограничивается и г) запрещается.

Как и в «Перечне отраслей» от 1997 г., поощряются иностранные инвестиции в проекты по освоению новых аграрных технологий, энергетики, транспорта и производства новых видов сырья и материалов, новых и высоких технологий, различные виды энергосберегающих проектов и предотвращающих загрязнение окружающей среды. Такие проекты освобождаются от таможенной пошлины на ввоз оборудования и налога на добавленную стоимость при его импорте, а также действует ряд льгот на стадии производства, такой как более низкие ставки общего государственного и местного подо-

ходного налога на пять лет с начала работы предприятия и т.д.

Ограничивается или запрещается вложение иностранного капитала в отрасли, связанные с государственной безопасностью, стратегически-ми и сырьевыми ресурсами, а также в проекты, связанные с загрязнением окружающей среды, разрушающие природные ресурсы или наносящие вред здоровью человека.

Остальные проекты относятся к категории таких проектов, куда допускается иностранный капитал. Проекты этой категории пользуются льготами на общих основаниях.

На китайском рынке представлены все ведущие международные инвесторы, однако их роль неодинакова. Так, компании стран ЕС и США, за исключением Германии и Нидерландов, в последние годы, по сути дела, не наращивают потоки прямых инвестиций, направляемых в КНР. В частности, объёмы и доля инвестиций из США даже уменьшилась за последние годы с 9% до 2% валового поступления иностранных инвестиций, а объём инвестиций из европейских стран обеспечивает примерно те же 2% валового объёма иностранных инвестиций ежегодно. Стремясь к расширению экономического присутствия в Китае, более активно действовала Япония (8–10%), однако в последнее время из-за ряда политических и экономических споров доля инвестиций из Японии снизилась до 2,5% в 2018 г.

Прочные позиции среди крупнейших иностранных инвесторов в КНР традиционно занимает Гонконг, доля которого в объёме иностранных инвестиций заметно выросла и в 2018 г. объём инвестиций из Гонконга достиг 94,5 млрд долл., или 72% всех иностранных инвестиций.

В этом контексте следует рассматривать отмечаемое в последние годы, особенно — после присоединения КНР к ВТО (2001 г.), прогрессирующее снятие ограничений для деловой активности иностранных инвесторов. Уже в 2002 г. правительство КНР заметно (с 86 до 262) расширило круг отрас-

лей, где поощряется деятельность иностранных предпринимателей, и, наоборот, сократило (с 112 до 75) перечень отраслей, где она ограничивается. Для иностранцев впервые был открыт доступ к телекоммуникациям, городскому газоснабжению, теплоснабжению, водоснабжению и др. Расширен доступ к банковской деятельности, операциям на фондовом рынке, страхованию, торговле, туризму, транспорту, средствам массовой информации и т.д. Делаются последовательные шаги в направлении либерализации и упрощения режима создания и работы предприятий иностранного капитала. В настоящее время обсуждается дальнейшее поэтапное расширение перечня отраслей, в которые будут поощряться иностранные инвестиции. В декабре 2018 года был опубликован пока последний по времени «негативный список» Национальной комиссии по развитию и реформам (NDRC). Согласно этому документу, доступ иностранцев запрещён всего в четыре сектора китайской экономики, ещё для 147 он ограничен (требуется одобрение правительства КНР).

В целом изменения, происходящие в последние годы в сфере привлечения иностранного капитала, свидетельствуют о последовательной ориентации КНР на полноправное включение иностранного предпринимательства в общенациональный рынок капитала с установлением в перспективе единых правил и условий конкуренции для всех участников экономического процесса независимо от формы собственности и принадлежности к той или иной стране.

В ходе реформ с конца 70-х гг. внешняя торговля Китая прошла три последовательных этапа преобразований, которые определённым образом отразились на экспортной структуре, и вступила в четвёртую фазу, связанную с членством в ВТО. Подготовка к вступлению в ВТО в ноябре 2001 г. обусловила выработку соответствующих мер во внутрихозяйственном механизме, которые обеспечили для КНР высокий уровень

либерализации внешней торговли, способствовали формированию открытой экономики, интегрированной в мировое хозяйство. Важным аспектом социально-экономического развития китайской экономики в начале XXI века стал провозглашённый на сессии ВСНП в 2000 г. в сфере внешнеэкономических связей курс «выход вовне», или «выход за ворота» (*цзоучуцуй*).

В результате начался резкий рост объёма внешней торговли: с 20,6 млрд долл. в 1978 г. до 4620 млрд долл. в 2018 г., то есть прошло увеличение этого показателя в 224 раза за 40 лет. При этом значительно выросли объёмы как экспорта, так и импорта. Китай перешёл от экспорта товаров первичной переработки (сырьё и материалы) к преимущественному экспорту продукции с высокой добавленной стоимостью.

Значительную роль в этой трансформации сыграл целый комплекс различных решений: начиная от расширения прав предприятий в сфере внешнеэкономической деятельности на первом этапе реформы и заканчивая вступлением КНР в ВТО. В резуль-

тате за последние годы заметно усилилась зависимость экономики КНР от внешней торговли. Если в 2001 г. (год вступления в ВТО) доля внешней торговли в объёме китайского ВВП составляла 38,5%, то в 2005–2007 гг. она превышала отметку в 60%, причём доля экспорта достигала 36%. В результате мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. произошло существенное сокращение доли внешней торговли в объёме ВВП: по итогам 2009 года она снизилась примерно до 44%, а в 2018 г. составила уже менее трети, при этом доля экспорта упала до 18,2% (см. табл. 7).

За последние годы в товарной структуре импорта КНР наблюдается устойчивый рост различных видов сырья и материалов, которые необходимы для развития экономики страны. На первом месте в структуре импорта КНР по стоимости стоит нефть, в 2018 г. её импорт составил 461 млн тонн на общую сумму 237 млрд долл. (или 11% стоимостного объёма импорта). Однако ещё более заметную роль в импорте в КНР играют интегральные схемы, которые закупили на общую сумму 307,2 млрд долл. (14,3%).

Важное место в импорте в КНР занимает железная руда и концентрат железной руды — 1,064 млрд тонн (что сопоставимо по объёму с годовой выплавкой стали) на сумму 74,4 млрд долл., на третьем — все виды пластмассы на начальной стадии обработки (55,4 млрд долл.), далее идут автомобили, природный газ и соевые бобы. В товарной структуре китайского экспорта, как и планировалось, сегодня до 95% занимает продукция обрабатывающей промышленности, прежде всего — станкостроения и транспортного оборудования (50,5%).

До начала мирового финансового кризиса происходил значительный рост объёма внешней торговли с США, странами ЕС и Японией, то есть со странами, которые в наибольшей степени пострадали от финансового кризиса. Однако в 10-е гг. XXI века структура внешней торговли в целом стабилизировалась. Несмотря на напряжённые торгово-экономические отношения Китая с США и странами ЕС доля внешней торговли КНР по этим направлениям остаётся весьма существенной: 13,7% — с США и 14,7% — с ЕС, при этом Соединённые

Год	ВВП (млрд юаней)	Оборот (млрд юаней)	Его доля в ВВП (%)	Экспорт (млрд юаней)	Его доля в ВВП (%)	Импорт (млрд юаней)	Его доля в ВВП (%)
1978	364,52	35,5	9,74	16,76	4,6	18,74	5,14
1980	454,56	57	12,54	27,12	5,97	29,88	6,57
1985	901,60	206,67	22,92	80,89	8,97	125,78	13,95
1990	1866,78	556,01	29,78	298,58	16	257,43	13,78
1991	2178,15	722,58	33,17	382,71	17,57	339,87	15,6
1992	2692,35	911,96	33,87	467,63	17,37	444,33	16,5
1993	3533,39	1127,1	31,9	528,48	14,96	598,62	16,94
1994	4810,85	2038,19	42,36	1042,18	21,66	996,01	20,7
1995	6079,37	2349,99	38,66	1245,18	20,48	1104,81	18,18
1996	7117,66	2413,38	33,9	1257,64	17,67	1155,74	16,23
1997	7897,30	2696,72	34,1	1516,07	19,2	1180,65	14,9
1998	8440,23	2684,97	31,81	1522,36	18,04	1162,61	13,77
1999	8967,71	2989,62	33,34	1615,98	18,02	1373,64	15,32
2000	9921,46	3927,32	39,58	2063,44	20,8	1863,88	18,78
2001	10965,52	4218,36	38,47	2202,44	20,09	2015,92	18,38
2002	12032,27	5137,82	42,7	2694,79	22,4	2443,03	20,3
2003	13582,28	7050,15	51,9	3628,79	26,72	3419,56	25,18
2004	15987,83	9555,81	59,77	4910,33	30,71	4643,58	29,06
2005	18321,75	11692,18	63,81	6264,81	34,19	5427,37	29,62
2006	21192,35	14097,15	66,52	7759,46	36,61	6337,69	29,91
2007	25730,56	16674,02	64,8	9345,56	36,32	7328,46	28,48
2008	31404,5	17992,15	57,29	10039,49	31,96	7952,65	25,33
2009	34090,3	15063,07	44,18	8201,78	24,06	6861,29	20,12
2010	41303	20172	48,7	10702	25,9	9470	22,8
2011	48930	23640	48,3	12324	25,2	11316	23,1
2012	54037	24416	45,2	12936	23,9	11480	21,3
2013	59524	25821	43,4	13715	23	12106	20,4
2014	64128	26433	41,2	14391	22,5	12042	18,7
2015	68590	24550	35,9	14117	20,6	10434	15,3
2016	74006	24339	32,8	13842	18,6	10497	14,2
2017	82075	27792	33,9	15332	18,6	12460	15,3
2018	90031	30505	33,9	16418	18,2	14087	15,7

Таблица 7.

Роль внешней торговли в экономике КНР (1978–2018 гг.)

Составлено по: 1) Чжунго тунци няньцзянь-2007 (Статистический ежегодник Китая – 2007), Пекин, ГСУ КНР, 2007, с. 57, с. 724.

2) 2004 Чжунго дуйвай цзинци тунци няньцзянь (Китайский внешнеэкономический статистический ежегодник – 2004), Пекин, 2005, с. 18.

3) Потапов М.А. Внешнеэкономическая политика Китая: проблемы и противоречия, М., ИДВ РАН, изд-во «Буква», 1998, с. 281.

4) 2010-нянь гоминь цзинци хэ шэжуэй фачжань тунци баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2010 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2011 года.

5) Чжунго тунци чжайяо – 2018 (Статистический справочник Китая – 2018), Пекин, ГСУ КНР, 2018, с. 93.

Штаты являются главным потребителем продукции с маркой made in China и главным источником торгового профицита КНР. В то же время произошло увеличение доли внешней торговли со странами АСЕАН в результате создания зоны КАФТА – с 9,8% до 12,7% (см. табл. 8).

ПУТИ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КИТАЙСКОЙ ЭКОНОМИКОЙ

40 лет экономической реформы в Китае показали, что руководство КНР и КПК нашло правильные пути реформирования экономики. 2-я сес-

сия ВСНП 13-го созыва (март 2019 г.) отметила, что «основные целевые задачи социально-экономического развития Китая выполнены успешно». Китай встретил XIX съезд КПК огромными успехами, которыми подвёл черту под 40-летием проводимых в стране экономических реформ.

Страна, территория	1995	2003	2010	2015	2016	2017	2018
Весь мир	280,9/100	851,0/100	2974/100	3957/100	3685/100	4105/100	4620/100
США	40,8/14,5	126,4/14,9	385,4/12,9	558,3/14,1	516,5/14,1	583,7/14,2	632,3/13,7
Евросоюз		125,0/14,7	479,6/16,1	564,8/14,3	543,9/15,0	616,9/15,0	681,3/14,7
АСЕАН		78,2/9,2	292,9/9,8	472,2/11,9	449,8/12,3	514,8/12,5	586,8/12,7
Россия	5,5/2,0	15,7/1,8	55,5/1,9	68,1/1,7	69,1/1,9	84,1/2,0	107,0/2,3
Гонконг	44,6/15,9	87,4/10,3	230,6/7,8	343,6/8,7	303,0/8,3	286,7/7,0	311,0/6,7
Тайвань	17,9/6,4	58,4/6,9	145,4/4,9	188,2/4,8	178,7/4,9	199,4/4,9	225,8/4,9
Япония	57,5/20,5	133,5/15,7	297,8/10,0	278,7/7,0	273,4/7,5	303,0/7,4	327,0/7,1
Корея	17,0/6,0	63,2/7,4	207,1/7,0	275,8/7,0	251,1/6,9	280,3/6,8	312,7/6,8

Таблица 8.

Внешнеторговый оборот КНР в 1995–2018 гг. (млрд долл., %)

Рассчитано по: Чжунго тунцзи чжайяо – 2018, Пекин, 2018, с. 102; 2018-нянь гоминь цзинцзи хэ шэжуэй фачжань тунцзи баогао (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2018 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2019 года).

Итоги социально-экономического развития КНР особенно наглядны на фоне остального мира — например, по сравнению с результатами таких стран, как Индия и Россия, за тот же отрезок исторического времени. Так, Китай и Индия в начале 80-х гг. находились примерно на одном уровне социально-экономического развития. В настоящее время Китай опережает Индию уже в 5 раз. 25 лет тому назад экономика России по своим масштабам была больше китайской, а сегодня номинальный объём российской экономики составляет всего 1/7², а рассчитанный по паритету покупательной способности (ППС) — 1/6 от китайской. Вот уже много лет западные средства массовой информации говорят о трудностях в китайской экономике, прогнозируя коллапс и даже распад Китая. Однако эти «теории о распаде Китая» (Чжунго бэнкуйлунь), как справедливо отметил в интервью китайской газете «Хуаньцю шибао» в ходе XIX съезда КПК профессор Фуданьского университета Чжан Вэйвэй, «в настоящее время «теория о распаде Китая» потерпела полный крах»³.

В то время как мировая экономика периодически попадает в полосу различного рода кризисов, экономи-

ка социалистической КНР уверенно движется вперед. На фоне других стран мира китайская экономика развивается более быстрыми темпами и является своего рода буксиром для мировой экономики. Китай сохраняет лидирующее положение в мире по объёму внешней торговли: 1-е место по экспорту и 2-е — по импорту. В валютно-финансовой сфере Китай становится одним из основных игроков на международном финансовом рынке, а китайская валюта вошла в корзину обязательного резервирования МВФ наряду с американским долларом, евро, британским фунтом и японской иеной. В социально-экономической сфере Китай тоже добился заметных успехов. Уже большая часть его населения — 59,5% — стала городскими жителями. Заметно вырос жизненный уровень жителей как городов, так и сельской местности, — причём не только по сравнению с 1979 годом, первым годом реформ, но и с 2000 годом — началом XXI века. По средней заработной плате среди рабочих и служащих в городах, в конце 2018 года достигшей отметки примерно 4000 юаней (около 40 тыс. рублей) в месяц, Китай уже обогнал Россию, где тот же показатель составляет примерно 30 тыс. рублей.

Большая часть китайского населения — опять же не только городского, но и сельского, — уже охвачена различными системами социальной защиты: пенсионного обеспечения, различных форм медицинского страхования, пособиями по безработице и другими видами социального страхования. Таким образом, Китай успешно реализует и развивает свою модель экономики.

Каковы же основные проблемы будущего в системе управления китайской экономикой? Как отмечено выше, это, прежде всего, ресурсный дефицит, долговая нагрузка, экологический кризис и демографическая ситуация.

Согласно оценкам демографов, в годы 14-й и 15-й пятилеток (2021–2030) доля экономически активного населения КНР будет постепенно снижаться, что вынудит китайскую экономику ориентироваться не на привлечение большего количества занятой неквалифицированным физическим трудом рабочей силы из деревни, а на повышение производительности труда на каждом рабочем месте, в том числе — и в сельском хозяйстве, то есть переходить от экстенсивных форм развития производства к интенсивным. Только

² См.: Zhongguo tongji nianjian — 2016 (Китайский статистический ежегодник, 2016, Beijing, 2016, с. 948).

³ См.: Huanqiu shibao, 25.10.2017.

в этом случае можно будет решить такие проблемы, как избыточное количество пенсионеров и относительную нехватку природных ресурсов, а также охрану окружающей среды за счёт внедрения новых энергосберегающих технологий.

В настоящее время успехи 40 лет реформ китайской экономики не только доказывают жизнеспособность китайской модели перехода от плановой к рыночной экономике, предусматривающей ключевую роль государственного регулирования и значительный объём инвестиционных программ для развития страны. Такой симбиоз и позволил КНР выйти на лидирующую позицию в глобальной экономике, стать новой «мастерской мира» и бросить вызов не только «империи доллара» и глобальному лидерству США в рамках «однополярного мира» Ракетной Америки, но и всемирно-историческому лидерству «коллективного Запада», длящемуся уже более 500 лет.

Вместе с тем бесспорные текущие успехи КНР вовсе не означают, что она и далее способна успешно решать проблемы социально-экономического

развития в рамках существующей с 1979 г. модели.

Анализ внешних и внутренних механизмов социально-экономического развития Китая, а также методов управления общей динамикой экономического и финансового процессов, применяемых Пекином, демонстрирует не только позитивные стороны данной модели управления и развития, но и пределы её возможностей, которые, судя по всему, будут исчерпаны даже не к 2049 году, когда будет отмечаться 100-летие создания КНР и который сегодня фигурирует как самая дальняя точка стратегического планирования, а в течение ближайших пяти — семи лет. До этого временного рубежа КНР имеет все возможности на основе собственного потенциала, стратегического союза с Россией и распада западного блока во главе с США более-менее успешно справляться как с внешним противодействием «коллективного Запада», так и с усложнением системных проблем в связи с выходом на передовые позиции глобального развития. Но уже за этой «линией горизонта» практически неизбежными представ-

ляются серьёзные кризисные сбои, преодолеть которые будет невозможно без перехода Китая к новой идеологии, представляющей адекватные перспективы для всего человечества. На базе существующей ныне в КНР цивилизационной матрицы «социализма с китайской спецификой» такой идеологический переход выглядит весьма затруднительным или даже невозможным. А это, в свою очередь, создаёт для КНР запредельно высокие риски как в плане цивилизационного лидерства, так и в плане сохранения собственной субъектности. Решающую роль здесь в ближайшие десятилетия будет играть не только научно-технический прогресс и реализация отдельных его аспектов — особенно в сферах искусственного интеллекта и биотехнологии, но и выработка новой идеологии, которая давала бы комплексный ответ по всему спектру глобальных проблем.. То есть перво-степенное место для будущего Китая должно занять развитие общественной мысли и способностей к идеологическому управлению социально-политической динамикой как на национальном, так и на глобальном уровне.

/ Юрий ТАВРОВСКИЙ /

Китайская мечта — движение по расписанию

*Китайской мечте скоро исполнится 7 лет.
Целых 7 лет.
Всего 7 лет!*

29 ноября 2012 года, через две недели после завершения XVIII съезда, семеро высших руководителей Поднебесной, членов Постоянного комитета Политбюро ЦК Компартии Китая, посетили Национальный музей на площади Тяньаньмэнь. Они осмотрели выставку «Путём возрождения», посвящённую трагическим и героическим страницам новой истории Китая: от Опиумных

войн до создания компартии Китая и провозглашения КНР.

По окончании осмотра новый Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин произнёс краткую речь. «Нескончаемая борьба, продолжающаяся со времён Опиумных войн вот уже 170 лет, открыла блистательные перспективы великого возрождения китайской нации. В настоящее время мы, как ни в один исторический

период ранее, близки к осуществлению нашей цели — великому возрождению китайской нации, и, как никогда раньше, мы уверены в нашей способности достигнуть этой цели».

В конце выступления Си Цзиньпин наметил этапы выполнения долгосрочного плана: «Я твёрдо убеждён, что к столетней годовщине основания Компартии Китая (2021 год) неизбежно будет осуществлена задача создания общества средней зажиточности. Ко времени столетия создания КНР (2049 год.), несомненно, будет выполнена задача создания богатого и могущественного, демократического и цивилизованного, гармоничного и современного социалистического государства. Мечта о великом возрождении китайской нации непременно осуществится».

Таким образом, 29 ноября 2012 года — день рождения Китайской мечты. В тот день мало кто мог предположить, что очередной лозунг очередного генерального секретаря, пусть даже выдвинутый самым необычным способом, станет рубежом в истории Компартии Китая, всей Поднебесной. Через 5 лет, когда на очередном, XIX съезде КПК, подвели итоги движения к намеченным рубежам Китайской мечты, стало ясно, что речь идет не о лозунге и даже не об удачной находке в развитии теории «социализма с китайской спецификой». Рассчитанная до 2049 года долгосрочная стратегия Китайской мечты стала «дорожной картой» перевода Китая на рельсы новой социально-экономической реальности, ставящей на первое место национальные интересы в производстве, торговле, культуре, обороне, международных отношениях.

Проанализировав достижения этих первых пяти лет, XIX съезд, прошедший 18–24 октября 2017 года, не просто переизбрал архитектора Китайской мечты на очередную «партийную пятилетку», до следующего съезда. Руководители 90-миллионной армии коммунистов возвели в статус партийного закона выработанный Си Цзиньпином долгосрочный план, назвав его в обновлённом Уставе КПК «социализмом с китайской спецификой новой эпохи». Именно с учётом долгосрочности поставленных задач были отменены введённые Дэн Сяопином ограничения на пребывание во главе КПК и КНР двумя 5-летними сроками. Таким образом, Си Цзиньпин получил мандат на более отдалённую перспективу. Такое перспективное, долгосрочное планирование стало делом небывалым как для КНР, так и для других великих держав современности. Впрочем,

в рамках реализации Китайской мечты пятилетние плановые отрезки также остаются в силе. Именно результаты XII-й пятилетки (2011–2015), которая пришлась на начало правления Си Цзиньпина, убедили самих китайцев и весь остальной мир в реальности поставленной долгосрочной задачи.

НОВАЯ ЭПОХА В ИСТОРИИ КИТАЯ

За пять лет, прошедших после предыдущего, XVIII съезда КПК, в Китае фактически была опробована новая модель социально-экономического развития. Её недаром назвали «социализм с китайской спецификой новой эпохи», поскольку она является глубокой модификацией предыдущей модели, которая называлась «социализмом с китайской спецификой». Модель «социализма с китайской спецификой» успешно проработала около 40 лет, но постепенно снизила свою эффективность, поэтому на смену ей был предложен целый комплекс принципиально новых стратегий под общим названием «Китайская мечта». Выдвинув «рамочный» план Китайской мечты, Си Цзиньпин вскоре стал дополнять его конкретными стратегиями: «новая норма» — в области экономики, «управление государством при помощи законов» — в общественной жизни, «Один пояс и один путь» — в области международных экономических связей. Эти стратегии и другие, менее масштабные тактические установки, дополняли друг друга, постепенно формируя целостную инновационную систему.

Возьмём для начала важнейшие экономические показатели, которые иллюстрируют реализацию стратегии «новая норма» (синь чан тай). Они впечатляют. Официальные данные Статистического управления правительства таковы: с 2013 по 2016 год рост ВВП Китая был на уровне 7,2%. Для Китая это означает, что программа-минимум Китайской мечты: построение к 2020 году «общества средней зажиточности», — будет безусловно выполнена. Ведь для этого было бы достаточно и 6,5% роста.

Китай останется локомотивом глобальной экономики — с 2013 по 2016 год вклад Поднебесной в рост мирового ВВП достиг примерно 30%, превысив сумму общего вклада США, Евросоюза и Японии. Закрепление на XIX съезде КПК «новой нормы» как составной части «социализма с китайской спецификой новой эры» позволяет другим странам выстраивать свои стратегии экономического развития с учётом мощного и долгосрочного фактора Китая.

Стоит отметить, что «новая норма» с самого начала подразумевала переход к высококачественному развитию. Вместо гонки за высоким процентом прироста ВВП и ставки на завоевание экспортных рынков любой, подчас весьма высокой ценой (низкие зарплаты, загрязнение окружающей среды, неравномерность развития города и села, разных регионов КНР), началась переориентация на внутренний рынок, который сейчас становится главной движущей силой экономического роста. С 2013 по 2016 год вклад конечного потребления в экономический рост составил больше половины, 55%.

Ряды потребителей расширяются за счёт роста доходов граждан, легализации сельских жителей-мигрантов в городах, быстрого сокращения числа бедных. В 2016 году средний годовой реальный располагаемый денежный доход составил 23 821 юань, что на 7311 юаней выше, чем в 2012 году (курс юаня на 11 сентября 2019 года — 9,21 российского рубля). К концу 2016 года в городах жило 57,4% населения Китая, это почти на 5% больше, чем четырьмя годами раньше. Искоренение бедности, одна из главных задач Си Цзиньпина, тоже идёт уверенными темпами. Численность живущих ниже черты бедности (2300 юаней в год) состав-

ляло к осени 2017 года 43,35 млн человек, это число сократилось на 55,64 млн по сравнению с 2012 годом, то есть более чем вдвое всего за пять лет! Нет сомнений, что к 2021 году бедность в Поднебесной впервые за 5000 лет её истории будет окончательно побеждена, а 2020 год войдёт в летопись Поднебесной как дата избавления от многовековой нищеты «лао бай син» (почтенных носителей 100 фамилий, т.е. всех китайцев).

БУДУЩЕЕ БЛИЗКОЕ, ОБОЗРИМОЕ И ДАЛЬШЕ

К числу самых важных и довольно неожиданных новаций XIX съезда КПК следует отнести постановку ещё одной вехи на пути к 2049 году, когда план Китайской мечты должен быть реализован. В 2012 году была обозначена лишь одна промежуточная веха: подчёркивалось, что к 2021 году будет покончено с нищетой и достигнут *сяокан*, т.е. «общество среднего достатка». Теперь решение этой задачи может считаться практически обеспеченным. На пути к «великому возрождению китайской нации» появился новый рубеж — 2035 год. «На основе полного построения общества среднего до-

статка за 15 лет упорной борьбы предстоит в основном осуществить социалистическую модернизацию», — заявил в своём докладе Си Цзиньпин. Практичным китайцам предлагается потрудиться во имя выполнения программы, в реальности которой большинство из них сможет убедиться ещё при собственной жизни. Весьма показательна картина общества, которое будет создано к 2035 году. Си Цзиньпин в своей типичной манере рисует её «большими мазками».

«К тому времени значительно возрастёт экономическая и научно-техническая мощь страны, Китай поднимется до уровня стран-лидеров инновационного типа. Будет полностью обеспечено право народа на равноправное участие в общественных делах и равноправное развитие. Будет в основном завершено создание правового государства, правового правительства и правового общества. Все механизмы и институты станут более совершенными, в основном будет осуществлена модернизация системы и потенциала государственного управления... Жизнь народа станет зажиточнее, заметно вырастет доля населения со средним уровнем доходов, резко сократится разрыв в уровне развития города, села и регионов, сократится также разрыв в уровнях жизни разных слоёв населения. В основном будет обеспечен равный доступ к ключевым общественным услугам, будут сделаны твердые шаги к достижению всеобщей зажиточности населения. Будет в основном сформирована современная архитектура социального управления. Общество станет не только жизнеспособным, но также гармоничным и упорядоченным. Коренным образом улучшится окружающая среда, в основном будет выполнена задача создания «прекрасного Китая».

ГЛАВНОЕ — КАЧЕСТВО ЖИЗНИ

Перенос центра тяжести всего экономического развития Китая с покорения внешних рынков на обслуживание собственных потребителей не только означает справедливый возврат обществу КНР долгов, накопившихся за десятилетия «реформ и открытости». Тяжкий и зачастую недостаточно оплачиваемый труд сотен миллионов тружеников позволил Китаю стать «мастерской мира», накопить огромные финансовые запасы (3,1 трлн долл. валютных резервов к концу 2018 года). Но важно и то, что ликвидация бедности, повышение стан-

дартов жизни большинства китайцев до уровня среднего класса будут означать возникновение небывало ёмкого рынка из 1,4 млрд потребителей. Си Цзиньпин предложил считать главной проблемой китайского общества «противоречие между постоянно растущими потребностями народа в прекрасной жизни и неравномерностью и неполнотой развития».

Как будет решаться это противоречие?

Заканчивается период высоких темпов развития экономики и усиливается акцент на высококачественное развитие. Поддерживать приемлемые темпы роста помогут испытанные средства, в том числе — вложения в создание скоростных железных и шоссейных дорог, новых воздушных и водных путей сообщения, трубопроводов и магистралей, электрических сетей, логистических центров и новых городов. Эти многомиллиардные вложения помогут смягчить последствия ликвидации избыточных мощностей и высвобождения рабочей силы.

Новыми источниками роста станут инновационное развитие, особенно оптимизация экономики, её производственной и отраслевой структуры, сокращение численности работников в низкооплачиваемых отраслях и расширение числа высокооплачиваемых мест в производстве товаров с высокой добавленной стоимостью.

Устранению главного противоречия будет способствовать начавшийся период быстрого роста среднего класса или, как говорят в Китае, «людей со средним уровнем доходов». Согласно подсчётам ГСУ КНР, в 2017 году их численность уже превысила 400 млн. Типичная китайская семья среднего класса зарабатывает от 100 до 500 тыс. юаней в год. Около 140 млн человек могут позволить себе покупку автомобилей, недвижимости и туристические поездки.

В 2018 году объём розничных продаж потребительских товаров побил все рекорды и превысил 38 трлн юаней. В 2018 году средний располагаемый доход на человека составил 28 228 юаней, что на 8,7% больше показателя 2017 года. Даже с учётом инфляции, фактическое увеличение всё равно составило 6,5%. Благодаря росту доходов и совершенствованию социального обеспечения китайцы более уверены тратят деньги. В 2018 году потребление оставалось главной движущей силой экономического роста. Согласно оценкам американских экспертов из Института Брукинга, средний класс к 2030 году будет насчитывать 850 млн человек!

В 2016–2018 гг. средний класс в Китае рос быстрее, чем ВВП. Теперь, при ожидаемом замедлении этих темпов, важно найти пути пополнения среднего класса за счёт новых сегментов общества. Весьма серьёзный источник — это превращение всё ещё сверхэксплуатируемых трудовых мигрантов из китайского села в полноправных граждан и потребителей. Армия мигрантов в конце 2016 года оценивалась в 282 млн человек! Эти впечатляющие цифры будут сокращаться по мере того, как на селе будут создаваться новые рабочие места, в том числе — в сфере электронной торговли и других форм предпринимательства. С введением новых правил, мигранты смогут легально прописаться в городах, заниматься бизнесом, получить стандартный доступ к образованию и медицинскому обслуживанию, пенсионному обеспечению и другим социальным благам.

Нижние сегменты среднего класса вырастут за счёт создания общенациональной пенсионной системы. Пока пенсию получают далеко не все категории пожилых людей, да и разница в пенсиях этих категорий очень велика. На конец 2015 года в Китае насчитывалось 222 млн человек старше 60 лет, это примерно 16% граждан страны. Население быстро стареет, и без внедрения невиданной в истории Китая всеобщей пенсионной системы возможна как социальная нестабильность, так и сокращение числа потребителей. К 2020 году 90% граждан Китая получат карты соцстрахования, гарантирующие минимальные стандарты обеспечения жизни. Для пожилых людей очень важно и такое нововведение, как отмена наценок на продаваемые в больницах лекарства.

Улучшение качества жизни невозможно без решения или хотя бы без ослабления жилищной проблемы. Создалась парадоксальная ситуация: ежегодно строится огромное количество новых домов, целые районы и даже новые города. В конце 2017 года непроданными оставались 590 млн кв. м коммерческих площадей, включая жильё, офисную и другую недвижимость. Стоит учесть, что даже эта гигантская цифра на 15% меньше показателя предыдущего года — сказались стимулы правительства: льготные ставки на кредиты, административное ограничение цен и т. д.

Но всё равно стоимость «квадратов» подчас лишает молодых людей, даже неплохо зарабатывающих, возможности купить жильё и завести семью. В то же время простаивают ново-

стройки, из-за ошибок девелоперов возникли даже «мёртвые города». После съезда начнётся создание «жилищной системы с диверсифицированным предложением и страхованием в целях обеспечения каждого гражданина жильём». Действующей моделью, «лабораторией» новой жилищной политики призван стать «Новый район Сюньань», который создается к юго-западу от Пекина, на территории прилегающей к столице провинции Хэбэй. Этот проект уже назван «планом тысячелетия, делом государственной важности». Одна из инновационных особенностей — регулирование цен на жильё таким образом, чтобы сделать его доступным. Конечно, вряд ли город с населением около 5 миллионов человек будет построен быстро, но, как говорится, лиха беда начало.

Средний класс будет расти и в своих верхних сегментах. Заканчивается период жёсткого контроля и усиливается поощрение инновационной и предпринимательской деятельности. Отменяется система обязательного одобрения инвестиционных проектов властями разного уровня — вместо этого создается ограниченный «негативный список» в областях, затрагивающих национальную безопасность и международную деятельность. За его пределами можно вкладывать средства в любые начинания в уведомительном порядке, без предварительного разрешения. Пока такие правила действуют только в 11 зонах свободной торговли. Но вскоре весь Китай должен стать единой свободной торговой зоной. И уже сейчас общественный сектор преобладает в структуре национальной экономики. «На полях» XIX съезда заместитель председателя Госкомитета по делам развития и реформ Чжан Юн сообщил, что на этот сектор приходится около 80% занятых, около 60% ВВП, более половины налоговых поступлений и почти 70% китайских инвестиций за рубеж. С 2012 года доля частных инвестиций в основные фонды превысила 60%.

Росту благосостояния китайцев будет содействовать политика «открытых дверей»: как для импорта зарубежных товаров, капиталов и технологий, так и для экспорта китайской продукции на внешние рынки. «Следует и дальше уделять внимание заимствованиям извне и выходу вовне. За счёт расширения внешней торговли, культивирования новых форм хозяйственной деятельности и новых моделей торговли следует интенсивнее превращать Китай в полноценную торговую державу», — подчёркивалось в докладе XIX съезда.

Качество жизни китайцев неотделимо от качества окружающей среды. К 2035 году будет ликвидирован затяжной экологический кризис. Сейчас загрязнены пятая часть рек и озёр, пятая часть земель. В 80% городов воздух хуже даже самых минимальных стандартов. Сокращается продолжительность жизни, растёт выезд ценных специалистов за рубеж. В то же время концентрация вредных частиц в воздухе за последние пять лет сократилась на треть, в Пекине и других утопавших в смоге городах всё чаще застаёшь солнечные дни. Теперь борьба с загрязнением будет вестись самым эффективным методом — за счёт экологически неблагополучных предприятий при ужесточении контрольных функций государства, которое создаст новые органы контроля. То же самое относится и к ставшей весьма острой проблеме продовольственной безопасности. Ужесточается контроль за соблюдением стандартов, которые будут существенно повышены. К 2035 году нормой для Китая должны стать зелёные горы, чистая вода, голубое небо. Говоря словами Си Цзиньпина — «Прекрасный Китай».

СПРАВЕДЛИВОСТЬ НЕСОВМЕСТИМА С КОРРУПЦИЕЙ

Китайская мечта немыслима без справедливости. О ней рассуждали ещё философы глубокой древности. Поруганная справедливость поднимала на бунт крестьянские армии, которые

свергали погрязшие в чванстве и роскоши императорские династии. Слова «справедливость» и «искренность» были начертаны на знамёнах, которые несли рядом с красными стягами компартии партизаны и бойцы в годы антияпонской и гражданской войн. Начавшееся с приходом рыночных реформ Дэн Сяопина расслоение общества и принявшая небывалый размах коррупция стали поводом для недовольства в обществе и массовых выступлений молодёжи и студентов. Их пиком стали события на площади Тяньаньмэнь в мае-июне 1989 года, недаром приравненные Дэн Сяопином к гражданской войне.

Прекрасно понимая душу своего народа и зная реальную ситуацию в стране, Си Цзиньпин не мог не сделать борьбу с коррупцией важной частью плана Китайской мечты. Одним из его первых дел на новом посту стало участие в таком специфически китайском мероприятии, как коллективная учёба членов Политбюро. В апреле 2013 года он заявил высшим лидерам партии, что от правильного поведения правящей прослойки, неподкупности аппарата и борьбы против коррупции «зависит существование или гибель партии и государства». Председатель Си Цзиньпин процитировал древнего мудреца Шан Яна: «Дерево ломается, подточенное множеством червей, а стена рушится от множества трещин». Далее он подчеркнул: «Нам нельзя расслабляться в борьбе с коррупцией, расследоваться должны

все дела, нельзя допускать безнаказанности коррупционных преступлений. Мы должны одновременно убивать и тигров, и мух».

От слов архитектор Китайской мечты быстро перешел к делу. Он не только санкционировал расследования в отношении крупных чиновников — «тигров» и расширение контингента «мух» — средних и мелких коррупционеров. Борьба с мздоимством была поставлена на системную основу. От эффектных одиночных «посадок» или даже публичных расстрелов отказались почти полностью. Зато началась беспрецедентная активизация работы «партийной контрразведки» под названием Центральная комиссия по проверке партийной дисциплины (ЦКПД). Наделённая особыми полномочиями, она развернула расследования преступлений, которые совершали чиновники с партбилетами разных рангов, вплоть до ЦК и даже Политбюро партии. Завершённые дела передавались в государственные органы для рассмотрения в соответствии с действующим законодательством.

Однако, говоря словами Си Цзиньпина, «борьба с коррупцией по-прежнему остаётся суровой и сложной», «коррупция представляет для партии наибольшую угрозу». Вот почему действующую антикоррупционную систему было решено усовершенствовать. С марта 2018 года на всех уровнях управления начала деятельность Национальная надзорная комиссия — сверхмощное ведомство, объ-

единяющее партийную ЦКПД и прокуратуру. Опробованная в Пекине и нескольких провинциях Китая, доказавшая свою эффективность структура повысила статус и авторитет её работников, избавила их от влияния местных властей, сделала «бредень для отлова добычи» ещё мельче. Это соответствует призыву главы КПК: «Следует заключить власть в «клетку» порядка, чтобы народ контролировал власть, а сама власть функционировала прозрачно».

ИЗНАЧАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ МИССИЯ КПК

Всё более значимым компонентом Китайской мечты становится социализм, а также связанные с ним духовные ценности и принципы социальной справедливости. Недаром ещё в самом первом своём заявлении Си Цзиньпин говорил о «богатом и могущественном, демократическом и цивилизованном, гармоничном и современном *социалистическом* (выделено мной. — Ю. Т.) государстве китайской нации». В своей инновационной концепции он не только не отходит от идеалов социализма, но всё отчётливее возвращается к ним после тридцатилетнего приоритета либеральных и рыночных аксиом. Си Цзиньпин заявил с трибуны XIX съезда: «Коммунистическая партия Китая рассматривает реализацию коммунизма как свой высший идеал и конечную цель».

Архитектор Китайской мечты усиливает руководящую роль коммунистической партии. Он сохраняет плановую систему развития народного хозяйства и даже переходит к долгосрочному планированию не на привычные пятилетки, а на несколько десятков лет вперед. Он крепко держит в руках государства ключевые отрасли экономики, хотя и способствует конкуренции частного (в Китае его предпочитают называть общественным) бизнеса, стимулирует государственно-частное партнерство.

Словами его доклада на съезде: «Нужно сохранять и совершенствовать основную экономическую систему и распределительную систему нашего социализма, без всяких колебаний укреплять и развивать общественный сектор экономики, без малейших колебаний поощрять, поддерживать и ориентировать развитие общественного сектора, чтобы таким образом выявлять решающую роль рынка в распределении ресурсов и полнее раскрыть роль правительства». Наконец, председатель Си ставит во главу угла такие социалистические идеалы, как избавление от нужды, достижение сначала «средней зажиточности», а затем превращение всего населения в средний класс, пусть даже состоящий из нескольких слоев.

Для характеристики грядущего состояния китайского общества лучше всего подойдет конфуцианский термин «*да тун*», «великое единение». Этот термин обозначает восславленный многими поколениями философов, поэтов и мечтателей идеал обеспеченного и справедливого общества для каждого. «Поднебесная принадлежит всем — это великое Дао», — заявил на съезде главный коммунист Китая.

БУДУЩЕЕ КНР ГЛАЗАМИ ЕЁ СВЕРСТНИКА

Из 70 лет своей жизни я более полувека изучаю Китай, наблюдаю порой непредсказуемые события в Поднебесной, пытаюсь понять «китайскую специфику». Накопленный опыт, впечатления от поездок почти по всем уголкам КНР, откровенные беседы с давними и новыми друзьями позволяют набросать эскиз будущего китайской нации до 2035 года.

Почти наверняка будет, словами Си Цзиньпина «в основном осуществлена социалистическая модернизация», даже в условиях продолжающегося замедления темпов прироста ВВП «значительно возрастёт экономическая и научно-техническая мощь страны, Китай поднимется до уровня стран — лидеров инно-

вационного типа». Новые прорывы в области искусственного интеллекта, в роботизации, в создании «умных» систем управления выведут КНР на самые передовые позиции в мире.

Социалистический сектор, плановая экономика — с одной стороны, и частнокапиталистический сектор — с другой стороны продолжат «мирное сосуществование», а точнее — синергию, лежащую в основе нового мирохозяйственного уклада под названием «социализм с китайской спецификой новой эпохи».

Сохранится и власть коммунистической партии — не только как фактического управляющего общественной собственностью в интересах всей нации, но и «суперкомпьютера» по выработке стратегии, а также тактики развития. Дальнейшее укрепление дисциплины в КПК может сочетаться с развитием внутрипартийной демократии в форме расширения практики создания «малых групп» и «мозговых центров». Си Цзиньпин, которому в 2035 году будет 82 года, к тому времени, скорее всего, уже уйдёт с постов Генерального секретаря ЦК КПК и председателя КНР, но останется очень влиятельным деятелем, как Дэн Сяопин. Тот прожил 93 года (1904–1997), а Мао Цзэдун — 83 года (1893–1976).

Успехи в «великом возрождении китайской нации» и ужесточение политики сдерживания со стороны США и других держав усилят националистические настроения в обществе. Это может привести к популярности уже оглашённых идей превосходства «азиатской мудрости» или «китайской мудрости» над «европейской мудростью» и, не исключено, — даже к проявлениям шовинизма среди элит и радикально настроенной молодёжи. Многое здесь будет зависеть от воли и эффективности партийных идеологических органов.

Опираясь на мощный интеллектуальный потенциал центральных и провинциальных партийных организаций, разветвлённой системы традиционных научных заведений и новых «мозговых центров», КПК продолжит гармонизировать отношения между регионами, предотвращать дисбалансы в развитии, определять «направления главного удара», то есть приоритетные сферы в науке и производстве. Контролируя государственную банковскую систему, транспорт и «естественные монополии», компартия сможет концентрировать ресурсы на решение неизбежных экономических трудностей и социальных неустroений.

Стремясь обеспечить Поднебесной её законное место на мировой арене, Пекин бу-

дет продолжать реализацию стратегии «Пояс и путь», формируя из пока разрозненных транспортных коридоров и промышленных кластеров за пределами своей национальной территории глобальную систему производственно-торговых цепочек снабжения Китая необходимыми товарами и сырьём, а также — сбыта продукции с высокой добавленной стоимостью. Китай станет крупнейшим мировым рынком не только сырья, но также потребительских товаров, в том числе — предметов роскоши, произведений культуры и искусства.

Реализация стратегии «создания сообщества единой судьбы человечества» в качестве глобальной внешнеполитической доктрины будет наталкиваться на недоверие и сопротивление ключевых акторов: США, Европы, Индии, Японии и других держав. Не отменяя долгосрочный замысел, Пекин может сосредоточиться на создании «сообщества единой судьбы Азии».

Сеть высокоскоростных железных (ВСМ) и автомобильных дорог покроев всю Поднебесную и будет соединена на важнейших направлениях с зарубежными артериями, особенно «Пояса и пути». Беспилотный общественный транспорт будет доминировать на улицах крупных городов, широко задействуя подземное пространство.

Ключевую роль в распределении производства по всей территории Китая будут играть три суперкластера: регион Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй, регион «Большого залива» Гуандун — Сянган — Аомэнь, а также регион дельты реки Янцзы с центром в Шанхае.

Китайская валюта «жэньминьби» (юань) станет признанной мировой расчётной единицей, существенно потеснив доллар и другие мировые валюты. Юань станет основой для взаимных расчётов в местных валютах развивающихся экономик, которые будут осуществляться, минуя систему SWIFT. При активной роли Китая будет расширена банковская система стран ШОС, БРИКС, АТЭС и новых объединений.

Произойдёт возврат к социалистическим ценностям, особенно в сфере распределения общественного богатства. За счёт резервов государства, в том числе — накоплений на счетах Федерального казначейства США, будет решена проблема обеспечения молодых семей жильём. Избыточные площади будут выкуплены и распределены по льготным схемам. Эта мера стимулирует деторождение и предотвратит усугубление проблемы старения населения КНР. В полную силу заработает

общенациональная пенсионная система. Будет окончательно ликвидирована система «хукоу», т. е. прописки в городах, что уравнивает в правах сельских и городских жителей, повысит мобильность населения. Вырастет «средний класс», возрастёт ёмкость внутреннего рынка.

В результате применения комплекса экономических, политических и иных мер будет осуществлено мирное воссоединение Тайваня. На острове будет сохранена местная система управления в соответствии с принципом «одна страна — две системы». Осуществление этого же принципа будет продолжено в Гонконге и Макао.

Между Китаем и Россией будет заключен новый долгосрочный договор. Он полностью и навсегда подтвердит прохождение границы в соответствии с Договором 2001 года и Соглашением 2004 года. Кроме того, он поднимет уровень взаимодействия Москвы и Пекина в оборонной сфере, включая гарантированный совместный ответ на угрозу ядерного нападения. Россия и Китай будут предоставлять «ядерный зонтик» другим государствам. Китайские и российские вооружённые силы достигнут небывалого уровня координации усилий по обеспечению безопасности: как на Земле, так и в Мировом океане, космосе, в киберпространстве.

Устранение остатков взаимного недоверия у населения и правящих элит двух наших стран позволит существенно продвинуть проекты экономического и научного сотрудничества. По территории России силами консорциумов будут проложены скоростные грузовые и пассажирские маршруты железнодорожного и автомобильного транспорта, которые сократят время доставки товаров между Китаем, Россией и другими странами Европы. Будет активно использоваться Северный морской путь. Станут действовать целые кластеры совместных промышленных предприятий и сельскохозяйственных центров. Активируется подготовка двуязычных специалистов в университетах двух стран. Расширится культурный обмен, в том числе — в форме постоянно действующих экспозиций музеев, музыкальных театров, специализированных кинотеатров, сертифицированных медицинских и фармацевтических учреждений, центров моды и т. д. Расширится не только традиционный туризм, но также система молодёжных спортивных лагерей, студенческих отрядов, туристических маршрутов по природным и историческим заповедникам.

За счёт переброски талых вод с гор Тибета по подземному водопроводу будут осваиваться огромные пространства Синьцзяна. Там будет поднята «китайская целина». Освоение северо-западных регионов КНР станет общенациональным приоритетом. Будет налажена координация с развитием российской Западной Сибири.

Произойдёт дальнейшая утрата местных диалектов с переходом на официальный язык «путунхуа». Это сделает китайскую нацию ещё более единой, ослабив остатки местных диалектов и межрегиональных противоречий.

У несомненных первых успехов Китайской мечты будут не только положительные, но и отрицательные последствия. Нетрудно просчитать размеры экономики Китая к 2035 году при нынешних 6–7%-ных темпах роста и представить изменения в балансе ми-

рового потребления продовольствия и сырья, сдвиги в глобальной экономике и логистике с появлением среднего класса размером в миллиард человек. Нетрудно понять также политические и стратегические последствия «великого возрождения китайской нации» для мирового порядка. «Сдерживание» Китая в разных формах наверняка будет продолжаться и усиливаться по мере продвижения этой страны к состоянию «мощной и процветающей социалистической державы».

Однако более эффективный хозяйственный уклад неизбежно вытеснит менее эффективный. Новые политические и идеологические нормы придут на смену устаревшим. С ноябрьских дней 2012 года началась «новая эпоха социализма с китайской спецификой», ускорился отсчёт времени до «великого возрождения китайской нации».

第二十六届北京国际图书博览会
第十七届北京国际图书节
罗马尼亚主宾国
暨中国图书进出口(集团)总公司成立七十周年

BIBF

THE 26TH BEIJING INTERNATIONAL BOOK FAIR
THE 17TH BEIJING INTERNATIONAL BOOK FESTIVAL
COUNTRY OF HONOUR: ROMANIA
THE 70TH ANNIVERSARY OF CIPREC

开幕之夜
OPENING RECEPTION

2019.08.20

/ Юрий ТАВРОВСКИЙ /

Второе дыхание

Речь на церемонии награждения Национальной премией КНР

20 августа в Пекине состоялось вручение Национальной премии КНР за заслуги в области литературы российскому китаеведу, постоянному члену Изборского клуба и руководителю его Исследовательского центра «Русская Мечта — Китайская Мечта» Юрию Вадимовичу Тавровскому. Учреждённая правительством КНР в 2005 году премия присуждается иностранным переводчикам, писателям и издателям в знак признания их вклада в популяризацию китайской литературы и развитие культурных контактов. Церемония награждения по традиции приурочена к открытию Пекинской международной книжной ярмарки. В нынешнем году она прошла в 26-й раз. Столь высокую оценку получили выпущенные за последние пять лет книги Ю.В. Тавровского «Чудесный Китай», «Китай, Россия и соседи в новом тысячелетии», «Си Цзиньпин. По ступеням «Китайской Мечты», «Новый Шёлковый путь: главный проект XXI века» и «Си Цзиньпин. Новая эпоха».

Премия на церемонии в правительственной резиденции «Дяоюйтай» вручил член Политбюро ЦК КПК, заведующий Отделом пропаганды ЦК КПК, министр печати КНР Хуан Куньмин. Он отметил важность адекватного восприятия народами мира как достижений 5000-летней истории Поднебесной, так и её современного этапа — новой эпохи социализма с китайской спецификой. В ответном слове Ю.В. Тавровский подчеркнул особое значение премии 2019 года, когда отмечается 70-летие образования КНР и 70-я годовщина установления дипломатических отношений между Москвой и Пекином.

Уважаемые руководители! Дамы и господа! Для меня большая честь получить Национальную премию КНР за заслуги в области литературы в нынешнем, юбилейном году. Уже через несколько недель Китайская Народная Республика отпразднует 70-летие со дня своего образования. Китайский народ с гордостью подводит итоги этой лучшей главы своей 5000-летней летописи. Вам действительно есть чем гордиться. 70 лет назад китайский народ, говоря словами Мао Цзэдуна, поднялся с колен и расправил плечи. Сегодня Китай поражает весь мир своим экономическим чудом, беспрецедентными успехами в ликвидации нищеты, победами в борьбе с коррупцией, достижениями в науке и культуре. Уникальная долгосрочная стратегия «Китайская мечта о великом возрождении китайской нации» вдохновляет другие народы на поиск оптимального пути развития, вселяет веру в будущее. Теория и практика «Новой эпохи социализма с китайской спецификой» рассматривается мыслителями как новая социально-экономическая формация в истории человечества.

Для меня большая честь получить эту престижную премию в этом году, когда исполняется 70 лет со дня установления дипломатических отношений между Москвой и Пекином. Сейчас наши отношения находятся в самой лучшей форме с 1950 года. Этот период начался с «золотого десятилетия», когда СССР и КНР стояли спина к спине в противостоянии с миром империализма, рука об руку укрепляли экономический, научный и технический потенциал социалистического лагеря. Связи Москвы и Пекина ослабли за последовавшие 30 лет идеологической конфронтации, пережили период безвременья в 90-е годы и начали интенсивно восстанавливаться только с подписанием в 2001 году действующего Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Нынешний год ознаменовался совместным решением президента России Владимира Путина и председателя КНР Си Цзиньпина повысить

уровень двусторонних отношений до «Новой эпохи стратегического партнёрства».

Для меня большая честь получить Национальную премию Китая за заслуги в области литературы в год своего 70-летия. Более 50 лет назад преподаватели Восточного факультета Ленинградского университета учили меня и моих однокашников любить и изучать Китай в национальных интересах России. Разгоравшуюся тогда «культурную революцию» они рассматривали как очередной эпизод смуты в поступательном историческом процессе. Нас учили современному разговорному языку и классическому литературному языку «вэньянь». Преодолевая огромные трудности, мы читали конфуцианские произведения «Дасюэ» и «Чжунъюнь», даосский шедевр «Даодэцзин». Мы постигали изящество стихотворений эпохи Тан и драм эпохи Юань. Мы наслаждались приключениями Царя обезьян из романа «Путешествие на Запад», подвигами благородных разбойников из романа «Речные заводи», описанием борьбы героев со злодеями древней истории в романе «Троецарствие». Мы с увлечением читали повести писателей XX века Лу Синя и Лао Шэ. Мы изучали разные стили написания иероглифов и пытались разобраться в надписях на черепаших панцирях, сделанных 3 тысячи лет назад. Мы постигали учения разных религий и философских школ Поднебесной.

Это почтение к китайской цивилизации, эти глубокие, истинно университетские знания очень пригодились мне в последующие годы. Благодаря моим профессорам истории, я довольно быстро понял глубокие корни и дальнейшие перспективы «Китайской мечты о великом возрождении китайской нации». Отталкиваясь от «периода национального унижения», начавшегося с поражения в Опиумных войнах, этот долгосрочный план призван вернуть Поднебесной её законное место в мире к 2049 году, когда КНР будет праздновать свой вековой юбилей. Именно об этом написана моя книга «Си Цзиньпин: новая эпоха». В ней даётся анализ

экономических, социальных, внутрипартийных инноваций, нацеленных на придание «второго дыхания» начатой ещё Дэн Сяопином «политики реформ и открытости». В ней рассматривается небывало активная внешняя политика председателя КНР, его особое внимание к взаимодействию с руководителем России. В книге исследуется также драматическая и героическая биография нынешнего китайского лидера, которого я считаю новым вождём китайской нации, способным сформулировать и реализовать долгосрочные планы прогресса своего народа.

Моя дипломная работа была посвящена ранней истории китайского буддизма. Мне удалось даже перевести очень важную священную буддийскую книгу «Сутра в 42 разделах». Это помогло осознать преемственность выдвинутой Си Цзиньпином инициативы «Один пояс и один путь» с делами многовековой давности и написать книгу «Новый Шёлковый путь — главный проект XXI века» — о воплощении в наши дни давней мечты о сопряжении цивилизаций. Мне удалось в течение года совершить путешествие по всему китайскому отрезку Шёлкового пути: от побережья Жёлтого моря до границы с Казахстаном, — и убедиться в реальности намеченного плана евразийской интеграции.

Присуждение Национальной премии КНР за заслуги в области литературы придаёт мне новые силы, помогает наметить и осуществить новые планы. Я работаю над книгой «Китай сосредотачивается», в которой попытаюсь обдумать события последних месяцев, когда политика «сдерживания Китая» перешла в открытую фазу. Внутренняя мобилизация китайской нации, укрепление созидательной энергии и укрепление дисциплины, расширение связей с соседями и поиски новых союзников заслуживают тщательного анализа. Русская мечта и Китайская мечта должны претворяться в жизнь параллельно и скоординированно. Судьбы Китая и России были тесно связаны в прошлом. От них зависит будущее наших наций, всего человечества.

Спасибо за внимание!

Вознесение Поднебесной

*К 70-летию провозглашения
Китайской Народной Республики*

Юрий ТАВРОВСКИЙ,
профессор Российского
университета дружбы
народов:

— Уважаемые коллеги, в рамках Изборского клуба недавно был создан центр «Русская Мечта — Китайская Мечта», который мне доверили возглавить. И мы, наверное, первыми в Москве, первыми в России, даже первыми в мире начинаем обсуждать цивилизационные проблемы и перспективы российско-китайского стратегического союза, который уже возвратил себе экономическое, военно-политическое, даже геостратегическое измерение, но пока не делает этого в измерении цивилизационном. В работе нашего круглого стола участвуют видные специалисты не только по Китаю, но и по Дальнему Востоку, по Азиатско-Тихоокеанскому региону, да и по глобальной проблематике в целом. Тема обсуждения — 70-летие Китайской Народной Республики, которая была провозглашена 1 октября 1949 года: её история, проблемы и перспективы.

Сергей ГЛАЗЬЕВ,
доктор экономических наук,
академик РАН:

— Если говорить об отношении к нынешней китайской социально-экономической и политической системе, которая, со всеми её историческими трансформациями, существует вот уже 70 лет и к настоящему времени по многим позициям вышла на передовые рубежи всей человеческой цивилизации, то ключевым вопросом здесь является как раз вопрос взаимодействия русской и китайской цивилизаций в рамках перехода к новому технологическому укладу. Здесь нет какого-то устоявшегося, общепризнанного мнения, поскольку процесс такого перехода только начинается, а его конечный ре-

зультат зависит от очень многих переменных факторов.

По этому поводу есть разные модели, не буду здесь их перечислять и анализировать, согласно которым развитие Китая сопоставляется с развитием Советского Союза и на этой основе прогнозируется неизбежный и даже скорый крах «китайского чуда», а потому — бессмысленность для России перехода на китайскую модель и даже использование китайского опыта. Скажу лишь, что те принципы управления экономикой, которые вот уже сорок лет реализуются в КНР: инвестиции в технологии, в образование, сочетание плана и рынка, — они работают везде, хоть в Европе, хоть в Африке, хоть в Азии, хоть в Латинской Америке. И в России они тоже могли бы работать. Но у нас в стране, по сути, действует компрадорско-олигархическая модель экономики, сформированная в 90-е годы. И, чтобы её сейчас изменить, нужно приложить гигантские, по-настоящему революционные усилия. «Сверху» или «снизу» — это другой вопрос, но пока ни «верхи», ни «низы» таких перемен не могут осуществить и не хотят.

А в КНР, при всех рыночных механизмах, экономика по своему инфраструктурному фундаменту, по своим ценностям и по своему целеполаганию носит в целом социалистический характер, направлена не на получение максимальной прибыли, а на благо народа, на развитие всех сфер жизни общества. Без этого, конечно, никакого «китайского чуда» произойти не могло, потому что без государственной инфраструктуры, государственных инвестиций, государственного регулирования, индикативного планирования и контроля со стороны КПК почти тридцать лет под-

ряд постоянно держать темпы роста более чем вдвое выше среднемировых было бы невозможно, и этот момент в США явно недооценили, уповав на то, что подчинённое положение Китая в системе глобальной экономики в конце концов приведёт к кризису и изменениям его социально-политической системы.

Но в результате, по данным Всемирного банка, за период 1990–2018 годов Китай стал самой динамично развивающейся страной, увеличив свой ВВП за этот период в 21,6 раза и из шестой экономики мира, в шесть с лишним раз уступавшей американской, превратился в первую. Для сравнения: мировая экономика за те же годы выросла в 3,7 раза, экономика США — в 2,44 раза, России — в 2,37 раза, Японии — в 1,27 раза, Индии — в 6,27 раза, Германии — в 1,92 раза.

То есть мы видим, что более эффективных экономических моделей, способных обеспечить рост благосостояния крупнейшего на планете сообщества, составляющего примерно шестую часть всего человечества, сегодня нет. Более того, у Китая просматривается дальнейшая перспектива роста на ближайшие 10–15 лет, связанная с переходом от экспортоориентированной экономики к насыщению внутреннего рынка товарами и услугами, с переходом на новый социально-технологический уклад, использующий передовые достижения в сфере энергетики, роботизации производства и быта, применения искусственного интеллекта, генной инженерии и так далее.

Поэтому есть все основания считать, что Китай творчески, в других культурно-исторических координатах, переработал и развил наш опыт советского периода, преодолел те трудности, которые привели к краху

СССР, и сейчас выходит в новое пространство развития. А призывы отказаться от китайского опыта — это попытка и дальше удержать Россию в рамках сырьевого придатка созданной «коллективным Западом» финансово-экономической модели «вашингтонского консенсуса», которая сейчас зашла в тупик и вряд ли переживёт новую волну глобального системного кризиса.

Другое дело, что у нас сейчас почти отсутствуют «переходные модули», способные состыковать российскую экономику с китайской экономикой, русскую цивилизацию — с китайской цивилизацией, Русскую Мечту — с Китайской мечтой. Думаю, что проектирование, создание и внедрение таких «переходных модулей» должно стать одной из наших главных задач на ближайшую перспективу.

Юрий ТАВРОВСКИЙ:

— Совмещая роли модератора и главного докладчика нашего круглого стола, считаю необходимым осветить вопрос о том, что собой представляют современный Китай и Китайская мечта сегодня. На эту тему я написал отдельную статью, поэтому буду предельно краток.

1 октября Китайской Народной Республике исполнилось 70 лет. А 29 ноября исполнится 7 лет курсу Китайской мечты. А были обычные пятилетние планы развития народного хозяйства. 29 ноября 2012 года, через две недели после завершения XVIII съезда компартии Китая, семь членов политбюро во главе с новым генеральным секретарём ЦК КПК отправились в Национальный музей и осмотрели выставку, посвящённую истории Китая. И там Си Цзиньпин сказал: «Нескончаемая борьба, которая продолжается со времён Опиумных

войн вот уже 170 лет, открыла блистательные перспективы великого возрождения китайской нации». Там же была поставлена цепочка целей: к 100-летию создания КПК, в 2021 году, достичь уровня «сяокан», то есть общества «средней зажиточности», а к 100-летию КНР, в 2049 году, — «богатого и могущественного, демократического и цивилизованного, гармоничного и современного социалистического государства китайской нации». Вот формулировка нынешней Китайской мечты и сроки её осуществления. Си Цзиньпин продемонстрировал тогда глубину своего стратегического видения — на 170 лет назад и на 37 лет вперёд, а также степень его детализации: пошаговая программа действий с тремя датами, разделяющими два 14-летних периода, — это 2021, 2035 и 2049 годы.

Такого до него не делал ни один правитель Китая. Мао Цзэдун как-то сказал: «Наши перспективы светлые, но путь извилист». Эти слова подтверждают, что проработанной стратегии у Великого Кормчего не было, его действия определялись текущей конъюнктурой, а горизонтом планирования оставались пятилетние планы. Несколько поколений китайских руководителей после Мао были озабочены налаживанием нормальной жизни в стране, тем, чтобы обогреть и накормить её более чем миллиардное население, налаживанием экономического потенциала — им было не до попыток заглянуть далеко в будущее. Именно результаты XII пятилетки (2011–2015), которые были достигнуты уже под руководством Си Цзиньпина, убедили китайцев и весь мир в реальности Китайской мечты. Именно поэтому XIX съезд КПК, прошедший в 2017 году, не просто переизбрал Си Цзиньпина

генеральным секретарём своего ЦК, но и внёс в устав 90-миллионной партии положение о «социализме с китайской спецификой новой эпохи», которое и является сегодня Китайской мечтой. Всё, что связано с Си Цзиньпином, — это «новая эпоха», в том числе — и российско-китайские отношения. Тогда же были отменены введенные Дэн Сяопином ограничения на пребывание одного человека во главе партии и государства двумя пятилетними сроками, то есть Си Цзиньпин получил от партии мандат доверия на более длительный период, необходимый для реализации поставленных им задач, — судя по всему, до 2035 года, когда «товарищу Си» должно исполниться 82 года.

Из нынешнего населения КНР в 1,37 млрд человек 90 миллионов — члены КПК и более 400 миллионов — средний класс. Это не изолированные друг от друга, а в значительной мере пересекающиеся множества. Те туристы, которых мы сегодня в большом количестве видим на улицах Москвы и Питера, — это как раз представители современного китайского среднего класса. К 2035 году их должно стать около 900 миллионов. Это больше, чем американский, европейский и российский рынки, вместе взятые. Главный приоритет Си Цзиньпина, о котором уже сказал Сергей Юрьевич Глазьев, — как раз переориентация экономики КНР с внешних рынков на внутренний. Можно сказать, что «социализм с китайской спецификой новой эпохи», неотъемлемой частью которого является реализация проекта «Один пояс, один путь», — это будущий мирохозяйственный уклад, который придёт на замену нынешней глобальной «империи доллара» примерно на половине земного шара.

Константин БАБКИН,
*председатель «Партии
Дела», председатель совета
директоров компании
«Ростсельмаш»:*

— Китай, с его почти полутора-миллиардным населением, производит гигантское количество продовольствия. Здесь уже говорилось о том, что на первом этапе китайских экономических реформ ставилась задача «согреть и накормить» собственных граждан, то есть спасти их от голода и недоедания. С этой задачей они справились, максимально интенсифицировав своё сельское хозяйство. В КНР сегодня обрабатывается буквально каждый пригодный для этого клочок земли. Мы вот гордимся своими нынешними урожаями по 140–150 млн тонн зерна, а в Китае собирают 610 млн тонн зерна ежегодно. Правда, там и климат другой, и культуры другие, и урожайность другая. Но проблема состоит в том, что при нынешних технологиях они больше продовольствия производить уже не в состоянии, все ресурсы мобилизованы. А население продолжает расти. К тому же, как уже отмечалось другими участниками круглого стола, руководством ставится задача улучшения экологии, что плохо совмещается с ростом сельскохозяйственного производства. Поэтому Китай является крупнейшим импортёром продовольствия, примерно на 60 млрд долл. в год. Что это такое? Весь наш урожай зерна в оптовых ценах внутреннего рынка — это 15 млрд долл. в год. И перспектива для Китая здесь одна — ещё большая зависимость от внешних поставок. Сейчас они закупают продовольствие у США — это, прежде всего, соя, рапс, свинина. В связи с действиями администрации Трампа, развязавшей против Пекина тор-

говую войну, Китай ограничил импорт продовольствия из США и Канады, где была арестована Мэн Ванчжоу, дочь основателя и главы компании Huawei. По-

сле этого цены на сою и рапс упали, а рынок сельхозтехники в Канаде сократился в три раза. Поэтому там всё тяжело. У нас же ресурсы увеличения

производства сельхозпродукции на одном только Дальнем Востоке даже с трудом поддаются измерению — настолько они велики. Гарантированный китайский рынок буквально рядом, нас туда даже приглашают, поскольку российское продовольствие имеет репутацию качественного и экологически чистого, но никаких программ на государственном уровне по этому поводу не готовится и даже не обсуждается. Хотя все «наверху» говорят о необходимости привлечь население на территории Сибири и Дальнего Востока. Но слова пока — это одно, а дела — совсем другое.

Андрей ОСТРОВСКИЙ,
*доктор экономических наук,
заместитель директора
Института Дальнего
Востока РАН:*

— Должен отметить, что все прогнозы по Китаю, особенно —

публичные, в итоге, как правило, оказываются не соответствующими действительности. Их можно разделить на три большие группы: западные, в основном — американские прогнозы, отечественные, советские и российские прогнозы, а также собственно китайские прогнозы. Многолетний опыт подобных прогнозов показывает, что потенциал экономики КНР сильно недооценивается и занижается, поскольку сами китайцы в этом заинтересованы и дают соответствующую статистику. В ретроспективе 10–15 лет западные эксперты давали Китаю рост на уровне 5–6%, а некоторые — даже 2–3% ВВП ежегодно. Кажется, только Лоуренс Лоу, работавший в Стэнфордском университете, дал прогноз роста в 9%, который оказался наиболее близким к реальным цифрам, которые в отдельные годы превышали

и 10%. Сейчас в США считают 2025 год рубежом, когда ВВП КНР превзойдёт американский не только по паритету покупательной способности — этот рубеж был пройден в 2014 году, но и по обменному курсу. Пока отставание по этому показателю — свыше 7 трлн долл., или почти 60%, и преодолеть его за 6 лет возможно только в случае серьёзных потрясений американской экономики и девальвации доллара за это время, что, видимо, и подразумевается.

Советские прогнозы тоже были, в составлении первого из них я и сам принимал участие. Дело было в 1986 году. Наша группа исходила из материалов XII съезда КПК 1982 года. Получилось, что к 2000 году население КНР достигнет отметки в 1,2 млрд человек, а объём промышленного и сельскохозяйственного производства должен стать в четыре раза выше, чем был

в 1980 году. И что? Этих показателей: и по населению, и по экономике, — Китай достиг уже к 1994 году, на шесть лет раньше вычисленных нами сроков.

Первый китайский серьёзный прогноз появился в 1996 году, над ним работали Академия общественных наук КНР и статистическое ведомство. И там было сказано, что прирост ВВП в 1996–2010 гг. ожидается на уровне 8–9% ежегодно, в 2011–2030 гг. — в диапазоне 6–7% годовых, а в 2030–2050 гг. — 3–4%, по этому графику Китай пока и движется, даже с некоторым опережением. Но выход на показатель 70 трлн юаней ВВП и 45 тыс. юаней на душу населения планировался только к 2030 году, а в 2018 году у них получилось 92 трлн юаней и 60 тыс. юаней на душу населения, и этот дополнительный рост лишь частично связан с процессами ускоренной инфляции. Во всяком случае, 2021 год уже близко, и все провинции КНР, кроме провинции Ганьсун, которая занимает последнее место по реальным доходам населения, к этому времени достигнут уровня «сяокан», то есть «малого процветания», нищего населения там не останется. Но и Ганьсун эту задачу готова решить в 2022 году.

Как говорит известный китайский учёный-экономист Ху Аньган, из «мировой фабрики» Китай вскоре, уже к 2030 году, должен превратиться в «мировой рынок», для чего планируется достижение трёх взаимосвязанных показателей: превзойти ВВП США в два раза, индекс развития человеческого потенциала — в 3,2 раза, стать «зелёной» экономикой. В последнем лично у меня есть большие сомнения — тем более что при этом КНР планирует производить 35% высокотехнологичной продукции в мире. Но цели такие сто-

ят, а значит, для их достижения будут предприниматься соответствующие усилия...

Сергей БЕЛКИН,
писатель:

— Быть может, ничего более важного, чем разговор о сопряжении Русской и Китайской мечты сегодня нет. Ни в России, ни в мире. Причём речь идёт не об экономических и военнополитических планах и стратегиях, а именно — о мечтах. А вот о том, как, на каком языке «мечта с мечтою говорит», надо не только думать, но и язык этот вырабатывать.

Пять лет тому назад в статье «Четыре мечты» я говорил о том, что Русской Мечты не существует. Я имел в виду отсутствие политического конструкта, наподобие американской мечты или же мечты китайской, существующих и как эмоциональные образы, и как продуманные программы действий в политике и идеологии.

Вопрос о Русской Мечте возродил и внедрил в общественное сознание А.А. Проханов, разработав собственное учение о Русской Мечте и подготовив замечательный цикл «В поисках Русской Мечты». Проханов говорит о Русской Мечте как о некоей эзотерической сущности, обитающей где-то в метафизическом мире. Она живёт там своей жизнью и может время от времени навещать чьи-то умы и сердца. А может и не навещать...

Проханов создаёт важный миф о мечте. Его миф о мечте — как объективной сущности — сродни платоновским идеям, это мыслеформа, готовая при определённых условиях стать реальностью. Используя эзотерический язык, можно сказать, что Проханов пытается создать ни много ни мало — эгрегор Русской Мечты: метафизический

энерго-информационный объект, обладающий созидательным потенциалом: воодушевляющим, подпитывающим, порождающим энтузиазм, стремление, надежду и веру в успех. И это — подлинная миссия поэта, художника, брахманической персоны. Напомню — не варновую (кастовую) структуру Индии, а описание соответствующих типов людей и обществ, которую предложил Юлиус Эвола в «Регрессии каст»: брахманы, кшатрии, вайшья и шудры, придя к власти, определяют тип общества. Они есть в любой стране: люди духовные, жрецы, стратеги; воины; торговцы и скотоводы (экономисты); прочие «простые люди». Только вот роль их бывает то определяющей, то подчинённой. Мы живём в стране победивших вайшья (прикормивших кшатриев) ...

У вайшья и кшатрия нет мечты. У вайшья есть цели, у кшатрия — задачи, у шудры — правила. Российско-китайские отношения сегодня — отношения на этих уровнях. Они понятны и просты, а потому пока выглядят как успешные. Но мечта сюда не залетает. Мечта — у брахмана! «Сопрягать мечты» могут брахманы. Мечта брахмана (которая может реально работать) — это метафизика плюс инструкция на языке, понятном кшатриям и вайшья. Хорошо, конечно, что к брахманической работе России, кроме вайшья, подтянулись, наконец, и кшатрии. Но роль брахманов — незаменима.

Продажа первородства за похлёбку — это передача брахманических функций кшатриям, эдакий аутсорсинг. Именно это произошло в позднем СССР, именно это и привело «красную империю» к гибели: брахманическая мечта была заменена сиюминутными целями вайшья.

Брахман свободно парит в пространстве духа, это его

«дух дышит, где хочет», ибо он — пневматик. Кшатрий и вайшья — соматики: их дух обретается в том пространстве, в котором им быть дозволено.

Сведение предмета размышлений: сопряжения русской и китайской мечты, к экономике — это путь вайшья. Для вайшья — он единственно возможный и правильный. У брахмана другой путь, другое пространство смыслов, целей и методов.

Русский вайшья и китайский вайшья могут довольно быстро найти общий язык и договориться (в конечном счёте — о взаимовыгодной сделке). Беда, если вайшья работает брахманом и решает несвойственные его внутренней природе задачи. И эта беда с нами случилась. Её последствия пока смягчает историческая инерция, вследствие которой остатки брахманических протуберанцев Советского Союза витают и над Россией, усложняя, облагораживая, обрамляя её реально неприглядное ментальное состояние. Но по факту в общении с Китаем с их стороны налицо брахманы, обладающие мечтой: и как мистической сущностью, и как политической программой, написанной для всего населения. С нашей стороны — вайшья и шудры, назначенные работать брахманами. Диалог невозможен. Возможна только постановка диагноза, причём ставить его будут, разумеется, брахманы. Вайшья и шудры — получают и подпишут счёт. Теперь о том же, но без эзотерических иносказаний.

Китай продолжает строить социализм, ищет новые формы, использует всевозможные экономические модели, но при этом строит социализм. И мечта его — социалистическая. Социализм — это не «госплан плюс партком» и даже не «советская власть плюс электрификация всей страны». Социализм — это не из сферы

экономики и даже не из сферы идеологии. Это из сферы этики: «Что такое хорошо и что такое плохо?» — вот тест-вопросник, позволяющий различать социальные системы. Социализмы (как и капитализмы) бывают разными, но не по признаку «план/рынок», «собственность частная или государственная» и т.д., а по месту в многомерном пространстве этики, измеряемому координатами «коллективизм — индивидуализм», «личность — общество», «я — государство» «человек человеку — волк или друг, товарищ и брат» и т.д.

Россия — матрёшка. Наружная оболочка: то, что записано в основополагающих документах, то, что провозглашено в качестве базовых принципов жизнеустройства, — оголтелый индивидуалистический капитализм. И это не просто маска, оставшаяся со времён «святых девяностых», но суть и жизненная парадигма самого влиятельного слоя — кланово-олигархической системы управления (в том числе и стратегического) и их услуги, растлевающей общество. Русская Мечта у этой части России — капиталистическая, прозападная, это мечты генерал-губернаторов банановых островов.

Есть и другая Россия: коллективистская, социалистическая и христианско-социалистическая, продолжающая жить, ориентируясь на высокие этические идеалы. Мечта у этой России — социалистическая. Таких людей в России вообще — подавляющее большинство, но войти с ними в контакт, организовать их — более чем затруднительно. Китайские брахманы в своих попытках нащупать контакты с этой — подлинной и живой! — Россией упираются в твёрдую капиталистическую оболочку, в либерально-демократический интерфейс России.

С какой мечтой может сопрягаться мечта китайская? Разумеется — только с пока ещё не выраженной, не проявленной, никак не институированной мечтой большинства русского народа, с его социалистической мечтой. Но сделать это — здесь я полностью согласен с Сергеем Юрьевичем Глазьевым — можно будет только тогда и с теми, кто создаст соответствующий интерфейс, панель сопряжения, сформулированную на языке политики. В России нет силы — хотя бы уровня политической партии, — которая бы это сделала или была бы готова сделать. Есть лишь одна-единственная площадка, на которой может возникнуть зародыш, точка кристаллизации такого конструкта и такого интерфейса: наш Изборский клуб. Но эта потенция пока не раскрыта. Пока идёт ощупывание мистического (в смысле туманной неясности) пространства смыслов. Важнейший процесс — поиск и создание мифа — уже идёт. Обретение этой сущностью своей плоти: той, которая будет выражать Русскую Мечту и быть способной к сопряжениям во внешнем (и внутреннем) мире, — должно пройти несколько стадий метаморфоза, от личинки до бабочки. Личинка вроде бы есть. Пора строить куколку: политический конструкт «Русская Мечта», брахманизировать его, объединять его носителей и накрывать на стол в гостиную, куда можно будет приглашать китайских брахманов для разговора по существу. Изборский клуб может стать такой гостиной, если захочет.

Дмитрий КОСЫРЕВ,
писатель, востоковед,
политический
обозреватель РИА
«Новости»:

— Уважаемые коллеги, очень благодарен вам за приглаше-

ние участвовать в этой дискуссии, но подозреваю, что моё выступление не впишется в её тематику. Потому что я хотел предложить вам неожиданный угол зрения на отношения Китая и России. Я постоянно пытаюсь с этим углом зрения куда-то вылезти и постоянно сталкиваюсь с тем, что меня не слышат и, самое главное, даже не хотят слышать. Если мы рассматриваем «глобальный треугольник» XXI века, то отношения РФ и КНР с США выглядят как нечто постороннее, внешнее, мешающее и противное. Дело в том, что мы ещё мысленно не вышли из эпохи 50-х годов прошлого века, когда отношения между нашими странами действительно были двусторонними. А как они теперь выглядят на площадках третьих стран? Что происходит там, если встречаются русский с китайцем? Например, в бывших со-

юзных республиках Средней Азии? В начале 2000-х годов в Пекине царило общее убеждение, что русские им там особо не нужны, и с ними можно не считаться: «Было ваше — стало наше». И только после «тюльпановой революции» 2005 года тон несколько изменился: стало понятно, что там без России всё может стать не китайским, а американским. И в итоге это выглядит так, что мы своей военно-политической мощью прикрываем китайскую торгово-экономическую экспансию — в надежде, что эта помощь будет учтена при сделках с Пекином по нефти и газу. То же самое происходит на Ближнем Востоке, и то же самое начинает происходить в Африке и в Латинской Америке. И во всём мире Россию начинают воспринимать уже как наёмника КНР, как зависимую от Пекина или ассоциированную

с Пекином силу. И если это так, то данную схему надо отработать и формализовать, а если не так, то как иначе? Как должны наши компании за рубежом воспринимать китайцев: как конкурентов или как-то по-другому? Пока ответов на эти вопросы нет, а они жизненно необходимы, поскольку китайцы легко выбрасывают российских партнёров из совместных проектов, перекрывают им «кислород» на внешних рынках, и это — не какие-то отдельные эксцессы, это происходит сплошь и рядом.

Владимир ОВЧИНСКИЙ,

доктор юридических наук:

— 90 лет назад, в 1929 году, состоялся объединённый пленум ЦК и ЦКК ВКП (б), на котором обсуждался вопрос о классовой борьбе в условиях социалистического строительства. И в ходе ожесточённых дискуссий това-

риш Сталин добился утверждения тезиса о том, что по мере формирования социалистического общества классовая борьба будет неуклонно нарастать, поэтому никакого «врастания» городской и сельской буржуазии в социализм нет и быть не может. В годы хрущёвской «оттепели» под флагом критики «культ личности» этот тезис, в числе других «сталинских» тезисов, был отвергнут, а в годы горбачёвской перестройки он подавался чуть ли

не как главное сосредоточие зла, которое привело страну к репрессиям и тоталитаризму. Но нам пришлось убедиться в том, что тезис этот был абсолютно верным. Применительно к современному моменту я бы хотел сформулировать его так: по мере движения к Русской Мечте и Китайской мечте будут нарастать глобальные экономические, социальные политические и военные противоречия, которые в совокупности могут привести к новой ядерной вой-

не. К новой — потому что предыдущая состоялась 6–9 августа 1945 года. 17 сентября объединённая группа аналитиков, обслуживающая администрацию Трампа, опубликовала своё заключение, озвученное на сайте «Голоса Америки», о том, что никогда, со времён Карибского кризиса 1962 года, мир не стоял так близко к полномасштабной ядерной войне, как он стоит в наши дни. Причина — атака на нефтедобывающие и нефтеобрабатывающие объекты в Саудовской Аравии 14 сентября.

И мы все прекрасно понимаем, что если сейчас американцы нанесут «удар возмездия» по Ирану, то в случае ответа со стороны Тегерана США задействуют своё ядерное оружие. Это и будет началом глобального ядерного конфликта. Уже, в общем, известно, кто нанёс удары по нефтяным объектам в Саудовской Аравии. Это ЧВК типа Blackwater, которая сейчас называется Academi. Она с первого дня воюет в Йемене, она имеет доступ к кодам систем ПВО Саудовской Аравии, и она захватила в Йемене советские ещё «Скады» — удар был нанесён именно «Скадами», а не какими-то там дронами. Точно так же при Ельцине были сданы коды перед бомбёжкой Белграда, который прикрывали наши ЗРК.

Вопрос в том, что в этой предвоенной ситуации — а она реально предвоенная — о чём надо думать? О реализации проектов «мирного времени» или о готовности к войне?

Елена ЛАРИНА,
конфликтолог:

— Я хочу сказать о системе социального кредита или социального доверия, которая уже активно апробируется в Китае, в 30 городах. Впервые о ней

заявил в 2007 году тогдашний председатель КНР Ху Цзиньтао, и сегодня дело дошло до её внедрения на практике. В Синьцзян-Уйгурском автономном районе она ориентирована больше на наказания, а в Шанхае — больше на поощрения, но эти параметры регулируются операторами. Главное — происходит тотальный мониторинг общественного пространства, которое затем может быть перенесено и на пространство личное. Точно так же сейчас эта система касается только физических лиц, но есть перспектива включения в этот мониторинг и юридических лиц. Весь Китай уже полностью увешан видеокамерами слежения, которые постепенно будут подключаться к соответствующим серверам с программами распознавания лиц и формирования Big Data. То есть любое действие человека будет учитываться и влиять на его статус, на отношение к нему со стороны государства и общества. В этом отношении Китай уже «догнал» развитые страны Запада, а вскоре, судя по всему, их перегонит. То есть вмешательство «старшего брата» в жизнь всех и каждого выходит на уровень, по сравнению с которым знаменитые антиутопии XX века выглядят детскими «страшилками».

Александр НАГОРНЫЙ,
*политолог, заместитель
председателя Изборского
клуба:*

— Мне представляется, Михаил Геннадиевич прав в том, что экономический крен при оценках текущего состояния Китая и его перспектив на будущее не вполне оправдан. Крах Советского Союза не был связан с экономическими проблемами как таковыми. Его предопределила идеологическая установка на конвергенцию и «мирное

существование» с Западом, вытекающие отсюда политические приоритеты — и лишь затем начала рушиться экономическая система, которая и в годы брежневского «застоя», и даже во второй половине 80-х годов, в условиях горбачёвской перестройки, росла на три с лишним процента в год. В Китае много лет очень внимательно и заинтересованно изучают причины уничтожения Советского Союза, и их выводы, их точка зрения очень близки к тому, о чём я сказал.

И в идеологическом плане тезис о «социализме с китайской спецификой» по просьбе либералов уже истолкован некоторыми нашими коллегами как разновидность национал-социализма, о чём напрямую говорится в недавней статье, подписанной именем Игоря Юргенса и опубликованной в газете главного идеолога «нормализации отношений с Западом» Константина Ремчукова. Поскольку у России с Китаем сейчас стратегический союз, то «скажи мне, кто твой друг...». Понятно, что это ещё один камень в кремлёвский огород со стороны отечественной либеральной оппозиции и стоящей за ней глобальной «империи доллара». Тотальная диффамация официального Пекина при дружелюбных жестах в адрес Москвы потихоньку становятся политическим мейнстримом на Западе. Там видят, что «сломать» путинскую власть не удаётся, несмотря на все усилия, — значит, её нужно «задушить в объятиях». Поэтому стоит столько воя вокруг начала Второй мировой войны, пакта Молотова — Риббентропа, «судьбы несчастной Польши», замалчивается роль Китая в победе над государствами-агрессорами и так далее. Всё это, помимо самой России, сегодня направлено и против россий-

ско-китайского союза: мол, если вы действительно были против Гитлера, то почему сегодня являетесь союзниками тоталитарных «нацистов» из КПК?

Протестные выступления в Гонконге, система «социального рейтинга», о которой рассказывала Елена Сергеевна Ларина, — всё это, а также многое другое подвёрстывается под данную схему, давая в руки той части китайских элит, которые не согласны с политикой Си Цзиньпина, мощное идейно-политическое оружие. Социологические исследования показывают, что молодёжь КНР, особенно в «продвинутых» южных приморских провинциях, ориентируется во все не на «социализм с китайской спецификой», а на «общество потребления» и западные ценности, западную культуру. И если это так, то совершенно понятно, что американцы используют все доступные им возможности для того, чтобы не допустить подрыва Китаем глобальной долларовой экономики. То есть конфликтный потенциал по линии США — КНР будет в ближайшее время нарастать, и нарастать чрезвычайно быстро. Что, несомненно, требует соответствующих решений со стороны России.

Юрий ТАВРОВСКИЙ:

— Уважаемые коллеги! Подводя итоги нашей дискуссии, должен сказать, что в ней были затронуты и отчасти раскрыты самые разные, порой весьма неожиданные моменты как нынешней ситуации внутри КНР, так и вокруг неё, многие аспекты российско-китайских отношений в их взаимосвязи. Не со всеми выступлениями лично я могу согласиться, но задел для дальнейшей работы над сопряжением Русской Мечты с Китайской мечтой получился интересным и многообещающим.

/ Михаил ДЕЛЯГИН /

Китайский опыт для России — экономика и финансы

Стремительное возвышение Китая стало главным событием и основным содержанием мировой истории после распада Советского Союза. Увеличение масштабов экономики в 46 раз за последние 40 лет и в 35 раз за последние 30 лет стало наглядной демонстрацией торжества социалистической модели экономики (по сути, советской модели, адаптированной в соответствии с «планом Андропова» и национальной спецификой Китая) над «общепринятой» империалистической моделью, — наглядной до такой степени, что, несмотря на пропагандистское отрицание самого существования в Китае социализма, предъявленные Трампом в ходе развязанных им торговых войн требования заключались, в конечном счёте, именно в отказе от социалистического строя как основы конкурентного преимущества Китая над США.

В настоящее время Китай, ставший подлинной «мастерской мира» и потребляющий 12% мировой нефти, 13% урана, 17% пшеницы, 22% кукурузы, 23% золота, 30% риса, 46% стали, 48% меди, 49% угля, 50% никеля, 54% алюминия и 60% бетона, является Атлантом, держащим на своих плечах всю мировую экономику. Простое замедление его экономического роста с нынешних более чем 6% до 4% в год, по-видимому, станет ключевым фактором, который разрушит сложившееся глобальное финансово-хозяйственное равновесие и сорвёт человечество в Глобальную депрессию.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА «КОМАНДНЫМИ ВЫСОТАМИ»

Ключевым элементом китайских реформ и постоянной заботой руководства КНР было и остаётся сохранение жёсткого контроля за ключевыми секторами экономики — за её «командными высотами». Это, прежде всего, инфраструктура экономики и, в первую очередь, финансовая инфраструктура.

В «перестроенном» СССР негосударственные (частные) банки были созданы ещё в 1988 году, что стало важным фактором разбалансировки финансовой системы и, в конечном счёте, гибели советской цивилизации.

Китай, руководство которого тщательно изучало и изучает советский опыт (в частности, дискуссия об экономическом и политическом реформировании Китая как минимум до середины нулевых годов шла в форме дискуссии об уроках развития и разрушения Советского Союза), не повторил этой ошибки. Банковская

система, включая филиалы иностранных банков (доля которых и в середине 2010-х годов не превышала 2%), находилась под жёстким контролем, который был значительно усилен в 1997 году для защиты от азиатского финансового кризиса (который затем перекинулся на весь мир).

Первоначально банки были только государственными, затем, по мере развития рыночных отношений, было разрешено создание новых акционерных банков; сформировалась трёхуровневая банковская система, однако не только её первый (Народный банк Китая и три «политических» банка: Государственный банк развития; Банк развития сельского хозяйства; Экспортно-импортный банк), но и второй уровень (так называемая «большая четвёрка»: Промышленно-торговый банк, Стройбанк, Сельхозбанк и Банк Китая, а также трастовые, инвестиционные, лизинговые и прочие финансовые компании), — остаётся государственным. Третий уровень банковской системы (а всего в Китае более 800 банков) занимает в основном система городской и сельской кооперации, финансирующая малый и средний бизнес; она была создана для противодействия росту спекуляций.

Частные банки появились в КНР только в 2014 году, причём исключительно из-за роста кредитования небанковскими компаниями, что создало угрозу выхода долга из-под контроля; их деятельность ограничена, и они не играют значимой роли.

Помимо государственных банков управляемость экономики обеспечивают государственные корпорации, созданные в каждой из значимых отраслей. При этом они создаются как минимум парами, что обеспечивает их конкуренцию друг с другом. Существенно, что эти банки действуют в рыночной среде и должны достигать рыночных результатов, повышая свою прибыльность, однако их действия жёстко ограничены интересами общества, и они являются, прежде всего, инструментами реализации государственной стратегии, а не просто коммерческими структурами, эксплуатирующими общественные ресурсы (как происходит с большинством госкомпаний в России).

Поэтому китайские госкорпорации служат обществу, а не собственной прибыли; предоставить, что они будут вредить общественным интересам (и тем более государственной политике) ради своих прибылей, как это происходит в России (например, в части Крыма), в Китае попросту невозможно.

ПЛАНОВЫЙ ХАРАКТЕР И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СВОБОДА

Китайская экономика, как и положено социалистической экономике, носит плановый характер. Государство тщательно изучает сложившуюся ситуацию, её перспективы и тенденции, анализирует возможные направления использования имеющихся ресурсов, выбирая наиболее эффективные с точки зрения синергетического эффекта для общества в целом (а не для бюджета или тем более для отдельных корпораций).

Установленные приоритеты носят средне- и долгосрочный характер, не меняются и обеспечиваются ресурсами. Эта ответственность государства устанавливает чёткие приоритеты для бизнеса и направляет его энергию в наиболее полезное для общество русло.

Антисоциальная деловая активность, создающая проблемы развитию общества, выявляется и подавляется. При этом государство старается управлять рынком, избегая прямого вмешательства в него, что ведёт к периодическому раздуванию и схлопыванию самых разнообразных спекулятивных «пузырей» (от рынка недвижимости до рынка, например, чеснока).

Качество китайской статистики традиционно низко, и нет уверенности, что обнаруженные в пропагандистских целях показатели компенсируются наличием где-то в недрах госаппарата систематизированной реальной

информации. Поэтому управление осуществляется не по советской модели: на основе составления всеобъемлющего межотраслевого баланса, неминуемо отстающего от реальности в силу его сложности, — а на основе напряжённо выискиваемых государством всё новых (и всё чаще — косвенных) показателей и критериев, постоянно комбинируемых по-новому, в соответствии с изменением структуры экономики и общества.

Такое управление носит опережающий и гибкий характер; подобно американскому (хотя это никогда не признаётся), оно ориентировано на постоянное выявление и исправление неизбежных ошибок, а не на их недопущение и предотвращение, соответствующее европейской и в особенности немецкой культуре.

При этом, например, в научной сфере, как и во всех остальных, организована жесточайшая конкуренция. В результате большинство оригинальных прогнозов или оценок выделяются из общего ряда и в случае подтверждения их правоты или полезности практикой достигшие такого результата учёные получают существенные преимущества.

Плановая централизованная (на основе контроля за финансовой сферой) экономика сочетается с огромной экономической свободой. В частности, в России мало известна колоссальная свобода хозяйственных решений, которой обладают власти провинций. В федеральном

бюджете консолидируется лишь около 15% от общего объёма государственных средств (для примера: в России, с учётом внебюджетных фондов, в 2018 году этот показатель составил 45,8%, в США — около 50%); остальные финансы распределяются на региональном и местном уровнях, что является основой для самых разнообразных экспериментов. Эти эксперименты тщательно анализируются и, в случае признания их успешности, масштабируются на всю страну.

Региональная социально-экономическая политика, особенно — в части осуществления заимствований ради поддержки крупных неэффективных производств в целях сохранения рабочих мест, — часто ведёт к ухудшению макроэкономических пропорций и становится головной болью для центральных властей. Известны случаи прямого вмешательства последних в деятельность провинциальных властей; так, ради стабилизации экологической ситуации порой запрещался ввод в строй уже построенных мощностей, что вело к «омертвлению» инвестиций до нескольких миллиардов долларов.

Единство страны обеспечивается жёсткой кадровой политикой компартии, которая уравнивает социально-экономические и политические приоритеты, указывая, каких именно результатов должны добиваться провинциальные и местные власти в зависимости от общенациональных целей, при этом не навязывая каких-либо конкретных методов достижения этих результатов и всемерно поощряя эксперименты. Таким образом, обеспечивается не только энергия и дисциплинированность, но и инициатива чиновников.

В результате центральные власти имеют постоянный обширный кадровый резерв из управленцев, по-разному действующих в разных условиях, и могут подбирать их в соответствии с потребностями решения конкретных задач.

Успешная карьера руководителя в современной КНР предусматривает обязательную работу в нескольких принципиально отличающихся друг от друга по своим условиям и культуре провинциях. Только доказав свою способность эффективно решать разнородные задачи в принципиально отличающихся друг от друга условиях, чиновник может рассчитывать на высокий пост в системе власти.

При этом эффективно функционирует постоянная система обучения чиновников на всех уровнях, до членов Постоянного комитета ЦК КПК и президента Китая включительно. Специалисты в самых различных сферах знания по-

стоянно знакомят чиновников с достижениями в самых разнообразных сферах и с имеющимися проблемами; при этом до определённого уровня эта система носит жёсткий характер и включает в себя постоянные экзамены.

Процесс постоянного обучения в условиях тщательно организуемой и поддерживаемой (в том числе ради сохранения власти) экономической конкуренции обеспечивает сравнительно высокую восприимчивость системы госуправления ко всему новому и, в частности, эффективное стимулирование ею технологического прогресса.

ПРИОРИТЕТНОЕ РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Одной из ключевых проблем Китая является внутренняя неоднородность. Сама единая китайская нация, хань, существует весьма условно, так как жители разных провинций говорят на столь различающихся диалектах, что порой в прямом смысле слова не могут друг друга понять. Различия в природно-климатических условиях различных регионов колоссальна, их территориальная связность (за исключением магистральных направлений внешней торговли) на протяжении всей истории Китая была незначительной.

Поэтому ключевым приоритетом развития Китая было и остаётся формирование инфраструктуры, объединяющей страну в единое целое. Первый шаг был сделан КПК сразу после войны в сфере культуры, когда упрощение традиционных иероглифов, реформа системы образования, создание системы пропаганды создали ядро единого общественного организма

КНР. Последовательное развитие патриотизма призвано в том числе укреплять внутреннюю целостность весьма разнородного внутреннего общества.

Успешное развитие экономической и социальной инфраструктуры, в свою очередь, создаёт базу для укрепления и развития китайской идентичности, унификации условий жизни в различных регионах и качественного повышения конкурентоспособности.

В те самые годы, когда российские либералы во главе с Чубайсом эффективно и последовательно уничтожали Единую энергетическую систему России как основу её конкурентоспособности, Китай замыкал свои региональные энергосистемы в единую общенациональную сеть. Окончательно этот процесс был завершён в 2008 году досрочным пуском в эксплуатацию крупнейшей в мире по потенциальной мощности гидроэлектростанции «Три ущелья».

По мере продвижения к завершению создания Единой энергосистемы увеличивались ресурсы, направляемые на строительство единой общенациональной системы автомобильных дорог. Ответом Китая на обострение глобального экономического кризиса в 2008–2009 гг. стало доведение асфальтированной автомобильной дороги до каждого населённого пункта, включая даже небольшие деревни, и асфальтирование как минимум их центральных улиц.

Затем пришло время модернизации железных дорог, затем — строительства высокоскоростных железных дорог, протяжённость которых в Китае значительно больше, чем во всём остальном мире. С точки зрения отдельно взятой железнодорожной компании все высокоскоростные железные дороги остаются убыточными, однако они приносят значительную прибыль с точки зрения общества в целом, так как кардинально изменили экономическую географию всей страны.

Усилия по формированию современной инфраструктуры обеспечивают рост конкурентоспособности за счёт повышения связности территории и возникновения синергетического эффекта используемых производительных сил, снижения издержек и качественного роста деловой активности. Однако в условиях глобального экономического кризиса не менее важно то, что значительные инвестиции в создание и модернизацию инфраструктуры существенно повышают стабильность китайской экономики и, гарантированно обеспечивая значительный фронт работ, снижают её зависимость от внешней неустойчивой конъюнктуры.

В настоящее время усилия по развитию инфраструктуры (в том числе — по снижению экологического давления на природную среду и по созданию современной, комфортной среды обитания в городах) рассматриваются также

в качестве способа повысить устойчивость экономического развития в условиях растущей внешней неопределённости (и как предпосылка китаизации Тибета и Синцзян-Уйгурского автономного района).

Безусловно, ряд инфраструктурных проектов оказывается ошибочным, что ведёт к неэффективности инвестиций (хотя наиболее известная ошибка: строительство копии исторического центра Парижа недалеко от Шанхая, — совершена частными инвесторами), однако они обеспечивают обществу «запас прочности», поддерживают темпы его текущего развития и способствуют накоплению технологического, культурного и человеческого капитала.

СТИМУЛИРОВАНИЕ ВЫСОКОЙ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ

Китайское государство придаёт колоссальное значение неуклонному повышению эффективности социально-экономического развития, используя для этого все возможные инструменты и прилагая постоянные усилия для повышения добавленной стоимости производимой в КНР продукции.

Это проявляется во всех сферах экономической политики, но наиболее наглядно — в кредитной и налоговой.

Производство товаров с высокой добавленной стоимостью получает разнообразные налоговые льготы: начиная с того, что налог на прибыль предприятий, действующих в сфере новых и высоких технологий, составляет 15% вместо общей ставки 25%. С учётом же региональных льгот и других мер поддержки малого и среднего бизнеса налоговое бремя может снижаться до пренебрежимо низкого уровня.

Экспорт сырья из Китая долгое время облагался НДС полностью, экспорт полуфабрикатов — по половинной ставке, а экспорт готовой продукции полностью освобождался от уплаты НДС (со встраиванием Китая в глобальные технологические цепочки от НДС был освобождён весь экспорт).

Что касается кредитов, то банковская система КНР направляет средства в основном в приоритетные проекты, к числу которых, помимо инфраструктурных и социально значимых (связанных, например, с сохранением рабочих мест на крупных промышленных предприятиях), относятся высокотехнологичные и экспортные проекты. При этом, несмотря на относительно высокую, хотя в целом и снижающуюся процентную ставку (в 2012 году она

была снижена с 6,56 до 6,0%, в 2014-м — до 5,6%, в 2015-м — до 4,35%), при аккуратном обслуживании кредита он почти автоматически пролонгируется, причём банк, как правило, ещё и заинтересован в увеличении его суммы. В высокотехнологичных же сферах существуют государственные программы, позволяющие снижать стоимость заимствования для предпринимателей практически до нуля и, более того, перекладывать на государство значительную часть текущих расходов по ведению бизнеса (например, на арендную плату).

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОРЫВ: ДАННЫЕ — НОВАЯ НЕФТЬ

Весьма существенно, что плановое развитие экономики предусматривает в том числе гибкий учёт и оперативное использование постоянно возникающих, но не предусмотренных заранее синергетических эффектов: как негативных, так и позитивных.

В сфере высоких технологий Китай длительное время применял традиционную для себя стратегию «имитации, конкуренции и гонки за лидером» с его последующим обыгрыванием за счёт снижения себестоимости и создания собственных брендов (позволяющих получать всю добавленную стоимость, а не только её незначительную часть, входящую в цену полуфабриката).

Однако в 2013 году китайские интернет-компании, до того следовавшие примеру компаний американской Кремниевой долины, пошли принципиально иным путём — не специализации на отдельных функциях, а комплексной

цифровизации всей жизни на основе создания всеобъемлющей интернет-среды.

Это было вызвано более низким уровнем жизни в КНР, не позволяющим получать высокие доходы от выполнения отдельных функций, но стимулирующим работу по принципу «всё и сразу» на основе предоставления комплексных услуг. Результатом стала интеграция цифрового контента и реального мира на основе дешёвых смартфонов, объединивших доступ в интернет с функциями кредитных карточек (это качественно новое явление получило название «цифровой кошелёк») и ставших основой «интернета вещей». Последний уже протянулся от кухонь до городских магистралей через систему «умного велопроката» и проката электросамокатов, качественно повысивших мобильность горожан и изменивших саму топологию городских пространств, а главное — ставших источником качественно новых данных для обучения искусственного интеллекта.

Основой новой цифровой среды и одновременно генератором её стремительного саморазвития стало главное социальное приложение Китая *WeChat*, названное «цифровым швейцарским ножом» из-за своей универсальности: помимо общения и рекламы, оно позволяет оплачивать продукты и услуги (китайские города уже стали первой после изобретения денег безналичной средой; известна история, когда при отключении света в провинциальном универмаге в 2018 году наличные деньги среди всех посетителей оказались только у одного иностранца), записываться на приём к врачу и в целом обеспечивать почти все формы взаимодействия личности с обществом.

Развивая интернет-бизнес, китайские компании действуют в условиях жесточайшей тотальной конкуренции, основанной, среди

прочего, на тотальном копировании любых успешных решений. В результате простое выживание требует постоянного превосходства над конкурентами в масштабах производительности или хотя бы в расходах. Конкуренция не позволяет китайским компаниям, подобно американским, мириться с некачественной инфраструктурой доставки, ремонта, продвижения или рекламы: крупные структуры создают её для себя сами, влезая во все тонкости этих сложных и неблагодарных бизнесов, остальные осуществляют быстрый «естественный отбор», разрушая на соответствующих рынках всё некачественное и создавая новые рынки там, где их ещё не было.

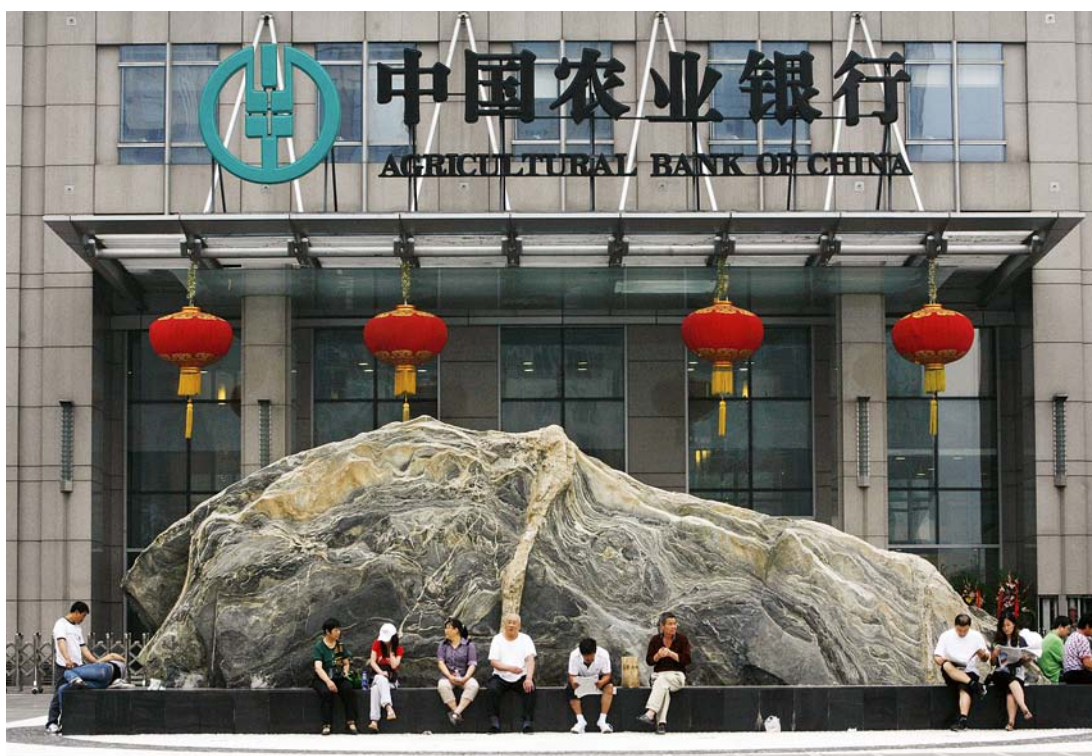
Глубокое и всестороннее проникновение китайских цифровых компаний в обеспечивающую их функционирование материальную инфраструктуру, вызывающее искреннее недоумение у американских аналитиков, обеспечивает КНР качественное превосходство над США — не только в силу более высокой развитости этой инфраструктуры, но, прежде всего, благодаря автоматическому вовлечению всех получаемых ею данных в обрабатываемые головными компаниями массивы информации.

Американские глобальные корпорации накапливают данные, связанные по преимуществу с интернет-активностью пользователей: история поисков, просмотренные материалы, лайки и комментарии. Китайские цифровые гиганты обладают тем же самым массивом данных, — но не только для значительно большего числа пользователей (ибо интернет-пользователей даже в одном континентальном Китае больше, чем в США и Европе, и уровень их вовлечённости в «жизнь онлайн» намного выше), но, что самое важное, их данные отличаются значительно более высоким качеством, так как они намного полнее: история интернет-активности дополнена почти всеобъемлющими данными об активности людей в реальном мире.

Благодаря этому Китай уже стал крупнейшим в мире производителем цифровых данных, далеко опередив США, и постоянно увеличивает этот разрыв в свою пользу.

А ведь данные за последние годы, уже на наших глазах, стали «новой нефтью»: создание глубокого машинного обучения фактически завершило эпоху экспертного знания эпохой данных, необходимых для обучения искусственного интеллекта. Специалисты отмечают, что из трёх ключевых компонентов глубокого обучения: вычислительных мощностей, талантливых специалистов и объёмов данных, —

решающую роль играют последние, причём их роль неуклонно увеличивается.

Глубокое обучение лишь обобщает и оптимизирует то, что получает из информационного сырья, то есть данных, а технологическая экосистема КНР обеспечивает не только их максимальные объёмы, но и максимальное разнообразие, причём цифровизация всё новых сфер жизни Китая стремительно увеличивает как эти объёмы, так и это разнообразие.

И этот выход на глобальное технологическое лидерство, хотя и имел названные выше объективные предпосылки, не возник сам собой, а был в значительной степени создан китайским государством.

Оно чутко и довольно быстро отреагировало на развитие интернет-бизнеса: уже в сентябре 2014 года премьер Ли Кэцян, выдвинув лозунг «Массовые инновации — массовому предпринимательству!», показал готовность правительства поддерживать стартап-экосистемы и технические инновации. Через девять месяцев после его выступления Госсовет КНР издал специальную директиву по поддержке массового предпринимательства и инноваций, призвавшую создать тысячи технологических инкубаторов, бизнес-парков и поддерживаемых государством фондов, привлекающих частный венчурный капитал. При этом технологические компании получали весомые налоговые льготы и упрощённую процедуру регистрации.

Формулирование правительством Китая новых целей каждый раз даёт старт карьерной гонке региональных и местных чиновников по всей стране, стремящихся быть замеченными и выдвинутыми благодаря наиболее быстрому, эффективному и изобретательному достижению этих целей. Поток субсидий (включая скидки на аренду) и мобильные офисы для регистрации новых бизнесов привел к созданию 6,6 тыс. бизнес-инкубаторов для стартапов: их общее количество выросло более чем в четыре раза. Появились различные модели фондов, государственными деньгами стимулирующих венчурные инвестиции.

Наиболее распространённой стала модель совместного инвестирования государства и частных инвесторов, при которой, в случае успеха стартапа, бывшего объектом вложения средств, 90% прибыли от государственных инвестиций распределяются среди частных инвесторов, обеспечивая им дополнительную прибыль. Это создаёт для частных инвесторов стимул финансировать фонды и отрасли, являющиеся приоритетом региональных и местных властей.

Это привело к подлинному взрыву инноваций; так, только на его раннем этапе и только в части инвестиций указанных фондов общая капитализация выросла с 7 млрд долл. в 2013 г. до 27 млрд в 2015 г. Естественно, это способствовало увеличению и частного венчурного

финансирования. Страну охватило ощущение, что любой хваткий и предприимчивый человек с опытом работы, профессиональными знаниями и новой идеей может без особого труда найти финансирование для запуска своего проекта. Китай достиг положения наиболее передовых регионов и сфер Запада, где дефицитом являются исключительно идеи развития, а деньги под свежую и стоящую идею находятся практически в автоматическом режиме.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЗАДАЧ

На протяжении всей своей истории Китай традиционно был страной массовой безысходной бедности, балансирующей на грани чудовищной нищеты. Обеспечение всему населению страны скудного питания не реже одного раза в день было по-настоящему выдающимся достижением коммунистов; двухразовое питание было обеспечено лишь в начале XXI века.

Численность кочующих по стране в поисках работы людей, перебивающихся сезонными и случайными заработками (так называемого «текучего населения»), несмотря на неуклонное снижение, ещё в 2018 г. оценивалась в 240 млн чел. — почти вдвое больше всего населения России!

Китайское руководство понимало, что для искоренения нищеты и создания для людей человеческих условий существования необходимо сначала развить экономику. Поэтому решение социальных задач шло поэтапно и носило опережающий характер только в части создания современных производительных сил (в сфере культуры и образования, а затем здравоохранения).

Экономическое развитие создало благоприятные условия в крупных городах, в результате чего туда начался стремительный переток населения, что сопровождалось чудовищным обострением социальных проблем. В то же время многие деревни превратились не просто в города, а в мегаполисы. В результате доля городского населения выросла с 18% в начале экономических реформ до 61% в настоящее время.

Китайские власти не допустили создания в городах трущоб, характерных для стран третьего мира (особенно на этапе индустриализации), и целенаправленными усилиями ликвидировали старые.

Система социального обеспечения постепенно расширялась по всей стране. Так, перво-

начально пенсии получали лишь чиновники, военные и работники крупных промышленных предприятий. Затем пенсионное обеспечение было расширено на бюджетников, а к настоящему времени пенсии получают и крестьяне.

Такой же поэтапностью отличалось и решение всех социальных задач. Сначала в центре внимания была борьба с безработицей, являющаяся частью программы развития экономики; затем пришло время гарантирования минимальной зарплаты и её последовательного повышения — так что в 2015 году средняя зарплата по Китаю стала выше российской.

Уже в 2010 году доля людей с доходами ниже прожиточного минимума (то есть нищих, лишённых возможности поддерживать свой организм даже на сугубо физиологическом уровне и потому медленно умирающих) была снижена до тогдашнего российского уровня и составляла около 10%. К настоящему времени в нашей стране доля нищих уверенно превышает 13%, и государство не предпринимает никаких значимых усилий для её существенного снижения; в Китае же борьба с бедностью провозглашена национальной задачей, которой подчинены огромные государственные усилия, и с нищетой в целом покончено (доля нищих была снижена до 3% в 2017 году, а сейчас их менее 1%).

Вслед за ликвидацией нищеты общенациональной задачей стала ликвидация бедности; первоначально эту цель — материальную основу задачи построения «общества средней зажиточности (сяокан)» — предполагалось достичь к 2049 году (к 100-летию со дня образования КНР), однако реальные темпы роста экономики позволяют рассчитывать на её достижение к 2035 году, который всё чаще воспринимается в Китае как новый, промежуточный рубеж долгосрочного планирования.

Стоит отметить, что в КНР, как и во всем мире (кроме России), подоходный налог носит выраженный прогрессивный характер, что способствует производительному использованию сверхдоходов и является одним из проявлений социального характера государства. Так, ставка подоходного налога колеблется от 3% (на доходы до 1500 юаней — примерно 210 долл. в месяц) до 45% (на доходы свыше 80 тыс. юаней — примерно 11 200 долл. в месяц). Налог на доходы физических лиц от индивидуальной предпринимательской деятельности в сфере торговли и промышленности колеблется от 5% (на доход менее 1250 юаней в месяц) до 35% (на доход свыше 8333 юаня в месяц).

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ КИТАЙСКОЙ НАЦИИ

Плановый характер развития распространяется не только на экономическую, но и на социальную сферу, понимаемую в широком смысле этого слова. Так, в Китае принята программа кардинального улучшения качества питания людей (в первую очередь — детей) не просто для улучшения их здоровья, но для существенно увеличения их роста и повышения мышечной массы, — и она уже приносит плоды: средний рост китайцев увеличился на несколько сантиметров. Стоит напомнить, что в КНДР и в России в 90-е годы из-за плохого питания произошло, напротив, уменьшение среднего роста людей.

Китайское руководство сознаёт не только позитивные, но и негативные стороны китайской культуры. Великолепно используя способности нации к копированию и улучшению, оно прилагает колоссальные усилия для высвобождения творческого потенциала, подавляемого жёстким коллективизмом, свойственным традиционно «ирригационной» культуре.

Для этого с начала нулевых годов и до самого последнего времени в Китае активно привлекались носители творческого начала с Запада во всех его проявлениях, которые энергично использовались как для обучения китайской молодёжи, так и для неявного изучения. Под неформальным лозунгом «Воспитаем поколение гениев!» преобразовывались программы школьного и внешкольного обучения, проводились разнообразные и разнонаправленные эксперименты.

Прорывного результата здесь, стоит признать, не достигнуто, и нет уверенности, что та-

кой результат может быть достигнут в принципе, — однако усилия в данном направлении прилагаются немалые и, несмотря на искоренение нелегальной занятости иностранцев, будут всё более разнообразно прилагаться и впредь.

Наиболее значимой программой преобразования человека является вызвавшая подлинную истерику на Западе система социального кредита (при которой поведение личности автоматически и комплексно оценивается на основе большого количества прямых и косвенных данных). Китай применил достижения современных информационных технологий и экономики данных для создания системы всеобъемлющего мониторинга и эффективного поощрения добросовестного и солидарного поведения.

Внутренней ловушкой этой системы представляется как раз неизбежное подавление прорывного творчества, которое по самой своей природе является нарушением существующих норм и правил. Таким образом, система социального кредита вступает в очевидное противоречие со стремлением руководства Китая привить китайскому обществу необходимую в современных условиях способность к продуцированию принципиально нового знания.

Возможным выходом здесь может оказаться традиционное для (исторического, а не только реформистского) Китая территориальное разделение, при котором из общей территории, всё более жёстко контролируемой системами социального кредита, будут выделены районы экспериментального, инновационного развития, где будет поощряться творчество и будет отменён контроль за повседневной добропорядочностью.

/ Александр ДУГИН /

Китай и Россия: горизонты многополярного мира

На наших глазах происходит изменение структуры мира: от однополярности, преобладавшей после конца СССР, — к многополярности. Многополярность становится всё более очевидной, однако о том, что «точка невозврата» пройдена и мы живём уже в многополярном мире, со всей строгостью утверждать всё-таки преждевременно. Быть может, мы поймём, что эта «точка невозврата» была пройдена в какой-то момент, лишь постфактум, спустя какое-то время. Часто осмысление событий происходит с определённой задержкой. Но мы явно находимся внутри фазового перехода: однополярность совершенно очевидно разлагается, и из-под остатков съживающейся американской гегемонии всё отчетливее проступают черты нового многополярного миропорядка.

Важнейшим моментом в этом процессе стало восстановление Россией при Путине регионального суверенитета, что выразилось в укреплении центральной власти в самой РФ, а также в активизации позиции России на постсоветском пространстве (особенно — воссоединение с Крымом весной 2014 года) и за его пределами (введение войск в Сирию осенью 2015 года). Другим фактором развёртывания многополярности стал впечатляющий рост китайской экономики, вышедшей по ряду параметров на второе, а в некоторых случаях — и на первое место в мире. Заявление России и Китая о своём реальном, а не просто номинальном, геополитически и стратегически обоснованном суверенитете вызвало сильную реакцию со стороны Запада, что выразилось в антироссийских санкциях и в торговой войне США с Китаем. Но такая реакция не оказала решающего разрушительного влияния, на что надеялись сторонники сохранения западной гегемонии любой ценой, а это значит, что Россия и Китай уже представляют собой самостоятельные полюса.

Отныне «быть или не быть» многополярному миру зависит от того, смогут ли Россия и Китай действовать сообща в основных принципиальных вопросах внешней политики — например, в совмещении проектов «Один пояс, один путь» и евразийской стратегии России, о чём Путин откровенно сказал на заседании Валдайского клуба, посвящённом повороту России лицом к Востоку. Конечно, многополярность не исчерпывается Китаем и Россией, полюсов должно быть явно больше, чем три (включая Запад), но момент необратимости наступит тогда, когда их будет хотя бы три,

потому что если Китай и Россия по отдельности всё же уступают по общему диспозитиву могущества США, то вместе они уже сейчас способны представлять для США серьёзную и основательную альтернативу. Экономическое могущество Китая, опирающееся на широкую экономическую интеграцию Азии вдоль сухопутных и морских путей (проект «Один пояс, один путь»), уже доказало свою состоятельность в ходе торговой войны, а успехи России в области вооружений и эффективные стратегические операции на постсоветском пространстве и Ближнем Востоке показали, что в мире уже есть военно-политический полюс, способный, при определённых обстоятельствах, уравновесить или сорвать единые планы Запада.

ТЕОРИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Исходя из вышеизложенного самое время обратиться несколько более внимательно к теории многополярного мира, который создаётся на наших глазах и где Китаю и Россию отведена ключевая роль — по крайней мере на первом этапе.

Согласно теории многополярного мира, в международных отношениях *главным актором являются цивилизации, а не государства*. Цивилизациям соответствует принцип *большого пространства* (Grossraum). Большое пространство — весьма условно и не связано жёстко с политической территорией. Большое пространство — это зона, в которой преобладает гегемония той или иной страны, но которая шире, чем эта страна. Например, в большое пространство Северной Америки входит Канада и в значительной степени Мексика; другой пример — Европейский союз, в который входят разные национальные государства, а «зона гегемонии» распространяется на близлежащие страны. Цивилизация — это не только культура. Это культура + большое пространство.

В данном контексте возникает вопрос о самом понятии границ цивилизации — их нельзя рассматривать как границы национальных государств. Они не могут быть строго демаркированы, поскольку цивилизация — это живой организм. Границы между цивилизациями возможны как полосы, но не линии. В полосу могут входить целые государства, при этом должны быть обговорены статусы (в том числе правовые) переходных регионов, где происходят суперпозиции цивилизаций, где зоны

МНОГОПОЛЯРНОСТЬ	VS	ОДНОПОЛЯРНОСТЬ
плюрализм	vs	универсализм
традиция	vs	либеральный постмодернизм
дружба (Win-Win)	vs	конкуренция
солидарность и благо для всех	vs	индивидуализм
равноправие	vs	гегемония
инклюзивность	vs	эксклюзивность

Таблица 1.

Отражение пар противоположностей обобщённых ценностей
многополярного и однополярного мировоззрения

влияния накладываются друг на друга. Такие зоны могут быть цивилизационными кондоминиумами (таким кондоминиумом при иных обстоятельствах могла бы стать Украина).

Подобное определение цивилизации порождает понятие «полюс». Полюс многополярного мира — это цивилизация + большое пространство (то есть культурное единство, привязанное к определённому территориальному признаку). Полюс — это культура + могущество. Полюс — это идентичность (культурная самобытность) + суверенитет (способность защитить самобытность).

Почему главным актором является цивилизация, а не государство? Потому что государство — это то, что зафиксировано сегодня в строгих национальных границах, которые могли быть другими вчера и могут стать иными завтра. Цивилизация может расширяться и сужаться. Цивилизация — это потенциальное поле интеграции, связанное историей, культурой, часто религией или народом. При этом в разных цивилизациях связывающим элементом может выступать нечто различное: где-то преобладает история, где-то — религия, где-то — этническая близость, где-то — «сумма технологий», а в ряде случаев — сочетания нескольких или даже всех факторов.

В многополярном мире отношения строятся именно между полюсами, а не между государствами, которые объединяются в цивилизационные группы. При этом они вполне могут сохранять политический суверенитет. Более того, в процессе объединения в общий сверхгосударственный полюс государства только и способны по-настоящему обосновать и защитить свой суверенитет, так как по отдельности они вынуждены оставаться зоной противостояния тех сил, которые уже смогли стать полноценным полюсом.

Таким образом, теория многополярного мира предполагает совершенно новый миропорядок, отчасти предвиденный Самуилом Хантингтоном, чьи идеи повлияли на всю современную политическую мысль. Однако обычно в тезисе Хантингтона «о столкновении цивилизаций» принято обращать внимание на первое слово «столкновение», исходя именно из этого катастрофического оттенка. Это следствие игнорирования теории международных отношений, поскольку Хантингтон принадлежит к школе реалистов, для которых допущение возможности войны и столкновения является необходимой стороной понятия суверенитета и ещё одного классического для этой школы концепта — «хаоса в международных отношениях», вытекающего из отказа признавать какую бы то ни было легитимную властную инстанцию, располагающуюся над национальными государствами (здесь — главное отличие реализма и либерализма в международных отношениях). Но основой концепции Хантингтона является не допущение или прогнозирование «столкновений», а изменение актора международных отношений: от государства к цивилизации. Поэтому в тезисе Хантингтона ударение должно быть поставлено на слово «цивилизация».

Вопреки Хантингтону, другой американский эксперт Фрэнсис Фукуяма считал, что после конца двухполярного мира должен наступить не многополярный, а бесполюсный мир, конец истории. Хантингтон же полагал, что произойдёт не просто возврат к Вестфальской системе, но появление цивилизаций как главных полюсов мировой политики. В этом и состоит суть теории многополярного мира: после однополярности постепенно проявляются новые акторы — цивилизации, объединённые в большие пространства.

ПОЛЮСА: 4+

Именно в контексте теории многополярного мира и следует интерпретировать роль и место современного Китая. Если принять за основу то, что многополярный мир уже существует, то мы видим в нём уже три готовых полюса — три больших пространства.

Североамериканский полюс. В данном случае при переходе от однополярного мира к многополярному вопрос сводится к тому, чтобы глобальную гегемонию перевести в гегемонию локальную. Тезис Трампа «сделать Америку снова великой» означает оставить всех в покое и заняться собой.

Евразийский (российский) полюс. Россия рассматривается здесь не как страна, а как цивилизация, а евразийская интеграция предполагает вовлечение других государств в большое пространство. Сегодня это и происходит. С Путиным Россия переходит в состояние цивилизационного полюса как православная цивилизация с традиционными ценностями, суверенитетом, интегрирующая другие страны.

Китайский полюс. Можно утверждать, что он в настоящее время уже вполне оформился. Китай представляет собой вторую экономику мира, со своей зоной гегемонии, с суверенитетом и идентичностью, идеей и могуществом. Все признаки полюса у Китая уже есть.

Ближе всего к статусу ещё одного полюса подошёл Евросоюз.

Евросоюз имеет шансы на то, чтобы стать четвёртым полюсом многополярного мира. В таком случае, цивилизационная граница Европы должна проходить по Атлантике, а сама Европа должна получить не только экономическую и финансовую автономию, но и создать собственную европейскую армию, что неоднократно было заявлено Макроном и Меркель.

На очереди и другие потенциальные полюса. Если многополярность будет зафиксирована, а американское господство будет помещено в рамки своего региона, появляется шанс для других цивилизаций. Самым вероятным претендентом становится резко нарастившая своё могущество Индия, которая при Моди всё больше подчёркивает свою цивилизационную самобытность. На своём особом и резко отличающемся от западного мировоззрении настаивает исламский мир, где ясно определились несколько возможных лидеров: Иран, Турция и Саудовская Аравия, — которые претендуют на то, чтобы стать центрами исламской геополитики. В пределе можно предположить

континентальную интеграцию Латинской Америки и Африканского континента.

ЦЕННОСТИ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

Многополярность строится не только на утверждении геополитических полюсов, но и на отстаивании системы ценностей, отличных от тех, которые либеральный Запад пытается навязать всем в качестве универсальных. Так, оппозиция между однополярностью и многополярностью переходит на новый мировоззренческий уровень.

Можно предварительно и обобщённо описать эти ценности в виде таблицы, отражающей пары противоположностей (таблица 1).

Очевидно, этот список можно продолжить, а также уточнить и разъяснить каждый термин, но в целом изначально общая картина достаточно ясна. Однополярный мир строится на принципе универсальности западной цивилизации как единого образца для всего остального человечества. Либерально-капиталистический комплекс идей возводится в абсолют, не допуская возражений. Многополярность, напротив, признаёт, допускает и даже позитивно оценивает различия, не отрицая Запад, но и не признавая его претензий на то, чтобы являться мерой всех вещей и единственным источником нормативов.

КИТАЙ И РОССИЯ — ДВЕ ПОДНЕБЕСНЫЕ

Россия как Евразия — срединное поднебесное пространство. Славянофил Владимир Ламанский называл это «*срединным пространством*»: на территории Евразии есть западный мир (Европа), есть азиатский и есть срединное пространство (Россия). Таким образом, местоположение российских территорий в Евразии во многом предопределяет и характер русской цивилизации как цивилизации евразийской.

Россия, как и Китай, в древности называлась «Поднебесной». Это соответствует китайскому термину Тянься (天下) и соответствующей ему теории о том, что Китай занимает именно «срединное» положение в мире.

В евразийской оптике Россия — не часть Запада ни исторически, ни идеологически (религия, консервативное общество и пр.), но именно самостоятельная цивилизация, со своими ценностями, традициями, со своей идентичностью и своей судьбой. Именно это со всей прямотой постоянно фиксирует президент РФ В. Путин.

Любопытно, что у России и Китая были периоды, когда они были частью одного государства — в Китае это называется эпохой династии Юань, у нас — владычеством Золотой Орды. Это государство не было ни славянским, ни азиатским. Оно было *туранским*. Туран — это самостоятельный концепт, географически соответствующий территории северо-восточной Евразии, где традиционно доминировали

кочевые цивилизации: вначале — индоевропейские, затем — алтайские. Современная Россия является прямым наследником Турана.

Китай, в свою очередь, также не только страна, но и цивилизация. На этом и строится теория Тянься (天下), в которой Китай мыслится как центр цивилизационного поля, в котором находятся многие соседние государства. Тянься, собственно, и есть цивилизация и полюс, большое пространство в его китайской версии.

Вместе с тем теория Тянься провозглашает сбалансированный инклюзивный порядок, основанный не столько на силовой доминанции, сколько на этическом превосходстве и культурной привлекательности. Важнейшим элементом китайского могущества является культура, этика, иероглифическая письменность, конфуцианская философия.

И сегодня Китай представляет собой полюс, организующий вокруг себя значительное пространство Юго-Восточной Азии в целом.

Китай как Поднебесная, как «Срединное царство» вместе с тем есть *робкая гегемония*. В своё время китайский лидер Дэн Сяопин предложил скрывать успехи Китая. Это была своего рода «военная хитрость», призванная избежать прямого столкновения с Западом. Китай долго колебался: нужно ли представлять себя в качестве полюса, обнаруживать своё интегральное измерение. Одна из двух Поднебесных старательно скрывала свои амбиции. Но дальше утаивать это не получается. Сейчас

в Китае налицо важнейший переходный момент, сопровождающийся и определёнными политическими реформами.

Особенно ясно могущество Китая обозначилось в ходе идущей в настоящее время торговой войны с США. Китай оказался не настолько уязвим, как рассчитывал Трамп, и с успехом выдерживает американское давление. Значит, Китай как Поднебесная, Тьянься — уже полноценный самостоятельный полюс многополярного мира.

В китайской политической науке есть два важных термина: «ван дао» (王道), и «ба дао» (霸道). Первое означает управление, основанное на духовном, моральном и культурном авторитете. Здесь огромную роль играет этика. В этом и состоял смысл Поднебесной: Китай не столько захватывал, покорял и подчинял себе соседние народы, сколько привлекал их своим примером, своим стилем, своей цивилизацией, «втягивал» их в себя. «Ба дао» — это жёсткое силовое давление, гегемония. Конечно, исторически Китай использовал оба этих способа, но сущность конфуцианской этики состоит в «ван дао». Именно цивилизация стала источником величия Китая.

Это вполне созвучно и России/Евразии. Русские тоже строили свою Империю не столько силой, но, в первую очередь, дружбой, открытостью, привлекая народы своим духом и своей культурой. Это не только историческое замечание, но и проект будущего. Следует положить в основу многополярного мира цивилизацию именно как «ван дао», то есть нечто инклюзивное, бережно учитывающее идентичность другого. Это значит, что мы не стремимся сделать других такими же, как мы, что мы принимаем их такими, какие они есть, и ценим их именно в этом качестве. Только так можно стать «Империей Середины».

ЛОВУШКА ФУКИДИДА

Два ярко обозначенных полюса альтернативного миропорядка: Китай Си Цзиньпина и Россия Путина, — рискуют вступить в прямой конфликт с Западом, когда холодная и торговая войны перерастут в полноценное масштабное столкновение. Этот сценарий описал американский эксперт Грэм Эллисон, назвав его «ловушкой Фукидида». Смысл этого концепта в том, что, когда рост державы становится слишком стремительным, война с ней того, кто ранее претендовал на роль гегемона, оказывается неизбежной. Именно такую ситуацию

описывал древнегреческий историк Фукидид, описывая отношения Афин и Спарты.

Эллисон имел в виду, прежде всего, нарастающий системный конфликт между Китаем и США, но в полной мере это относится также и к России. Китай бросает вызов «однополярному миру» Pax Americana в сфере экономики, Россия — в сфере военной стратегии и природных ресурсов. Таким образом, Запад сегодня оказывает давление на Россию именно потому, что она претендует на статус полюса и тем самым объективно — хотя даже, возможно, не желая этого, — бросает вызов глобальной гегемонии, заставляет слабеть объём и режим американского контроля. За что и объявляется «врагом» для всего мира вообще и для «открытого общества» в частности. Во всех стратегических документах США содержится пункт о том, что нельзя допускать возникновения на территории Евразии государства с собственным суверенитетом, способным ограничить американские интересы. Поэтому ни один американский эксперт не готов признать Россию полюсом. Такое признание было бы равнозначно согласию с многополярным миром, то есть с утратой единоличной гегемонии США. Это и есть основа трений между Россией и Западом, который лишь прикрывается тем или иным предлогом. Запад не может допустить полноты геополитического суверенитета России. Это фактически и есть война.

То же самое справедливо и в отношении Китая. Китай виноват лишь в том, что он достиг в своём росте впечатляющих результатов, используя открывшиеся в рамках глобализации возможности для продвижения своих интересов, но сохранив при этом власть в руках централизованной и независимой от каких-либо внешних полюсов политической силы — КПК. Тем самым Китай нарушил правила глобализации: интеграция в мировую экономику должна оплачиваться отказом от политического суверенитета, то есть от статуса самобытной и независимой цивилизации. Это объясняет торговую войну с США.

Итак, ловушка Фукидида налицо. Но кто будет её жертвой? Россия и Китай? Или сам Запад?

Здесь практически всё зависит от того, удастся ли сделать прочным и нерушимым китайско-российский альянс. Если удастся, то российская военно-стратегическая мощь в сочетании с китайской экономикой будут способны дать отпор любым попыткам прямого силового давления и тем самым све-

Вывод: Россия и Китай должны заключить стратегический союз

- Россия и Китай не соперники и тем более не враги.
- Все проблемы носят технический характер.
- У нас нет пересекающихся интересов.
- Вместо однополярного миропорядка надо установить не двухполярный (не важно с Россией или Китаем как вторым полюсом), но именно многополярный.
- Действуя вместе, можно надёжно обеспечить и суверенитет, и идентичность обеих цивилизаций

сти к минимуму риск третьей мировой войны. Но по отдельности Запад ещё способен в какой-то мере нанести каждой из стран серьёзный ущерб, предотвратив окончательное становление их в качестве полюсов многополярного миропорядка.

КИТАЙ: ОТ РОБКОГО ГЕГЕМОНА К ПОЛЮСУ

В 1980-е годы США хотели разыграть китайскую карту против СССР. В терминах геополитики это была классическая битва морского могущества (Sea Power) против сухопутного (Land Power) за контроль над береговой зоной Евразии — битва за Rimland. Тогда Запад, следуя планам Трёхсторонней комиссии, оказал определённую поддержку реформам в Китае, поставив условие: если китайцы примут капиталистическую форму производства, они станут полноправной частью западного мира (как Япония после войны), в то время как Россия будет изолирована. Но Китай не стал пешкой в чужой игре, а воспользовался глобализацией в своих интересах. В этом помог не просто гений Дэн Сяопина, но сама китайская культура, гибкая и инклюзивная. Китай вступил в глобальную экономику, согласившись с её правилами, но не отказался от политического суверенитета, не уступил давлению «цветной революции», кульминацией которой были события на площади Тяньаньмэнь. Тем самым Китай поставил границы, за которые китайская перестройка заходить не должна была.

Горбачёв в СССР поступил иначе, демонтировав власть единственного политического института, обеспечивавшего к концу 1980-х единство страны — компартии. Так, Китай получил от глобализации существенные плюсы,

предотвратив издержки (в виде либеральной демократии), а СССР рухнул, при этом так и не получив выгоды из безобразно проведённых «рыночных реформ». В ходе перестройки СССР утратил свой суверенитет, свою идентичность и порядок, а затем рухнуло и собственно государство. В Китае же КПК сумела сохранить все эти составляющие, при этом укрепив экономику в своих интересах. Важно, однако, что Китай действовал чрезвычайно аккуратно, как робкий гегемон, тщательно скрывая свои далеко идущие планы и внешне прилежно следуя указаниям либеральных учителей с Запада.

Эпоха робкой гегемонии закончилась на избрании Си Цзиньпина главой КПК и КНР в 2012–2013 гг. Сопровождавшие это избрание реформы создавали новую правовую структуру для китайского будущего. Проект этого будущего в форме концепции Китайской мечты стал частью программы партии и государства.

Китаю больше не удастся скрывать своего могущества. Китай обозначен как полюс многополярного мира — следовательно, он оказывается в положении антагониста однополярного миропорядка. Си Цзиньпин во главе КПК, сосредоточив в своих руках многие рычаги власти, фактически готов к выходу из состояния «робости», открыто готовясь отразить любое давление агонизирующей однополярности.

Ещё до начала полноценной торговой войны между Китаем и США произошло знаковое событие — арест в Канаде финдиректора Huawei Мэн Ваньчжоу, дочери основателя и главы этой компании Жэнь Чжэнфэя. Некоторые эксперты интерпретировали это как результат заговора «пяти глаз» (Five eyes), то есть спецслужб США, Великобритании, Канады, Австралии и Новой Зеландии против Трампа.

Но это упрощение: 45-й президент США видит в Китае главную для себя проблему и сам охотно идёт на обострение. Дело здесь не только в Трампе и его идеях, которые в целом носят реалистский характер, с добавлением его к исламскому миру (прежде всего — к Ирану). Дело в том, что Китай входит в системное противоречие с Западом, поскольку он исчерпал все возможности экономической глобализации и постепенно стал самостоятельным полюсом.

Китай готовит политическую систему страны к тому, чтобы выдержать любой уровень конфронтации. По сути, сегодня полным ходом идёт строительство Великого Китая, Тьянся. В этом и состоит смысл ловушки Фукидида: в неё попадают те, кто становится слишком успешным и сильным. Но и здесь возможен выход, с опорой на стратегию Суньцзы: если более слабое, но всё равно достаточно сильное по сравнению с соперником государство или княжество не может рассчитывать на успех в прямой конфронтации, становящейся всё более неизбежной по мере роста его могущества, — необходимо заключить правильный союз. В рамках теории многополярности совершенно очевидно, с кем такой союз можно и нужно заключать — с Россией.

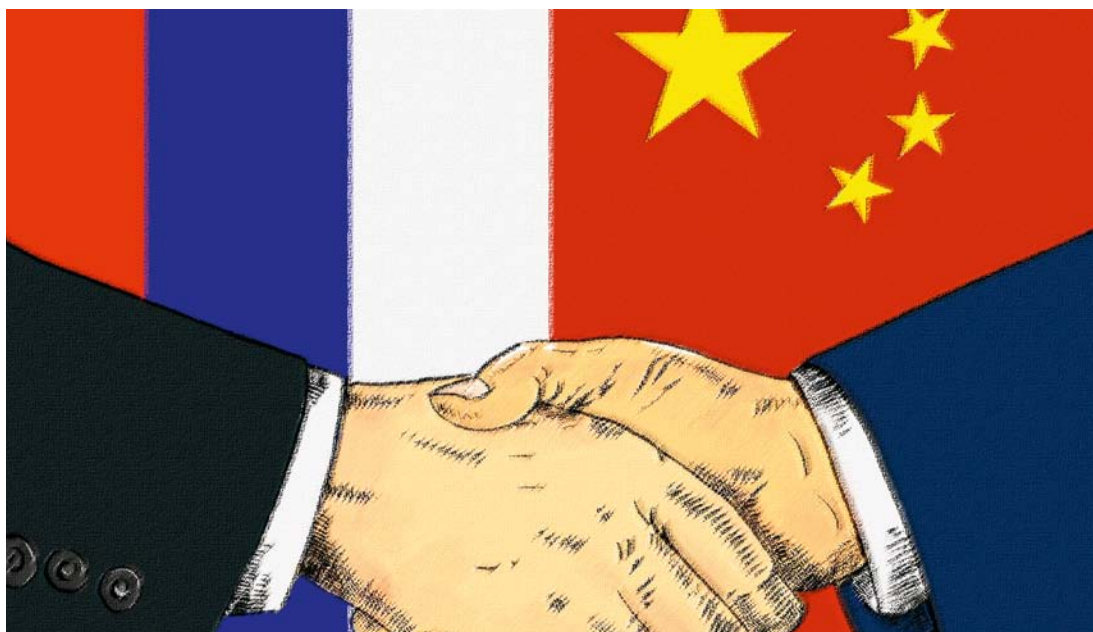
АЛЬЯНС РОССИИ И КИТАЯ

На уровне геополитики такой союз мог бы строиться на принципе «распределённого Хартлэнда». Классическая геополитика рассматривала глобальный баланс сил как противостояние континентальной Евразии (Land

Power), представленной Россией, и атлантизма (Sea Power), представленного современным Западом, прежде всего — США. Но при переходе к многополярности Россия не может в одиночку эффективно противостоять Западу — это не удалось даже СССР. Следовательно, для сохранения своего геополитического суверенитета России жизненно необходимо распределить Хартлэнд, делегировать свою миссию другим потенциальным или реальным полюсам. Наиболее насущным и важным является распределение Хартлэнда в пользу Китая.

В этом случае Россия и Китай смогли бы создать стратегическое партнёрство, осознав себя главными носителями многополярного мира, противостоящего однополярному, в основе которого лежит геополитическая доминация атлантизма (Sea Power). Так Китай перестаёт быть «береговой зоной» и превращается в самостоятельный Хартлэнд — китайский Хартлэнд.

Отсюда вытекает императив построения *единого континентального пространства*, к которому примкнут другие страны: как находящиеся в орбите влияния КНР и РФ, так и полностью самостоятельные. В результате мы подходим к проекту Большой Евразии, о котором говорил президент России Владимир Путин. Прообразом такого проекта является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). При этом естественный вектор расширения — дальнейшее развитие сотрудничества и с Индией, и с Японией (которые пока уклоняются и от евразийской интеграции, и от проекта «Один пояс, один путь»), и с исламскими странами, ряд которых открыт для Большой

Евразии, с удовольствием поддерживая курс на многополярность (таковы Иран, Турция, Пакистан и ряд арабских государств).

Теория распределённого Хартлэнда позволяет переосмыслить многие моменты в самом положении России. Сегодня Россия слишком слаба, чтобы диктовать свою волю другим крупным игрокам. Демографически Индия и Китай намного сильнее, Китай многократно превосходит Россию и в сфере экономики, а активность социально-религиозного фактора исламского мира намного интенсивнее, чем православного. В этой ситуации российской гегемонии быть не может. Но это можно рассмотреть и как положительный фактор. Если Россия не может объективно претендовать на полную доминацию (что всё ещё может США, если сравнить их потенциал с отдельно взятыми странами потенциального многополярного клуба), это делает распределение Хартлэнда реальным и необратимым. Россия не может вернуться к двуполярности, а, следовательно, именно многополярность становится её судьбой. Россия слишком слаба, чтобы навязать свою волю соседям и в одиночку противостоять Западу, но она всё ещё достаточно сильна, чтобы помочь союзникам

в сохранении их стратегического суверенитета, а тем самым надёжно защитить и свою цивилизацию. Поэтому союз с Россией в контексте Большой Евразии не представляет для тех, кто его выберет, никакой опасности. Прежде всего, это касается именно Китая.

Ничто не мешает Китаю и России заключить такой *стратегический союз*.

Сегодня две эти цивилизации, два этих народа, две эти страны — явно не враги. У них нет пересекающихся интересов, они не претендуют на территории друг друга. У России главным козырем является военное могущество и ресурсы, у Китая — экономика. У нас нет спорных моментов — мы скорее гармонично дополняем друг друга.

Но, чтобы стратегический китайско-русский союз стал надёжным, мы должны учитывать следующее.

Ни Россия, ни Китай неспособны быть полноценным вторым полюсом в нынешних условиях. Поэтому следует быть крайне бдительными в тех случаях, когда те или иные силы извне и изнутри наших стран пытаются столкнуть нас друг с другом, обещая усилиться друг за счёт друга или пугая соответствующими угрозами. Россия и Китай должны действовать

вместе с полным признанием прав другого как полюса, как самостоятельной цивилизации. При этом мы должны ориентироваться на создание многополярной модели 4+, то есть способствовать потенциальным полюсам стать сильными и независимыми (в том числе и от нас самих).

Буквально у нас на глазах Китай становится всё более открытым оппонентом Запада, а давление Запада на Россию также только возрастает. Эта ситуация ещё сильнее подталкивает нас к союзу. При этом важно помнить, что такой многополярный альянс не должен быть только двусторонним; мы должны согласиться с необходимостью, продолжая логику распределённого Хартлэнда, включать в него и других партнёров.

МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР КАК ИСКУССТВО

У Китая есть своя мечта, у русских — евразийская мечта. Вместе мы можем сделать, чтобы наши мечты сбылись. Они разные, но прекрасно друг с другом гармонируют — мы хотим справедливости, покоя, традиции, суверенитета.

Мы не хотим навязывать друг другу представления о мире. Что-то мы должны взять из китайского опыта — к примеру, как гибко, тонко и результативно вести политику. Мы часто говорим о войне и экономике, но забываем об этике — а это важнейший момент. У России в этом также можно поучиться, если знать, что искать. Но сегодня сила России, прежде всего, в готовности отстаивать суверенитет любой ценой и в наличии для этого достаточного военно-стратегического и ресурсного арсенала.

Огромную роль для глобальной многополярности имеет Индия и её индийская мечта, сегодня лишь едва прорастающая в индийском обществе, так и не сумевшем до сих пор освободиться от эпохи колонизации. Индия, обладающая грандиозной духовной культурой, лишь начинает по-настоящему отдавать себе в этом отчёт и делает первые шаги в том, чтобы вернуть своим цивилизационным основам их всемирный масштаб и значение. В этом смысле исламские общества намного более активны и демонстрируют волю защищать свои традиции и свою веру. Эта исламская мечта также должна учитываться в многополярном мире — по ту сторону злобствующих карикатур, в которые используемые Западом для провока-

ционных целей экстремистские фанатические группировки пытаются превратить ислам с его бесценными сокровищами. Ислам должен стать одной из опор многополярного мира.

Искусство построения такого мира должно быть комплексным, поскольку эта модель создаётся из очень сложного и тонкого сочетания элементов. Особенно жёсткими в многополярном мире должны быть требования, предъявляемые к элите. Представлять цивилизацию и управлять ею должны гармоничные: не только с точки зрения практических навыков, но и этики, философии, эстетики, — личности. Только истинные представители своих культур смогут правильно выбрать и сочетать основы этического авторитета («ван дао», 王道) с необходимыми подчас силовыми методами («ба дао», 霸道), стараясь по возможности следовать именно высоким и духовным идеалам Традиции.

Предельно важно сегодня уйти от заcodированности нашего сознания западными либеральными моделями. Эта дань колонизации препятствует органичному развитию и становлению многополярности. Нам необходима многополярная философия, многополярная этика, многополярная культура, бережно включающие в себя всё многообразие человеческих обществ, у каждого из которых есть своя мечта. Так, следует вводить в теорию международных отношений традиции разных народов и цивилизаций. И для этого важно использовать в международном обиходе не только западные (прежде всего английские) термины и концепты, но китайские, русские, индуистские, исламские и т.д. Чем больше мы используем наши термины, тем более многополярной становятся международные отношения.

Таким образом, многополярность — это ещё и эпистемологическая проблема, проблема структурирования знаний. Представление о строительстве многополярного мира должно быть искусством, результатом теоретического и эпистемологического усилия. И в этом случае мы подберём адекватный язык, на котором каждая цивилизация сможет выразить свою собственную мечту. Но сегодня всё зависит от России и Китая. Если нам удастся превратить сближение наших цивилизаций, стран и народов в нечто большее, нежели ситуативный альянс, мы отстоим право на достойное будущее, на возможность осуществить мечту не только для китайцев и русских, но и для всего человечества.

/ Елена ЛАРИНА, Владимир ОВЧИНСКИЙ /

Между Конфуцием и Оруэллом

О китайской системе социального доверия

Правозащитники всех стран и народов в последние годы весьма озабочены SCS — реализуемой в КНР системой социального кредита (доверия). Анализ фабрики мысли ChinaFile (Гонконг — Китай, 2019) показал, что подавляющее большинство не только медийных публикаций, но и исследовательских докладов, посвящённых проблеме SCS, не понимают сути этой системы, подменяют изучение исторического контента и традиций китайской цивилизации как ментального базиса SCS ссылками на разного рода антиутопии типа «Большого брата» Д. Оруэлла, «Паноптикума» Дж. Бентама и «Номерную систему в Едином государстве» Е. Замятина.

В этой связи, прежде чем переходить к описанию SCS, её функционала, структуры и порядка развёртывания, ChinaFile предлагает остановиться на ментальном и управленческом базисе Китая, породившем SCS.

Впервые необходимость развёртывания SCS была сформулирована ещё в 2007 г. Ху Цзиньтао, занимавшим тогда пост Председателя КНР. По его инициативе был разработан первый технический план данной системы, и в том же 2007 г. были опубликованы «Некоторые замечания канцелярии Госсовета КНР о создании системы социального кредита».

В 2014 г., уже после прихода к власти Си Цзиньпина, Госсовет КНР опубликовал новый документ под названием «Программа создания системы социального кредита (2014–2020)».

Основные принципы SCS глубоко укоренены в китайском менталитете и в традициях государственного управления. Примерно

в 400 году до н.э. великий китайский реформатор Шан Ян приказал народу разделиться на группы по 5–10 семей. Они должны были наблюдать друг за другом и нести коллективную ответственность за преступления. По закону, на дверях домов должны были висеть таблички с подушевой описью семей. Об отъезде и приезде каждого человека регулярно докладывал своему начальству сотский староста. Эта система называлась «баоцзя».

Идущий уже свыше двух тысяч лет спор между последователями Шан Яна, легистами, которые выступали за управление обществом при помощи жёсткой системы поощрений и наказаний, и конфуцианцами, ратовавшими за воспитание в народе этических норм с помощью образования и личного примера властей предержащих, стал одним из главных стимулов для развития управленческой мысли в Китае.

Недавно Председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что сильное централизованное руководство партии позволило вступить в новую эру реформ и открытости, начать новый путь к великому возрождению китайской нации. На этом пути руководство партии и государства опирается на тысячелетние традиции китайской управленческой мысли и берёт всё лучшее, надёжное и проверенное в конфуцианстве, легизме и даосизме.

В своих выступлениях Си Цзиньпин говорит о том, что для достижения Китайской мечты необходимы три основных условия.

Первое. Обязательно идти по пути социализма с китайской спецификой. Китайская нация — это нация незаурядной креативности. Раз мы сумели создать великую китайскую цивилизацию, то тем более сможем продолжать и расширять путь развития, соответствующий китайским реалиям.

Второе. Необходимо возвышать единство китайского народа, основанное на доверии, китайский дух, сердцевина которого — патриотизм, а также дух эпохи, сердцевина которого — реформы и новаторство.

Третье. Необходимо объединять силы нации, которые рождаются великой сплочённостью 56 национальностей 1,4-миллиардного населения страны. Китайская мечта — это мечта всей нации и мечта каждого китайца в отдельности.

В рамках китайской традиции доверие является синонимом гармонии между человеком, общиной и государством. Гармония — это высший долг, цель и потребность китайца. Она достигается соблюдением приличий и норм общества, выполнением ритуалов, предпо-

лагающих следование традиции, и самосовершенствованием, под которым в конфуцианстве понимается «преодоление себя как отдельного, оторванного от семьи, общины и народа индивидуума, выполнение общественного долга, стремление к Китайской мечте».

Главную целевую функцию SCS Си Цзиньпин сформулировал ещё на заседании Политбюро ЦК КПК в декабре 2016 г. Тогда он сказал: «Для борьбы с острой проблемой недостатка доверия нужно крепко взяться за создание системы оценки надёжности, покрывающей всё общество. Нужно совершенствовать как механизмы поощрения законопослушных и добросовестных граждан, так и механизмы наказания тех, кто нарушает закон и утратил доверие, чтобы человек просто не осмеливался, просто не мог потерять доверие».

В ходе совещаний по вопросу разработки SCS китайские руководители неоднократно высказывались, что эта система позволяет реализовать на практике принцип «золотой середины», или «срединного пути», который выражается в следующем:

- соблюдение необходимой умеренности и неприятия двух крайностей: избытка и недостатка;
- осуждение всякой крайности и стремление к полноценной, открытой жизни, не имеющей тёмных секретов от окружающих;
- усиление справедливости, когда не чиновники или соседи, а искусственный интеллект оценивает проступки и выносит суждения, свободные от предвзятости и односторонности;
- выработка усреднённых норм и ценностей, приемлемых для широких слоёв населения;
- отказ от чрезмерной и неплодотворной регламентации всех сторон жизни общества, администрирования и зависимости простых людей от возможного произвола чиновников, не выполняющих партийные указания и не следующих курсу Китайской мечты.

Поскольку SCS является важнейшим контуром партийно-государственного управления, то программно-аппаратные решения в этой системе должны полностью соответствовать идеологии китайского менеджмента на современном историческом этапе. SCS должна в рамках партийного курса и идеологии менеджмента обеспечить:

- реализацию лежащего в основе китайского менталитета принципа «Великого Предела», предполагающего взаимопроникновение и снятие противоположностей;

- решение всех вопросов «по обстоятельствам», т.е. по конкретной ситуации на основе унифицированной для всех системы оценок;
- учёт, предполагающий, что в видимом порядке скрыт беспорядок, но в кажущейся беспорядочности, напротив, сокрыт нерушимый порядок;
- усиление базисной для поведения любого китайца взаимозависимости в отношениях между людьми друг с другом, с общиной, с партией и государством.

SCS должна способствовать реализации в конкретных современных условиях важнейшего принципа «следование обстоятельствам времени». Он предполагает, что:

- всякая практика служит совершенствованию себя (это верно как для индивидуумов, так для организаций и самой SCS);
- применение SCS будет способствовать формированию поведения граждан на основе открытости, следования ритуалам и стремления к душевному покою;
- по мере формирования у народа привычки жить в условиях SCS, это будет способствовать повышению искренности жизни и позволит людям хотя бы отчасти предвидеть ход событий и направлений собственной жизни.

Поддавляющее большинство публикаций сводит SCS к оценке поведения рядовых китайцев. Однако в выступлениях Си Цзиньпина и в нормативных документах отмечается, что создаваемая ныне система индивидуального рейтингования — только первый шаг. В перспективе рейтинговаться будут не только граждане КНР — физические лица, но и компании как юридические лица, а затем — различного рода некоммерческие и управленческие структуры и организации, а также их руководство.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ SCS

Выступая в начале 2019 года на встрече с руководителями транснациональных интернет-компаний, заместитель Председателя Центральной комиссии КПК по проведению административной реформы, Председатель Центральной комиссии КПК по руководству деятельностью в области духовной культуры, член Политбюро ЦК КПК Лю Юньшань сказал: «SCS — это базирующаяся на китайских традициях, больших данных и искусственном интеллекте система формирования гармонии, искренности и доверия, а также воспитания и обеспечения развития. SCS — это инструмент осуществления

Китайской мечты в условиях информатизации и технологического развития Китая».

Обобщая нормативные документы и выступления руководителей партии и правительства Китая по вопросам SCS и принимая во внимание оценки зарубежных исследователей, можно выделить несколько основных принципов создания и функционирования SCS.

Во-первых, это централизм. В соответствии с китайскими традициями иерархического и процедурного управления, имеющими за плечами как минимум 2500 лет непрерывного использования, SCS разрабатывалась и будет функционировать по принципу: сверху вниз — подчинённость, снизу вверх — данные. Централизованно осуществляется разработка архитектуры системы. Также по принципу «сверху вниз» будет осуществляться анализ полученных данных и принятие ключевых решений.

Во-вторых, это модульность. SCS сегодня является крупнейшей и самой сложной в мире системой мониторинга и воздействия на поведение людей. Соответственно, разработчики и будущие операторы системы приняли решение не стараться создать всю систему сразу целиком, а сконструировать её по модульному принципу. Этот принцип предусматривает достаточно высокую автономность отдельных блоков системы и возможность введения их в эксплуатацию постепенно, а при возникновении возможных проблем — осуществление доработок тех или иных блоков системы. При модульном подходе каждый элемент большой системы представляет собой своего рода законченное целое, способное выполнять те или иные полезные функции в одиночку.

В-третьих, это конкуренция. При всей централизации, китайская традиция всегда ценила разнообразие. Китай состоит из непохожих регионов и провинций с разным уровнем развития, менталитетом, информационно-технологической зрелостью и т.п. Кроме того, исторически в Китае высшие руководящие органы ставят задачу, но жёстко не регламентируют способы её выполнения. Всегда предоставляется возможность проявить инициативу. Однако во всех случаях это — не инициатива постановки цели, а инициатива способа решения поставленной задачи. Затем Центр изучает найденные решения и, как правило, выбирает одно, базовое, которое корректируется применительно к специфическим условиям отдельных регионов и провинций. Принцип конкуренции не только позволяет наиболее экономично и эффективно достигать целей, но и обеспечивает вовлече-

ние творческого потенциала нижних уровней в решение задач высших.

В-четвёртых, единая платформа. При модульности и относительной независимости блоков и компонентов системы они изначально базируются на единой платформе. Это проявляется в единстве организационных процедур, одном для всей системы языке программирования, утверждённых для всех разработчиков и операторов протоколах общения и взаимодействия и т. п. Программно-аппаратная база системы предполагает возможность поэтапного подключения тех или иных модулей. Более того, она носит открытый характер. Иными словами, мощности и возможности платформы позволяют дополнять её модулями, которые изначально не предусматривались в архитектуре платформы. И, напротив, без ущерба для функционирования исключить на том или ином этапе жизнедеятельности системы ранее функционирующие модули.

В-пятых, гибридный интеллект. В силу сложности поставленных перед SCS задач, которые должны решаться в динамичной и достаточно неопределённой обстановке, предусмотрено, что важнейшие функции будет осуществлять не искусственный, а гибридный интеллект, т. е. не автоматические, а человеко-машинные системы. В первую очередь это будет относиться к анализу сложных тенденций и к осуществлению прогнозов на основе полученной предиктивной информации. Гибридный характер системы предусматривается реализовать не только на высшем, но и на всех, вплоть до районного или городского, уровнях. В то же время применительно к рутинной работе по-

давляющее число (вплоть до 90–95% ситуаций) оценок будет выставять именно ИИ.

В-шестых, мягкие рейтинги. Ядром SCS являются социальные рейтинги. Социальный рейтинг — своего рода интегральная оценка поведения человека по критериям доброжелательности и открытости по отношению к обществу, следованию национальной традиции и приверженности реализации Китайской мечты, построения социализма с китайской спецификой. При всей важности количественных оценок разработчики системы — по крайней мере, на настоящем этапе — предполагают, что интегральные оценки гражданина, складывающиеся из числовых и нечисловых оценок, будут осуществляться в рамках шкального интервального оценивания (очень плохо, плохо, удовлетворительно, хорошо, отлично).

В-седьмых, это возможность тиражирования системы. Стремясь к созданию мира социального процветания и успешного развития при обеспечении сочетания тесного сотрудничества с уважением суверенитета других государств, руководство Китая полагает, что после отработки SCS её отдельные модули, а также упрощённые варианты системы могут продаваться или безвозмездно передаваться третьим странам для обеспечения их национального развития. Прежде всего, такая помощь будет предоставляться странам, входящим в программу «Один пояс, один путь», а также друзьям Китая в Африке и Латинской Америке.

SCS призвана реализовать триединую задачу: — укрепить доверие, повысить прозрачность и гармонизовать отношения китайских граждан друг к другу, к административным

органам на местах и предприятиях к партийному и государственному руководству. Исторически, как свидетельствуют многочисленные исследования и опросы общественного мнения, китайское общество веками было открыто и прозрачно. Эти открытость и прозрачность не столько навязывались сверху, сколько были реализованы на уровне соседских общин и городских микрорайонов, где все знали всех и жили при этом достаточно обособленно от других частей города с поправкой на городское добрососедство. Житейская повседневная прозрачность была характерна для всех, преимущественно сельскохозяйственных обществ, в Европе, Америке и даже в Африке. Слом прозрачности произошёл первоначально в 40-х, 50-х и в начале 60-х гг. в ходе ускоренной урбанизации Китая, а затем закреплён в 60–70-е гг. из-за социально-политических потрясений, способствовавших скачкообразному росту мобильности населения из-за различных неурядиц. В результате в 1980–2000 годы под воздействием массовой индустриализации и внедрения передовых технологий в Китае соседская прозрачность и межличностное доверие во многом были утрачены. Нормой жизни, особенно в крупных городах, стали закрытость, автономность и независимость друг от друга. Это подрывает китайскую традицию, национальный менталитет и базис низовой, житейской и общественной безопасности. Об этом свидетельствуют не только статистические данные, но и результаты социологических опросов, проведённые в различных городах страны по решению руководства Коммунистической партии.

Соответственно, возникла задача использовать достижения современных технологий для возврата к исконно китайским традициям и восстановления гармоничной жизни граждан в согласии с собой, соседями и обществом в целом на основе доверия, прозрачности и добродетелей. Эту задачу и призвана решать SCS. Конкретно речь идёт о том, чтобы:

- повысить эффективность воспитательной работы среди населения и особенно лиц, допустивших отклонения от норм и традиций, и тем более граждан, их преступивших. Такое сложное и разнообразное общество, как китайское, имеет определённую, как правило, в пределах 3–5%, долю лиц, склонных к девиантному, находящемуся на грани или за пределами писаных и неписаных норм поведению. Девиант — это необязательно преступник. Чаще это люди, которые, в силу тех или иных обстоятельств, что называется, находятся на границе зоны закона и своим поведением нарушают не только юридические, но и этические нормы.

Наряду с социально-бытовым девиантным поведением и преступной деятельностью существует ещё один тип лиц с поведением, которое отслеживает система. Речь идёт в первую очередь о приверженцах таких экстремистских культов, как фаланьгунь, радикальный салафитский ислам, определённые толкования религии бон, дьяволопоклонничество и т. п.

В настоящее время воспитание, а когда необходимо — перевоспитание приверженцев экстремистских религиозных культов осуществляется весьма действенными, но достаточно жёсткими методами, включая ограничение

свободы, заключение под стражу и т. п. В то же время, по мнению китайских аналитиков, внедрение SCS даёт возможность:

- перейти от преимущественно карательных методов к воспитанию и, в отдельных случаях, перевоспитанию социально и политически опасных, склонных к девиантному поведению граждан, поскольку SCS предполагает не ужесточение, а гуманизацию методов государственного управления в тех регионах, где религиозный фанатизм создаёт потенциальные опасности порождения преступности, разжигания национальной розни, возникновения угроз для движения страны к Китайской мечте;
- создать всеобъемлющую систему награждения достойных, обеспечения их развития и самосовершенствования. Десятилетия жизни народного социалистического Китая — это время высвобождения творческого потенциала народа, раскрытия до того дремавших способностей и склонностей миллионов и миллионов китайцев. В то же время ускоренное экономическое развитие в последнее десятилетие увеличило неравенство внутри китайского общества, создало проблемы для социальной стабильности и гармоничного восприятия будущего.

В этой связи третьей важнейшей задачей SCS является поощрение, развитие способностей и запуск социальных лифтов для лучших граждан, для тех не только молодых людей, но и лиц средних и даже старших возрастов, кто уже сегодня живёт по принципам доверия, прозрачности и гармоничности.

SCS как платформа включает в себя три важнейших контура:

- контур сбора самых разнородных данных, характеризующих резидентов Китая: на первом этапе — физические, а на втором — юридические лица;
- контур хранения и структурирования самых разнообразных данных, характеризующих состояние и поведение физических, а затем юридических лиц;
- контур программно-аппаратного обеспечения, позволяющий на основе ИИ проводить обработку, анализ больших персональных данных, установление на этой основе текущей и вероятной социальной активности граждан, а в последующем — юридических лиц с использованием шкал, а также осуществления на этой основе прогнозных расчётов.

Истоки SCS находятся в далёком прошлом Китая. Уже в Древнем Китае была осознана необходи-

мость создания методики оценки и ранжирования людей, в первую очередь — чиновников и военных различных уровней, для благополучия Поднебесной. Первым письменным сочинением на этот счёт считается трактат Лю Шао «Учение о человеческих способностях», созданный около 240 года н.э. Эта книга была написана крупным государственным деятелем и администратором в эпоху упадка династии Хань. Разработкой, а главное, применением созданной им методики оценки Лю Шао надеялся избавиться от нерадивых чиновников, бездарных военачальников и заменить их талантливыми, добросовестными и преданными ему людьми.

После воцарения Империи Цзинь для оценки работы чиновников и отбора на их должности талантливых граждан использовались так называемые таблицы «небесного мандата». Для заполнения таблиц все претендующие на должности чиновников проходили экзамены, и к результатам экзаменов прибавлялась оценка впечатлений, полученных опытными администраторами, которые беседовали с кандидатами.

Таким образом, Китай ещё в начале первого тысячелетия стал первой и вплоть до XX века единственной страной мира, где использовались методики ранжирования для оценки достаточно большого, измеряемого тысячами числа людей.

В первые 30 лет коммунистического Китая экономические потрясения, политические пертурбации и международные конфликты привели к полному забвению руководством традиции шкалирования и оценки. Первым о ней вспомнил в начале 90-х гг. XX века в контексте рыночных экономических реформ Дэн Сяопин.

Он, под воздействием своих европейских советников, счёл положительным опыт капиталистических экономик, предполагающих наличие рейтинговых кредитных бюро.

В 2004 г. по поручению руководства КПК коллектив разработчиков во главе с выдающимся учёным, ключевой фигурой в создании межконтинентальных баллистических ракет, участником космической программы США и основоположником космической программы Китая Зянь Сюэсэном и президентом Академии инженерных наук Китая Сунь Цзяном начали разработку программно-аппаратной оценки надёжности и эффективности работы государственных служащих для формирующейся национально-государственной кредитной системы.

Их наработки были использованы для создания уникальной, мало известной за рубежом

системы отслеживания работы кадров государственного аппарата с элементами кибернетической обратной связи и самокоррекции. Также их работы стали основой совершенствования, наращивания мощности и эффективности проекта «Золотой щит», известного в мире как «Великий китайский файервол».

В 2002 г. на XVI съезде КПК Цзян Цзэминь поставил задачу разработки и запуска в течение трёх-пяти лет общекитайской системы социального кредита. Так впервые получила права китайского гражданства аббревиатура SCS. Однако в тот период речь шла не о создании всеобъемлющей системы оценки поведения граждан Китая, а о доведении до практики важнейшего элемента современной развитой банковской системы — сплошного рейтингования заёмщиков (физических и юридических лиц) на предмет выдачи кредита.

На практике реализовать это решение оказалось сложнее, чем ожидалось. В 2006 г. Народному банку Китая удалось создать национальное бюро кредитного рейтинга юридических и физических лиц. К 2012 г. центр имел досье на 280 млн граждан и почти 1,5 млн юридических лиц. Казалось бы, программу постигла неудача. Однако это не вполне так. Дело в том, что до начала 2010-х годов банковские счета в Китае имело лишь немногим более 300 млн человек и около 3 млн предприятий, из которых минимум треть были «спящими». Это означает, что, по факту, задачи, поставленные на партийном съезде, были выполнены: подавляющее большинство физических и юридических лиц, реально участвующих в кредитных отношениях, было охвачено национальной системой кредитного рейтингования.

Успешное решение этой задачи, несомненно, подтолкнуло политиков и управленцев к мысли использовать метод рейтингования на основе показателей, используемых в банковской сфере для решения исторической для Китая проблемы социального рейтингования граждан в рамках укрепления «мандата Неба».

В 2013 г. в Китае по инициативе руководителей партийных организаций Шанхая, Гуанчжоу, Чуньцзын и Чжецзянь начался эксперимент по апробации системы всестороннего рейтингования граждан. Например, в Шанхае было предложено разработать для каждого жителя города карту искренности и учитывать её показатели не только при предоставлении социальных благ, но и при определении общественных и профессиональных перспектив гражданина.

Все эти инициативы были в 2013 г. обсуждены на Межминистерской и межпровинциальной совместной конференции, где данная тема получила поддержку. Проект разработки SCS, получив на конференции мандат региональной партийно-государственной и народной поддержки, был обнародован как партийно-государственное решение весной 2014 г.

ПОКАЗАТЕЛИ SCS

Официально подтверждённого перечня показателей, используемых в SCS, по состоянию на начало 2019 г. не существует. Но внимательный анализ публикаций, посвящённых опыту применения SCS в 30 пилотных городах, позволяет прийти к следующему выводу:

Основой системы является наличие у каждого китайца уникального пожизненного электронного идентификатора. В настоящее время такие идентификаторы, предусмотренные законом об удостоверении личности с 2003 г., имеются примерно у 90% городского населения и 50% сельского. Есть основания полагать, что до 2025 г. население Китая будет полностью охвачено электронными пожизненными идентификаторами личности.

Идентификатор представляет собой 18-разрядный код, в котором указаны имя, фамилия, дата рождения и некоторая иная информация о человеке. Граждане Китая не имеют права самостоятельно менять данные идентификатора. Это — полностью прерогатива властей.

Ключевое значение для создания и развёртывания SCS имеет тотальный характер использования персонального электронного идентификатора. В Китае человек не может получить доступ к интернету, купить коммуникатор, машину, снять или получить квартиру, осуществить любое действие, связанное с приобретением собственности, получением или сменой работы и т.п., анонимно, а в городах — на основе бумажных, делающих возможным подделку документов. Любые экономические, социальные и даже бытовые действия в Китае не только онлайн, но и офлайн начиная с 2021 г. могут быть осуществлены только на основе электронного идентификатора личности.

Иными словами, по мере развития средств хранения, аккумуляции и обработки информации, китайское руководство может получить в режиме онлайн полную картину жизни в Китае, детализированную вплоть до отдельной личности. При этом надо иметь в виду, что такой сплошной контроль над поведением

требует создания центров хранения и обработки данных, минимум в 5–7 раз превышающих ёмкости хранения крупнейшего в мире хранилища данных — хранилища АНБ в штате Юта. В этой связи указанный выше принцип на горизонте 10–15 лет не представляется возможным к реализации. Гораздо более реальным является сплошной, начиная с 2021 г., переход на электронную идентификацию для всех жителей китайских городов с населением более 1 млн человек.

В то же время, в интересах национальной безопасности, по контрразведывательным мотивам, мотивам подавления не устраивающей правительство политической активности, уже сегодня руководство может полностью отслеживать жизнь единичных граждан и их групп.

В 2000-е годы разработчики системы электронного идентификатора личности столкнулись с многочисленными сложностями при использовании идентификатора в реальном мире. В китайской действительности далеко не все города, не говоря уже о сельской местности, оборудованы специальными электронными приспособлениями, которые могли бы считывать идентификаторы и, соответственно, обеспечивать доступ к тем или иным сетям, терминалам и т.п.

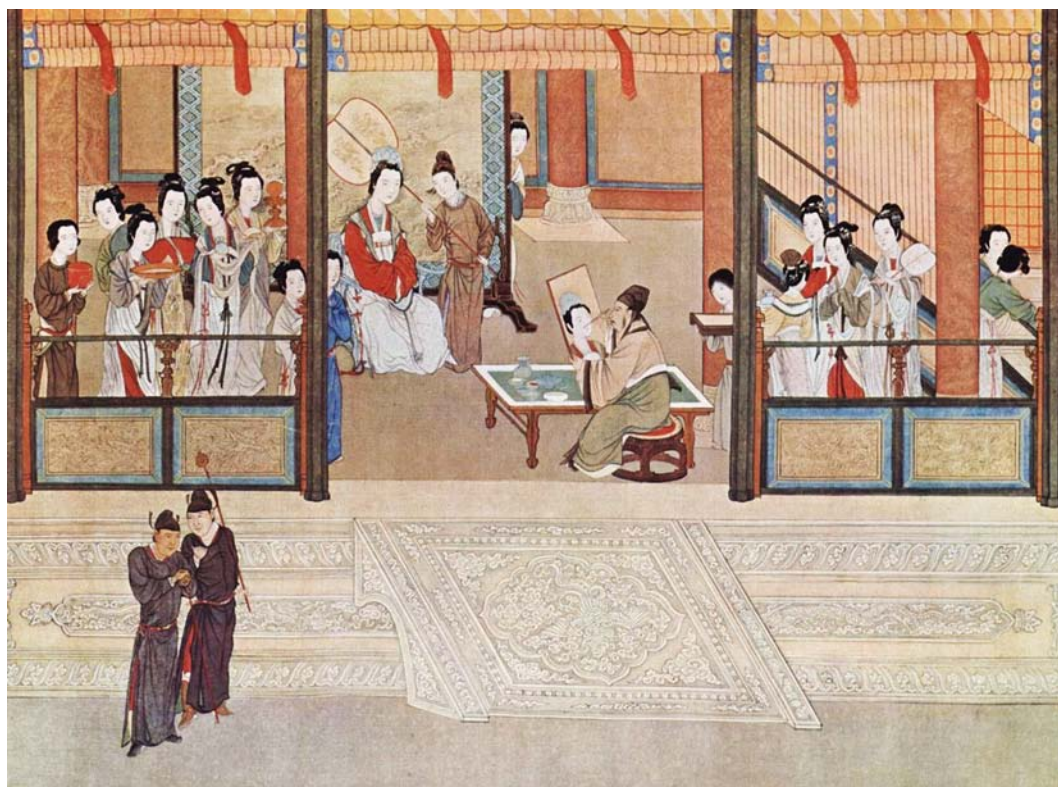
В этой связи в настоящее время в разгаре работы по дополнению или замене электронного идентификатора личности офлайн-модулем биометрической идентификации. По оценкам, к 2023–2025 гг. повсеместная биометрическая идентификация сделает любые транзакции в китайском обществе абсолютно проницаемыми.

На базе электронного идентификатора личности развёртывается система SCS, кото-

рая предусматривает пять типов показателей оценки добропорядочности или искренности китайского гражданина:

- официальные показатели. В их число входят данные, которые в настоящее время официально: прежде всего, на федеральном уровне и отчасти на местах, — собираются китайскими государственными министерствами и ведомствами. Совокупность этих данных немногим отличается от аналогичных официальных данных, характеризующих юридические и физические лица во всём мире. Это — данные о фамилии, имени, месте и времени рождения, месте прописки, семейном положении, наличии и размерах имущества, наличии или аренде недвижимости, данные судебных органов, сведения из полицейских и иных правоохранительных баз и т.п. Отличительной чертой SCS является то, что, в отличие от большинства североамериканских, европейских и южноазиатских стран, эти разнородные официальные данные концентрируются в одном месте и бесплатно предоставляются государством для проведения оценки;
- контрольные данные, которые в своей совокупности характеризуют, насколько официальные данные соответствуют реальности. Это соответствие в решающей степени связано с искренностью и дисциплинированностью физического или юридического лица. Покажем суть контрольных данных на простом примере. Официальные данные, используемые для оценки, включают, например, информацию о собственности или аренде недвижимости и, соответственно, — о фактическом месте и условиях про-

живания. Это — официальные данные. Они во всех случаях включают в себя адрес недвижимости, метраж, в отдельных случаях — количество проживающих, и т. п. Однако работники правоохранительных органов в Гонконге, в странах ЕС и в Америке отлично знают, что официальная информация — например, о недвижимости и месте проживания — часто не имеет ничего общего с реальностью. Соответственно, в блоке контрольных показателей содержатся сведения, уточняющие официальные данные. По замыслу создателей системы, эти данные должны поставлять сами граждане. Это демонстрирует их искренность, лояльность и приносит дополнительные баллы. Однако эту же информацию на гражданина могут передавать и соседи, родственники, друзья. В тех случаях, когда эта информация показывает отличия от официальной и, например, предоставленной самим гражданином, то после проверки добровольными помощниками правоохранительных органов информаторы (доносители) получают дополнительные баллы, а оцениваемый гражданин штрафуются снятием серьёзной суммы баллов.

Можно привести следующий пример. Гражданин переехал из места постоянного проживания в другой город и снял там квартиру. При этом он не уведомил соответствующие

органы, не внёс изменений в раздел своей цифровой личности, касающейся места проживания. Такую информацию, однако, вместо гражданина предоставили его соседи. Проверка подтвердила эту информацию. Соответственно, соседи получают прибавку к своему социальному рейтингу, а социальный рейтинг гражданина резко упадёт вниз;

- сигнальные данные. К сигнальным данным относятся сведения, получаемые SCS в результате обработки и анализа информации, поступающей от систем видеонаблюдения в городах, а в дальнейшем — от интернета вещей. Если эти данные указывают на нарушения норм порядка, морали и нравственности гражданина, то, соответственно, его рейтинг понижается. А если видеокамеры или интернет вещей фиксирует благородные поступки человека: например, спасение ребенка, помощь старикам при переходе улицы и т. д., — то рейтинг повышается;
- ведомственная и локальная информация. Значительная часть информации о повседневной жизни граждан сосредоточена в настоящее время в базах данных компаний, предприятий, местных органов власти. Вплоть до внедрения SCS федеральные, ведомственные и местные базы сведений о гражданах никогда не были интегрированы. Это впервые происходит в рамках SCS.

Какого типа информация концентрируется в ведомственных данных? Главное, в них содержится его кредитное досье и сведения о надёжности, как кредито- или ссудополучателя. Кроме того, в них содержатся сведения о соблюдении работником трудовой дисциплины, наличии/отсутствии проступков, связанных с производственным процессом, и т. п. Соответственно, в базах данных нижнего уровня ячеек местного самоуправления содержится информация, насколько активно человек участвует в мероприятиях по благоустройству территории, уборке мусора, как он заботится о местной экологии, не создаёт ли он проблемы соседям нескромным или шумным поведением и т. п. Нигде в мире сегодня нет опыта соединения баз данных федерального уровня с информационными хранилищами, характеризующими поведение гражданина не только в банковско-финансовой сфере, но и на работе и в своей общине. В рамках SCS это предусматривается. Соответственно, в своей повседневной жизни, скрытой от государства, но открытой коллегам по работе и соседям, человек, в зависимости от его поведения, может как набрать, так и потерять баллы.

В перспективе предусмотрено дополнение показателей SCS и так называемыми контекстными индикаторами. На первом этапе, вплоть до 2025 г., в SCS не предусматривается включать данные, связанные со здоровьем граждан, их семейными отношениями в части соблюдения супружеской верности, воспитанием детей и заботой о стариках. В то же время на совещании в Государственном совете КНР в конце 2018 г. было принято решение о включении подобного рода показателей на втором этапе развёртывания SCS на горизонте 2023–2027 гг. Пока нет чёткой информации, каким образом предполагается получать достоверные сведения для формирования оценочных показателей поведения граждан по отношению к своему здоровью, родственникам, родителям, супругам и т. п. Однако, как показывает опыт, в Китае постановка вопроса крайне редко носит позитивный и не предполагающий развёртывания конкретной работы характер.

Одним из ключевых секретов SCS является на сегодня алгоритмическая база расчёта показателей. Сегодня никто точно не знает, как конкретно считается социальный рейтинг. Но, принимая во внимание решения 2018 г. Межминистерской совместной конференции по созданию и развёртыванию SCS о том, что, начиная с 2021 г., показатели граждан,

учитываемые при расчёте рейтинга — так же, как и сам индивидуальный рейтинг, — будут общедоступными, есть основания полагать, что в ближайшие годы удастся выявить конкретные алгоритмы формирования рейтингов.

НАКАЗАНИЯ И ПООЩЕНИЯ

В нормативных документах, принятых в 2014 г., отсутствует обязательный перечень показателей, определяющих итоговый социальный рейтинг. При этом достаточно подробно там прописаны способы формирования интегрального рейтинга и факторы, обеспечивающие его рост или снижение. По состоянию на начало 2019 г. в Китае более чем в 30 городах проводятся практические испытания разных модулей и вариантов реализации SCS. По итогам испытаний к концу 2020 г. планируется разработать единую архитектуру системы и установить методические правила формирования показателей оценки, алгоритмы расчёта интегрального показателя, а также рекомендуемый набор мер наказания и поощрения, связанных с уровнем и динамикой рейтинга.

Впрочем, кое-что вполне очевидно уже сегодня. Прежде всего, в рейтинговой системе поощрений и наказаний имеется некоторая сознательная асимметрия.

На нынешнем этапе развития системы «кнут» в ней гораздо сильнее «пряника». Это в целом соответствует китайской конфуцианской традиции, предусматривающей, что общественно приемлемое, открытое и гармоничное поведение должно стать нормой для китайцев, а вот нарушение «гармонии с соседями, повреждение связи гражданина и государства, проступки и несовершенства человека должны не просто порицаться, но и строго наказываться».

Среди зарубежных аналитиков и даже корреспондентов иностранных медиа в Китае существует стойкое утверждение, что для всех категорий китайских граждан в рамках SCS используется одна и та же система оценочных показателей, стимулов поощрения и мер наказания. Однако это не так.

По инициативе Си Цзиньпина, развернувшего борьбу с коррупцией и злоупотреблениями со стороны руководителей партии и государства в центре и на местах, в начале 2016 г. Национальная комиссия разработки реформы подготовила специальный меморандум о необходимости использования особой системы наказаний для руководящих работников партии и государства на различных уровнях, а также

руководителей и владельцев бизнеса в рамках развёртывания SCS.

Предусматривается, что если руководители бизнес-структур и компаний допускают серьёзные нарушения, выражающиеся в снижении уровня доверия, они лишаются права основывать или владеть компаниями в финансовом секторе, экспортно-импортных операциях, выпускать акции, облигации, получать фондовые опционы, участвовать в тендерах на федеральном и местном уровнях, не могут больше рассчитывать на правительственные субсидии или государственную поддержку. Руководители подобных структур при снижении своих рейтингов также лишаются права переходить на высокопоставленные должности на государственной службе, в компартии Китая и в вооружённых силах.

Что касается партийных и государственных руководящих работников, то в случае понижения рейтинга они лишаются права покупать недвижимость и землю, а члены их семей, включая взрослых детей и разведённых супругов, — автоматически попадают в чёрные списки, ограничивающие их возможность приобретать или легально вывозить за рубеж валюту, участвовать в компаниях, эксплуатирующих природные ресурсы, а также экспортно-импортных операциях и операциях на бирже.

Также такого рода руководящие работники и члены их семей ограничиваются в престижном потреблении: лишаются права путешествовать первым и бизнес-классами, на высокоскоростных поездах и самолётах, посещать оцениваемые более чем четырьмя звёздами отели, курорты, им запрещается бывать в любых ресторанах, ночных клубах, на полях для гольфа, выезжать за границу в отпуск. Для их детей закрываются платные школы и т. п. ЦК КПК и Главное управление Госсовета КНР на совместном заседании одобрили опыт наказания руководящих работников в зависимости от показателей социального рейтинга и обязали разработчиков системы, а также власти провинций неукоснительно реализовать эту практику при переходе от экспериментальных к крупномасштабному проектируемому варианту SCS.

На этом же совещании было принято решение начиная с 2020 г. публиковать «чёрные списки» руководящих государственных, партийных работников, топ-менеджеров и владельцев бизнеса. Кроме того, была поддержана инициатива Шанхая, в котором местные АТС при установлении мобильной или иной телефонной связи с людьми, включёнными в «чёр-

ный список», перед соединением включает автоматизированные информаторы, которые сообщают абоненту, что «человек, которому вы звоните, находится в «чёрном списке» системы социального кредита и не вызывает полного доверия».

Согласно отчёту конца 2018 г. о ходе внедрения SCS, Государственный центр информации о социальном кредите в Китае сообщает, что в 2018 г. была собрана информация о 14 млн случаях нарушений, относящихся к гражданам КНР, за исключением руководящих государственных, партийных работников, а также владельцев и топ-менеджеров бизнесов. Подавляющая часть этих нарушений связаны с просрочкой по кредиту, рекламой, вводящей в заблуждение, незаконной уличной торговлей, жестоким обращением с членами семьи и родственниками, нарушением правил общежития и т. п. К началу 2019 года в «чёрные списки» внесены почти 4 млн юридических лиц (им будет запрещено участие в госзакупках, аукционах на землю, работа на фондовом рынке, проведение экспортно-импортных операций и т. п.), 17,5 млн человек не могут купить авиабилеты, 5,5 млн человек — билеты на поезд, для 2 млн человек ограничены возможности направления детей в лучшие школы, для 0,8 млн — поступления в высшие учебные заведения.

В качестве поощрения при росте показателя социального доверия для рядовых китайцев предусмотрены заметные льготы по билетам на самолёты и скоростные поезда, в основном связанные с преференциями на приобретение билетов и существенными скидками — до 25% от их цены. Другой поощрительной мерой является предоставление возможности отличившимся гражданам использование интернета с максимальной скоростью. В то же время для нарушителей скорость интернета в качестве наказания ограничивается.

Напротив, китайцы с высоким социальным рейтингом должны иметь преимущества при направлении детей в лучшие школы и при обучении детей за рубежом. Также подобные граждане имеют официально закреплённые преимущества при конкурсах на закрытие вакансий на лучших рабочих местах, а также возможность бесплатного повышения квалификации и включение в программы кадрового резерва. Граждане с высоким социальным рейтингом имеют возможность получать банковские кредиты с процентной ставкой на треть ниже, чем базовая, с компенсацией от государства и т. п.

Руководящих партийных и государственных работников предусматривается включать в специальные программы переподготовки кадров с последующим кадровым продвижением, а также в программы кадрового резерва федерального и муниципального значения. Что касается высокорейтинговых руководителей и владельцев бизнеса, то им открываются дополнительные возможности в льготном кредитовании, преференции при проведении тендеров на госзакупки, государственной поддержки при проведении импорто-экспортных операций.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СИСТЕМЕ SCS

Наряду с использованием и наращиванием хранилищ данных в федеральных учреждениях и крупнейших китайских интернет-компаниях, завязанных в инфраструктуру по хранению данных, связанную с расчётами рейтингов доверия, ключевую роль в успешной реализации программы играет ИИ. Только он позволяет на высоком уровне и оперативно рассчитать на основе разнообразных показателей уровень и динамику рейтинга социального доверия для миллионов и миллионов китайских бизнесов.

Кроме того, только ИИ даст возможность использовать беспрецедентный по богатству массив изменяющихся в режиме онлайн данных для опережающей аналитики социальных процессов, политических ситуаций и уязвимых аномалий китайского общества — аналитики, столь необходимой для управления огромным государством в условиях турбулентного мира.

Наконец, только ИИ позволит на основе палитры богатейших, но разнородных сведений рассчитывать прогнозы, позволяющие руководству КНР отслеживать тенденции поведения граждан, своевременно распознавать социально-политические и культурно-гражданские вызовы и угрозы.

Выступая с докладом на XIX съезде КПК в октябре 2017 г., председатель КНР Си Цзиньпин сформулировал свою мечту о Китае как о «научной и технологической сверхдержаве». По его мнению, первой комплексной задачей, которую предстоит решить китайскому ИИ, станет обеспечение работоспособности, аналитичности и прогнозной мощности SCS.

В 2017 г. Госсовет КНР выпустил «Проект разработки ИИ нового поколения». В Проекте прямо указано, что новое поколение ИИ должно обеспечить вычислительные мощности, аналитический потенциал и прогнозные когнитивные вычисления, достаточные для эксплуатации самых сложных систем, включая SCS.

Для решения этой задачи до 2030 г. Китай израсходует на развитие ИИ как минимум 150 млрд долл. И еще 1,5 трлн долл. — на компьютеризацию важнейших государственных институтов, программ и на превращение КНР не позднее 2025 г. в первое в мире государство, комплексно управляемое на основе больших данных. Важнейшей составляющей китайской стратегии ИИ является его изначальная привязка к наиболее актуальным проектам типа SCS и развёртывание «интернета всего» с использованием 5G-коммуникаций. Китай стал первой в мире страной, предоставившей для исключительно коммерческого исполь-

зования частоты, где наиболее эффективно применение 5G.

ИИ и 5G-сети свяжут воедино нынешний обособленный китайский интернет с программно управляемыми объектами критической и иной: экономической, политической, социальной, — инфраструктуры, а также с интернетом всего. Это должно не позднее 2030 г. сделать Китай первым в мире полностью цифровым государством.

Особенностью проекта SCS является его автаркичность, слабая зависимость от глобальных сетей и развития ИКТ. SCS является одним из краеугольных связующих блоков феномена замкнутого китайского интернета, располагающего собственными поисковиками, торговыми площадками, коммуникаторами и т. п., никак не связанными с их западными конкурентами. Эта китайская цифровая среда будет управляться, анализироваться и прогнозироваться китайским же ИИ в рамках гибридного интеллекта. По факту соединение ИИ, интернета всего с SCS позволит китайскому руководству стать наиболее мощной интеллектуальной силой на планете. Главное же, оно позволит китайскому руководству заметно снизить риски в наиболее турбулентный период цивилизационного кризиса, который, по всем прогнозам, придётся на 2025–2035 гг.

СЕТЬ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ В SCS

В 2015 г. Министерство общественной безопасности запустило проект создания глобальной системы видеораспознавания граждан на базе разработок LLVision Technology Co. Задача проекта, который должен быть полностью реализован в 2022 г., является создание системы распознавания, которая могла бы в течение трех секунд опознать человека с точностью до 90% с охватом граждан в 1,3 млрд человек.

Система должна стать ключевым компонентом трёх общенациональных проектов, Во-первых, проекта технологической помощи Национальной милиции. Во-вторых, проекта SCS. В-третьих, проекта наращивания потенциала высокотехнологичного экспорта Китая. В рамках проекта уже в настоящее время установлены и работают 176 млн видеокамер. К 2020 г. их число возрастет до 450 млн. Для сравнения: в США в настоящее время действуют в рамках федеральной, региональной и коммерческих программ 50 млн видеокамер внешнего распознавания.

В 2018 г. принято решение объединить Национальную милиционную базу, Национальную базу лиц, представляющих интерес для правительства, и Национальную базу данных о подозреваемых сотрудниках милиции и других правоохранительных органов. Все три базы данных должны, с той или иной степенью полноты, быть подключены к SCS и к коммерческим онлайн-сервисам китайских интернет-гигантов типа Baidu, WeChat, Alibaba. При этом связь будет носить односторонний характер. Интернет-гиганты будут предоставлять без дополнительных юридических решений в режиме онлайн информацию государственным базам, а не наоборот, как это имеет место в США.

В 2016–2018 гг. в качестве испытательного полигона системы была выбрана провинция Синьцзянь, где живет 10 млн уйгуров-мусульман. В этом районе сильны антиправительственные настроения и действует подпольная группировка «Восточный Туркестан». В Синьцзяне начали тестировать систему, которая на основе видеонаблюдения оповещает милицию, если местные жители отклоняются больше, чем на 300 метров, от «безопасных зон» (ими считаются дом, работа, маршруты между ними, рынок и близлежащие магазины). В этих случаях милиция имеет право остановить человека или допросить его родных. Кроме того, чтобы

следить за перемещениями жителей Синьцзяна, они обязаны устанавливать в обязательном порядке GPS на свои автомобили и проходить через камеры, которые установлены между городскими районами, а также на вокзалах, рынках, торговых центрах и автозаправках.

Базовый набор данных Национальной системы, содержащей видеoinформацию на каждого гражданина КНР, составит примерно 13 мегабайт данных на каждого человека. Размер полной базы данных с подробной личной информацией и всеми показателями, необходимыми для расчета рейтингов SCS, составит в 2022 г. примерно 90 терабайт информации. Всего это потребует наличия хранилищ данных объемом при минимальном уровне в 5 экзбайт и при полном — более 12 экзбайт, что больше, чем хранилище АНБ в Юте. По этой причине в Китае сейчас идёт активная работа по созданию мощнейшей серверной сети, которая позволит обеспечить необходимое «облачное» хранилище данных для полной базы данных с выходом на эксплуатацию не позднее конца 2022 г.

Проведённые в 2018 г. зарубежными корреспондентами эксперименты по скорости распознавания показали следующие результаты. Для тех иностранных корреспондентов, которые в течение последнего года постоянно находились на территории КНР, скорость распознавания на оживлённой улице их лиц составила 34 сек, а для тех, кто был на территории страны не более семи дней, — минуту с небольшим. При этом в ходе эксперимента корреспонденты были не только распознаны полицейскими камерами, но и идентифицированы по именам, фамилиям, номерам иностранного паспорта, стране постоянного гражданства и основного места пребывания в Китае. Вся эта информация была получена полицейскими в оперативных центрах Шеньчжэня, Харбина и Шанхая.

Что касается SCS, то главная надежда относительно видеосети возлагается на распознавание бытовых позитивных и негативных поступков, типа уличных драк, мелкого воровства, нарушения прав уличной торговли, нахождения на улице и в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения и т.п. По мнению идеологов SCS, эти, казалось бы, небольшие бытовые нарушения должны максимально строго караться в рамках рейтингования.

SCS не является единственной, применяемой в Поднебесной, системой социального рейтингования или скоринга. Ещё в начале 2000-х годов ряд городов, финансовых институтов и госведомств приступили сначала

к разработке, а в начале 2010-х годов — к использованию систем социального рейтингования и кредитного скоринга.

Так, администрация Шанхая, одного из крупнейших городов КНР, в 2015 г. запустила систему поощрительного социального рейтингования под названием «Искренний Шанхай». Система представляла собой трёхблочную программно-аппаратную конструкцию. Первый блок конструкции — это охватывающая весь город система видеонаблюдения. Второй блок — один из наиболее мощных в Китае центр ИИ Шанхайского университета, способный к оперативному, в режиме реального времени, распознаванию не только лиц, но и ситуаций, с отнесением их к различным классам или типам. Наконец, третий блок — это программа, реализованная как приложение к смартфонам, которая фиксирует на видео те или иные поступки владельца и передаёт их на центральные серверы.

Каждый шанхаец мог по собственному желанию скачать приложение «Искренний Шанхай» и участвовать в скоринговой программе. Администрация Шанхая разработала шкалу поощрений за каждый добродетельный поступок, включая помощь милиции в задержании преступников, помощь детям, инвалидам и старикам в преодолении трудностей или нежелательных ситуаций и т.п. Соответственно, жители Шанхая в течение месяца набирали положительные баллы и по итогам получали месячную оценку. Начиная с определенного уровня шанхайская администрация премировала жителей города скидками на посещение развлекательных мероприятий, возможностью посещения распродаж в торговых центрах до официального начала их проведения, охотнее предоставляла льготы по оплате коммунальных услуг и т.п.

На сессии Академии общественных наук в Шанхае в начале 2019 г. было высказано мнение о необходимости корректировки SCS с учётом шанхайского опыта в целях более активного использования положительных стимулов и поощрений, а также уменьшения асимметрии в пользу наказаний, как это предусматривается в большинстве экспериментальных вариантов SCS.

Если общекитайская система социального рейтингования делает только первые экспериментальные шаги, то единая общекитайская информационная система персонального финансового скоринга уже находится в стадии полноценного внедрения. В 2017 г. по инициативе Председателя КНР Си Цзиньпина было принято решение создать такую систему в целях

ускорения экономического развития и придания большей устойчивости финансово-инвестиционной системе страны.

В настоящее время эта система развивается под брендом Baihang Credit. Эта система консолидирует и объединяет восемь уже действующих коммерческих скоринговых систем, часть из которых ранее была доступна не только для банков, инвестиционных компаний, бизнеса, но и в приоритетном привилегированном порядке — для милиции, других правоохранительных органов, а при запросе — для федеральных органов власти Китая. Начиная с 2021 г. Baihang Credit будет доступен для органов федеральной власти, правоохранительных органов и судебной системы.

Основой Baihang Credit станет Sesame Credit, созданный подразделением Alibaba — Ant Financial. Системой в настоящее время пользуются компании холдинга Alibaba, Национальная милиция и Министерство внешней торговли, а также Таможенная служба. По состоянию на конец 2018 г. рейтинг охватывал почти 600 млн китайцев. Sesame Credit был запущен в 2015 г. Он представляет собой комбинацию традиционного в мировой банковской системе рейтинга кредитоспособности клиента с компонентами оценки лояльности и поведения человека. Рейтинг вычисляет оценки в интервале между 350 и 950 баллами. Для вычисления используются пять групп показателей. Они включают:

- кредитную историю в стандартном для всего мира виде;
- поведенческие тенденции, рассчитываемые на основе данных о приобретении товаров и услуг на платформе Alibaba или дочерних сайтах, соотношение между покупками с использованием безналичных расчётов, кэша, покупок в кредит, а также структуры предоплатных покупок и покупок по факту;
- данные о стабильном экономическом доходе (заработной плате, поступлений от ценных бумаг, сдачи в аренду жилья и т. п.), а также оценку персональных активов;
- персональные данные в стандартном для мирового банковского дела виде, включающем имя, фамилию, место жительства, год рождения, семейное положение, место проживания и контактные данные;
- социально-поведенческий портрет человека. Формируется по данным из социальных сетей по 15 параметрам.

Удельный вес каждой из групп показателей соответственно равен 35%, 25%, 20%, 15% и 5%. В зависимости от набранных баллов участники

холдинга Alibaba принимают решения о выдаче или невыдаче займов, заключения договоров с поставщиками или покупателями и т. п.

Старейшей рейтинговой системой, включённой в Baihang Credit, является Pengyuan Credit, основанная в 2005 г. Компания использует традиционные методы оценки надёжности заёмщика. Главным аргументом для включения её в общекитайскую систему стали 130 млн клиентов, не пересекающихся с означенными выше скоринговыми компаниями.

Также в общенациональную китайскую систему включены такие крупные компании с обширными скоринговыми базами, как Sinoway Credit, Qianhai Credit Service, China Chengxin Credit, Intellicredit.

В рамках Baihang Credit именно модули China Chengxin Credit используются для прямой и обратной связи между Baihang Credit и Национальной милицией, судебной системой, местными администрациями. Что касается Intellicredit, то это на сегодня крупнейшая скоринговая компания, располагающая данными относительно кредитной истории, надёжности и лояльности китайцев, которые живут или работают за рубежом. Компания имеет значительную базу досье и на граждан КНР, живущих на территории страны, однако в этом качестве она на порядки уступает перечисленным выше компаниям. Поэтому именно благодаря своей зарубежной базе и отлаженной системе её пополнения она была включена в Baihang Credit.

В целом, по состоянию на начало 2019 г., Baihang Credit представляет собой гораздо более отлаженную, продвинутую и эффективную систему оценки кредитоспособности, надёжности и лояльности китайцев внутри страны и за рубежом по сравнению с формирующимся SCS. По состоянию на конец 2018 г. Baihang Credit охватывает 1,2 млрд досье и является одной из крупнейших работающих систем анализа персональных данных в мире.

Что касается взаимодействия между SCS и Baihang Credit, то в официальных документах какая-либо информация об этом отсутствует. Однако, зная прагматизм китайского руководства, не приходится сомневаться, что Baihang Credit будет использован как готовый, возможно, ключевой модуль SCS на этапе её полноценного развертывания.

ЗАЧЕМ КИТАЮ SCS?

По состоянию на начало 2019 г. Китай передал в дар систему видеонаблюдения и некоторые

блоки SCS для создания системы внутренней безопасности в Никарагуа. Контракты на создание адаптированных к потребностям стран программно-аппаратных, видео и поведенческих модулей SCS подписаны с Боливией, Эквадором, Танзанией, Мозамбиком и Эритреей. Начиная с 2020 г., по соглашению с руководством Казахстана, Монголии и Киргизии, китайские специалисты начнут работу по подготовке полного пакета документации и технико-экономического обоснования систем социального рейтингования для этих стран. Во всех случаях основные расходы берёт на себя Китай.

На протяжении двух тысячелетий китайской истории можно наблюдать один и тот же процесс. Мощные единые империи после 300–400 лет блестящего существования неизменно оказывались ввергнуты в пучину восстаний, конфликтов, междоусобиц. Они заканчивались неминуемым распадом единого государства и хаосом на 200–300 лет. Затем всё начиналось сначала.

Детальный анализ китайских партийных документов, выступлений Си Цзиньпина, статей приближённых к китайскому руководству исследователей наводят на мысль, что в Китае всерьёз опасаются приближения нового смутного времени. Отчасти это связано с уроками истории. С одной стороны, Китай очень внимательно изучил опыт СССР и хотел бы любой ценой избежать его повторения. А с другой стороны, китайское руководство готовится к торгово-экономической войне с США. Наконец, наибольшие опасения у официального Пекина вызывают экспортный характер экономики КНР, растущие различия в уровне и темпах развития между городом и деревней, севером и югом, между прибрежными и центральными районами страны.

Согласно моделированию социально-экономической и политической динамики Китая, а такие работы выполнены в нескольких китайских университетах, в МПТ, по заказу правительства Австралии, складывается следующая картина. Комбинация неблагоприятных внешних и внутренних факторов, в значительной степени не зависящих от управляющих воздействий руководства, приведёт к дестабилизации КНР с максимумом примерно в 2023–2037 гг. В этом контексте стремление китайского руководства в ускоренном режиме развернуть SCS может быть интерпретировано как надежда на систему опережающего купирования конфликтов, противоречий и очагов недовольства в китайском обществе, а при наиболее жёстком сценарии развития событий — как инструмент подавления инакомыслия, недовольства и протеста.

Нужна ли подобная система для России?

Как набор уникальных технологий, позволяющих сделать жизнь безопаснее, — безусловно, нужна.

Как система, ограничивающая витальные потребности людей в передвижении, образовании, труде на основе слабо аргументированных критериев, — безусловно, нет.

/ Владимир ВИННИКОВ /

Китай как цивилизация будущего

За последнее тридцатилетие, то есть буквально на наших глазах, Китай совершил тот самый «большой скачок», к которому призывал, но которого так и не добился ни в 50-е годы, ни в 60-е, ни в 70-е годы прошлого века «великий кормчий» Мао Цзэдун. Зато этого добились его преемники — причём на основе той социально-политической базы, которая была заложена 70 лет назад, с провозглашением Китайской Народной Республики.

Именно тогда стало ясно, что китайская цивилизация, следом за русской, отказывается от стратегии встраивания в «западный» миропорядок и, более того, вырабатывает стратегию борьбы против этого миропорядка. Причины тому во многом выглядели случайными, ситуативно-политическими, но, как известно, любая случайность есть проявление пока ещё непознанной закономерности.

Компартия Китая выиграла гражданскую войну у Гоминьдана не только благодаря помощи Советского Союза, но, прежде всего, благодаря полученному за предыдущие годы своего существования (1921–1949) опыту, авторитету в китайском обществе, а также относительной слабости и внутренним противоречиям «империалистических держав» той эпохи.

Сегодня Китай из полуколониальной, отсталой, зависимой от множества внешних факторов страны вернул себе не только утраченное в конце XVIII века звание «мировой экономики номер один», но и по многим показателям вышел или выходит на передовые рубежи развития всей человеческой цивилизации. Как уже отмечалось¹, практически весь глобальный экономический рост (включая рост потребления первичной энергии) с конца XX века был сосредоточен в Китае.

По росту экономики в сопоставимых ценах за период 1990–2018 гг. Китай с населением 1,3–1,4 млрд человек прочно занимает второе место в мире — 21,62 раза, уступая только крохотной (менее 1 млн населения) Экваториальной Гвинее². Все другие страны мира, независимо от их размера и социально-политического устройства, остались далеко позади. Что лишний раз подчёркивает общечеловеческое значение совершённого КНР прорыва. Здесь даже нет смысла говорить о каком-то «экономическом чуде», наподобие

Показатель	1995	2007	2018	Рост, %
Уголь, млрд т	1,28	2,54	3,55	277,3
Нефть, млн т	160	187	189	118,1
Электроэнергия, млрд кВт.ч	1010	3278	6994	692,4
Чугун, млн т	105,3	412	771	732,2
Сталь, млн т	95,4	489,7	928,26	973
Цемент, млн т	476	1360	2177	457,3
Химические волокна, млн т	3,4	23,9	53	4584,8
Автомобилей (без микролитражных), млн,	1,45	8,89	28,08	1936,5
в т.ч. легковые автомобили	0,34	4,8	23,71	6973,5
Персональные компьютеры, млн	0,84	120,7	310	36904,7
ВВП по ППС, трлн долл.	2,265	4,428	25,27	1156,7

Таблица 1.

Рост ВВП КНР и производства по отдельным товарным группам (без Гонконга, Макао и Тайваня)

«немецкого», «японского» или «корейского», — Китай продемонстрировал чудо не экономическое, а цивилизационное. Вывести за каких-то 30 лет фактически пятую часть человечества на новый, качественно более высокий уровень развития и жизни, сопоставимый с передовыми странами мира, — это беспрецедентный по своей эффективности и масштабности проект, намного превосходящий все возможные исторические прототипы, включая и советский. В цифрах ситуация выглядит так (см. табл. 1).

Как можно видеть, практически все реальные экономические показатели, приведённые в этой таблице, — за исключением нефти, которой у Китая на собственной территории по геологическим данным просто нет в нужном количестве, — демонстрируют просто взрывной, в разы, рост: как в ходе «докризисных» 1995–2007 гг., так и в ходе «послекризисных» 2008–2018 гг. При этом главными «драйверами роста», особенно за последнее десятилетие, стали производства высоких переделов и с высокой добавленной стоимостью: химическая, машиностроительная, электронная и др., где рост за последние 11 лет исчисляется десятками раз. Чем, видимо, в значительной мере (наряду с инфляцией доллара) и объясняется фантастическое ускорение темпов роста ВВП

¹ «Изборский клуб», 2019, №7–8, с.131–132.

² [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD_%D0%BF%D0%BE_%D0%92%D0%92%D0%9F_\(%D0%9F%D0%9F%D0%A1\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD_%D0%BF%D0%BE_%D0%92%D0%92%D0%9F_(%D0%9F%D0%9F%D0%A1))

КНР за 2007–2018 гг. (в 5,7 раза) по сравнению с периодом 1995–2007 гг., когда этот рост составил «всего» 1,95 раза.

То есть это — вовсе не экстенсивный прорыв, основанный по преимуществу на использовании дешёвых ресурсов (природных и рабочей силы), «низкой базы» и готовых технологий. В длящейся вот уже второе десятилетие дискуссии со сторонниками либеральной трактовки китайской модели развития можно если не поставить точку, то подвести предварительные итоги.

Напомню, о чем идёт речь. Ещё в 1999 году, после дефолта, окончательно убившего веру российского общества в «рыночные реформы», один из видных представителей «младореформаторов» Владимир Мау, тогда — глава Рабочего центра экономических реформ при правительстве Российской Федерации, а ныне — ректор РАНХиГС, опубликовал в журнале «Вопросы экономики» (1999, № 11–12) статью, где попытался доказать бесперспективность китайской модели как в целом, так и для России в особенности. Главный тезис Мау заключался в том, что Китай, по сути, повторяет путь СССР, приведший к краху «советского проекта», поскольку-де данный вариант «догоняющей модернизации» обладает встроенными «пределами роста» и просто прекращает работать после их достижения. Следовательно, по мнению Мау, КНР должна была, исчерпав ресурсы «модели ускоренного экономического развития при сохранении политического авторитаризма», столкнуться с теми же проблемами, с которыми Советский Союз столкнулся в 80-е годы, — разумеется, с необходимой поправкой на особенности места и времени.

Как можно видеть, ничего подобного за следующие двадцать лет, даже с учётом последствий финансового кризиса 2008–2009 гг., в Китае не произошло.

Более того, экономика Красного дракона стала крупнейшей в мире (чего в своё время так и не смог достичь СССР), а её технологический уровень вполне сопоставим и в некоторых отраслях даже превосходит соответствующие американские (и европейские) показатели. Так, уже по итогам 2010 года КНР вышла на первое место в мире по числу поданных и зарегистрированных патентных заявок, обогнав США, а в 2016 году — и по числу научных публикаций.

Особо стоит упомянуть о том, что высшее образование в Китае в 2018 году получали более 36 млн студентов, и это также наивыс-

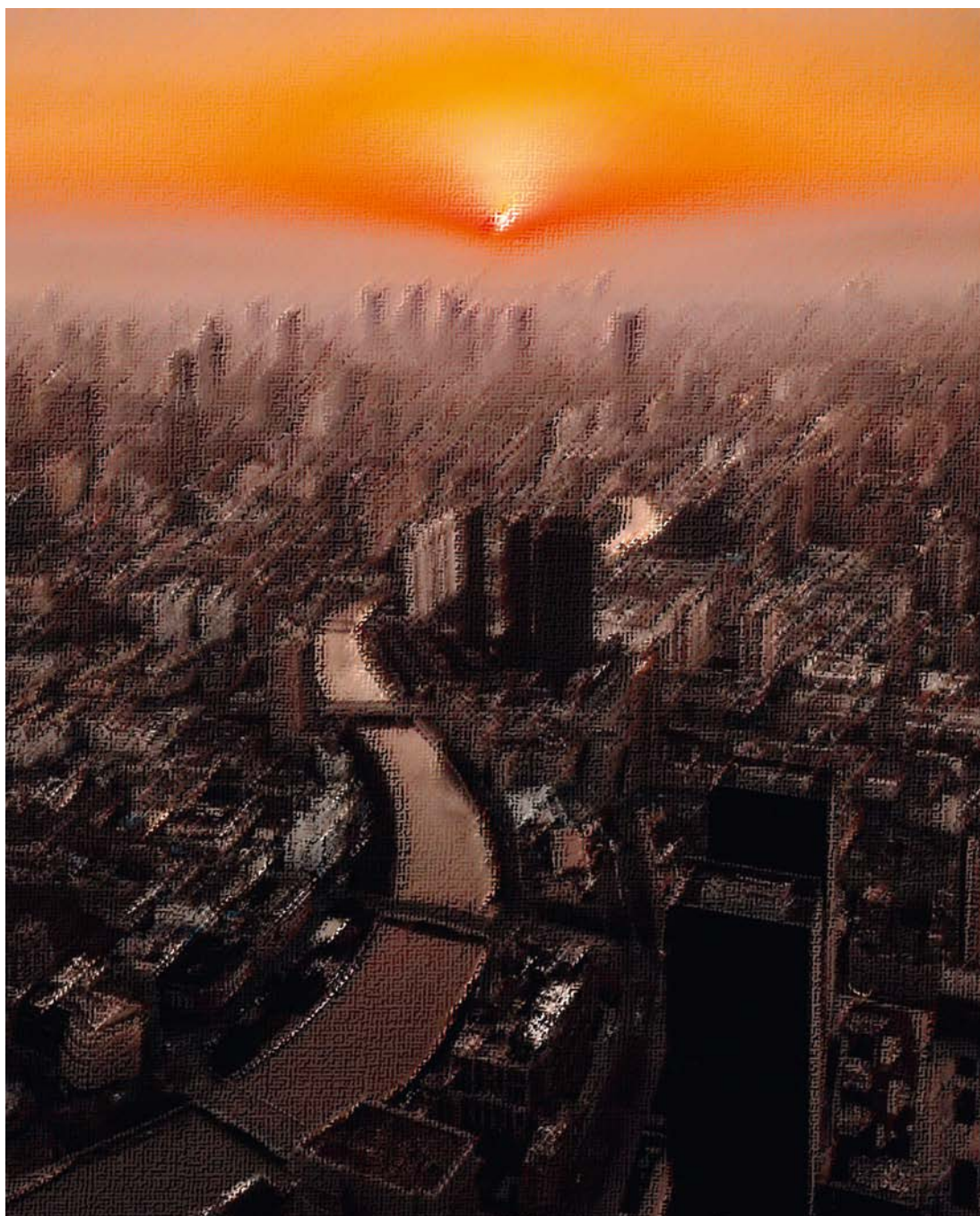
ший мировой показатель. Причём, если в 90-е годы XX века значительное число китайской молодёжи получало образование за рубежом, и даже бытовала шутка о том, что университеты США — это место, где русские профессора обучают китайских студентов на деньги американских налогоплательщиков, то в настоящее время ситуация принципиально изменилась. КНР продолжает оставаться мировым лидером по числу лиц, получающих высшее образование за пределами страны, — их число превышает 600 тысяч человек, но при этом Китай стал крупнейшим образовательным хабом Азии, приняв на обучение 489,2 тысячи иностранных студентов.

Для сравнения: в 1978 году, до начала реформ Дэн Сяопина, студентов было всего 800 тысяч человек, в 1995 году — 2,5 млн, в 2000 году, сразу после введения закона о высшем образовании, разрешающего платное обучение, — 5,5 млн, в 2008 году — уже 27 млн. С учётом демографической стабилизации КНР на уровне около 1,4 млрд человек — рост более чем впечатляющий. Всего же в КНР сегодня более 350 млн человек имеют высшее образование, а количество учёных и инженеров давно преодолело 100-миллионную планку. И это не просто обладатели «корочек» и «поплавков», а высококвалифицированные специалисты, способные реализовать самые сложные проекты.

Китайская система высокоскоростных (предназначенных для движения со скоростью выше 250 км/ч) железных дорог, связывающих между собой самые отдалённые друг от друга регионы страны, включая Тибет, является крупнейшей в мире, их протяжённость превышает 26 000 км, при этом строятся участки общей длиной почти 11 000 км, что в целом составляет больше половины общемирового фонда ВСМ.

В 2018 году Китай вышел на первое место в мире по количеству космических стартов, нарастив их количество вдвое: с 19 до 38 запусков, — и сохраняет это лидерство сегодня: из 73 успешных стартов, совершённых на момент написания данной статьи в 2019 году, 22 приходится на долю Красного дракона.

Также в 2018 году китайцы обладали наибольшим количеством «суперкомпьютеров» из топ-500: более 200, хотя и уступили первые строчки в рейтинге топ-500 двум американским «монстрам»: Sierra и Summit. Последний, принадлежащий Ок-Риджской национальной лаборатории США, обладает

производительностью $1,223 \times 10^{17}$ операций в секунду (122,3 пентаФлопс), с перспективой модернизации до 200 ПФлопс. Как сообщается в публикации журнала Nature³, специалистами фирмы Google разработан квантовый суперкомпьютер Sycamore, который использует 53 программируемых сверхпроводящих кубита, соответствующих вычислительному пространству состояний размерности 2^{53} (около 10^{16}) и позволяет за считанные минуты ре-

шать задачи, на которые у «классических» суперкомпьютеров должно уйти 10 тысяч лет. Об аналогичных китайских разработках пока ничего неизвестно, за исключением того, что работы в данном направлении активно ведутся.

Про успехи китайской фирмы Huawei в сфере IT-технологий лучше всего свидетельствует попытка США добиться конкурентных преимуществ внеэкономическими методами: арест

³ <https://www.nature.com/articles/s41586-019-1666-5>

1 декабря 2018 года в аэропорту Ванкувера (Канада) Мэн Ванчжоу, главного финансового директора компании Huawei и дочери её основателя Жэня Чжэнфэя. Huawei является признанным лидером и главным конкурентом американской Apple в сфере производства телекоммуникационного оборудования, включая мобильную связь стандарта 5G.

Китайские учёные также проводят стоящие «на грани фола» генно-инженерные исследования с различными биологическими объектами, не исключая и человека. Так, широкую, хотя и неоднозначную известность получил в конце 2018 года эксперимент Хэ Цзянькуя с использованием технологий CRISPR/Cas9, в результате которого на свет появились первые люди с искусственно изменёнными генами: девочки-близнецы Лулу и Нана, которые, как ожидается, будут невосприимчивы к ВИЧ-инфекции.

В сфере энергетики особых успехов китайцам удалось достичь, прежде всего, в моделировании процессов термоядерного синтеза. Ещё в 2016 году водородную плазму температурой в 50 млн °С сотрудникам Института физических наук в г. Хэфэй удалось удерживать в установке типа «токамак» в течение 102 секунд. В ноябре 2018 года учёные из Института

физики плазмы Академии наук КНР удержали 10 секунд плазму температурой в 100 млн °С.

Всё это и многое другое говорит о том, что экономические успехи КНР имеют под собой широкую, прочную и непрерывно крепнущую финансово-экономическую и научно-технологическую базу, а потому все попытки действующей администрации президента США изменить ситуацию путём развязывания торговой и финансовой войны против Китая вряд ли способны достичь успеха. Тем более что ещё 1 декабря 2015 года МВФ принял решение о включении китайского юаня («жэньминьби») в свою валютную корзину, сразу предоставив ему долю в 10,92% и, соответственно, сократив доли доллара (с 41,9% до 41,73%), евро (с 37,4% до 30,93%), иены (с 9,4% до 8,33%) и фунта стерлингов (с 11,3% до 8,09%).

И если не произойдёт никаких форс-мажорных ситуаций, в декабре 2020 года позиции юаня в специальных правах заимствования (CDR) должны существенно усилиться, и на это раз — не только за счёт Европы.

Разумеется, обладая такого уровня финансово-экономической базой, Китай не может замыкаться в собственных границах и активно использует любые возможности для расшире-

ния своей «зоны влияния» и для конвертации достигнутых экономических преимуществ в преимущества политические и военно-стратегические.

Китайская экспансия идёт одновременно по нескольким направлениям.

Первое из них — активное использование диаспоры, так называемых «хуацяо», этнических китайцев, постоянно проживающих за рубежом, чья численность (без учёта Тайваня) в 2018 году достигла примерно 61,6 млн человек⁴, а произведённый ими «скрытый» ВВП оценивается в диапазоне 2,3–2,5 трлн долл., что примерно соответствует показателям Италии или Мексики (11–12-е место в мире). Впрочем, ресурс «хуацяо» не может быть сведён к простой экономической «инфильтрации». Этот канал широко используется и для захвата ключевых позиций в мировой экономике, и для «несанкционированного» получения и распространения информации, включая новейшие научные разработки и технологии «в готовом виде», и в качестве «прокладки безопасности». Не случайно, например, заявление о том, что КНР может сыграть лидирующую роль в выработке новых правил поведения в экономике, политике и технологиях, сделал не кто-нибудь из китайских лидеров, а министр торговли и промышленности Сингапура Чань Чунь Син. «В настоящее время мир оказался на распутье, и КНР — одна из крупнейших стран и экономик — несёт особо важную ответственность за то, чтобы определить, в каком направлении должно двигаться мировое сообщество», — сказал он в начале ноября 2019 года на международной импортной выставке в Шанхае.

Второе направление — «обычное» проникновение китайских корпораций на внешние рынки. Перечень европейских, американских, азиатских, австралийских и прочих компаний, в управление которыми за последние годы вошли собственно китайские инвесторы, может занять сотни страниц убоистого текста. Причём это касается всех сфер экономики: от добычи первичного сырья до крупнейших финансовых институтов и предприятий high-tech.

На международной арене Китай активно продвигает идеи «пекинского консенсуса», которые стали основой для деятельности таких международных организаций, как ШОС,

БРИКС и ряд других. При этом управляющие центры этих организаций, включая финансовые, как правило, в значительной или решающей степени находятся под контролем китайской стороны.

В целом можно констатировать, что «догоняющая системная модернизация» Китая по отношению к США и «коллективному Западу» по ряду параметров уже стала модернизацией «обгоняющей», и в цивилизационном измерении это означает конец более чем полутысячелетней, возникшей с началом эпохи Великих географических открытий гегемонии «западного проекта».

Следует сказать, что эта модернизация была осуществлена в небывалых уникальных условиях и в соответствующих этим условиям оригинальных формах.

Прежде всего, Китай стал мировым экономическим лидером в рамках процесса глобализации. Это первый и пока единственный опыт подобного рода. Ближайшая по времени (и месту) «постиндустриальная» системная модернизация так называемых «азиатских тигров» осуществлялась в период 70–80-х годов XX века, то есть в принципиально иных социально-экономических условиях.

Глобализация как таковая — это, прежде всего, общекультурный феномен современного человечества, представляющий собой обмен неограниченными объёмами информацией в режиме реального времени, или, как сейчас принято говорить, онлайн. В грубом приближении первой ласточкой глобализации можно считать установление постоянной горячей линии связи между Белым домом и Кремлём после Карибского кризиса 1962 года, а «реперными точками» — окончательное формирование 24-спутниковой системы глобального позиционирования GPS (декабрь 1993 года) и смыкание первого «мирового кольца» оптоволоконной связи у Владивостока (август 1994 года). Именно после этого все информационные (включая финансовые) потоки приобрели нынешнее глобальное качество — подобно тому, как гелий при температуре 4,2 °К приобретает свойство сверхпроводимости.

Основным следствием глобализации стала возможность суперэмиссии денег системой мировых центральных банков. С 1994 года, т.е. за последнюю четверть века, номинальный мировой валовой продукт (МВП) увеличился

⁴ http://japanjournal.ru/images/js/2019/js_2019_1_94-110.pdf

примерно в 9–10 раз, а совокупный денежный агрегат L, включающий в себя все производно-финансовые инструменты, — более чем в 200 раз. Без современных IT-технологий удержать эту гигантскую денежную массу в контуре «виртуальной экономики» было бы неразрешимой задачей. Китаю удалось максимально и практически без особых социально-политических издержек использовать предоставленные глобализацией возможности развития и системной модернизации.

Успех этой модернизации тем более поразителен не только с учётом уже отмеченных выше гигантских масштабов китайского общества, но и с учётом того, что в китайской культурно-исторической традиции до того практически полностью отсутствовал опыт успешных и законченных «догоняющих» модернизаций, присущий, например, России или Японии.

Применительно к Стране восходящего солнца, например, имеется в виду вовсе не послевоенное «экономическое чудо» и даже не «Мэйдзи-исин» второй половины XIX века, а куда более раннее и успешное усвоение жителями этой группы тихоокеанских островов всё той же китайской «континентальной» культуры. У многих исследователей-японистов даже создаётся впечатление, что Страна восходящего солнца в VI–VII веках н.э. «прямоком из неолита» шагнула в развитой феодализм — настолько разителен контраст между периодами Ямато и Асука. Что касается России, то первый известный нам из истории опыт системной модернизации её общества относится к X веку и был связан с принятием православной культуры из уже клонившейся к упадку, но всё ещё великой империи ромеев — Византии. За ней, как известно, последовали «петровская» модернизация конца XVII — начала XVIII века, а затем — и «сталинский рывок» в середине XX столетия.

Китай же на протяжении практически всей своей истории, напротив, выступал в качестве самодостаточного цивилизационного центра, Чжун-го («Срединного государства»), по отношению к которому все остальные народы и государства рассматривались как нечто периферийное, второстепенное и подчинённое — даже несмотря на нередкие случаи перехода политической власти в стране к совершенно чуждым и «варварским» этносам: от монголов до маньчжуров. И только в конце XVIII века Поднебесная впервые столкнулась с основанной на совершенно иных началах, пре-

восходящей её собственный уровень и бурно развивающейся цивилизацией — цивилизацией «белых заморских дьяволов». «Моментом истины» стала уже Первая опиумная война 1840–1842 годов, после бесславного поражения в которой началась прямая колонизация Китая иностранными державами. Конец этим процессам, как отмечено выше, был положен только с окончанием Второй мировой войны: победой коммунистов в гражданской войне и провозглашением Китайской Народной Республики 1 октября 1949 года.

Тем самым возникли политические предпосылки к осуществлению идеи системной модернизации Китая, которая была выдвинута ещё Сунь Ятсеном в 1912 году. Экономические предпосылки к этому начали создаваться в ходе реализации «программы четырёх модернизаций» Дэн Сяопина, провозглашённой в конце 1978 года. И только к середине 90-х, к началу эры глобализации, Китай оказался в состоянии начать фантастический рывок не просто к современному уровню развития, а к уровню одной из мировых сверхдержав.

Подобное «длинное» целеполагание и в целом аксиология системной модернизации КНР тесно связаны с традиционными стратегиями культуры Срединного государства и, скорее всего, являются четвёртой по счёту (но не по значению) фундаментальной особенностью «китайской модели». Исходя из этого факта следует предположить, что так называемая «победа конфуцианства над даосизмом» в традиционной китайской культуре являлась не столько поражением даосского миропонимания как такового, сколько его «закрытием» для масс простонародья в целях упрочения стабильности и повышения управляемости китайского общества.

В этом отношении ещё раз уместно вспомнить апокриф о «шанхайском диспуте» 1902 года. Якобы тогда, после бесславного поражения «боксёрского восстания», в Поднебесную приехала группа английских учёных и философов, чтобы обсудить с китайскими коллегами возможности совмещения «образов мира», и представители победившей стороны в один голос заявляли, что отныне историческая судьба Китая ясна: он безнадежно отстал от Европы, поэтому его ждут колонизация и раздел между ведущими мировыми державами. Выслушав эти тезисы, мудрецы Поднебесной сказали, что подобное развитие событий не исключено, однако по столь серьёзному вопросу не следует делать скоропалительных

выводов. И на вопрос высокомерных британцев, сколько же ещё времени нужно упрямым китайцам для признания очевидных фактов: десять, двадцать или, может быть, пятьдесят лет? — получили ответ в том смысле, что они проявляют излишнюю нетерпеливость, но через сто — сто пятьдесят лет, возможно, некоторые существенные моменты, связанные с данной проблемой, и прояснятся...

Таким образом, главные характеристики процесса системной модернизации Китая можно сформулировать в виде четырёх тезисов.

1. Она впервые в истории была осуществлена применительно к постиндустриальному уровню общественного развития в условиях глобального рынка.
2. Она впервые в истории затронула настолько масштабную человеческую общность — почти полтора миллиарда человек (без учёта «хуацяо», де-юре действующих в рамках других национальных экономик, но де-факто — в рамках китайского модернизационного проекта).
3. Она проводилась впервые в истории самого Китая.
4. Она представляет собой единый процесс, уходящий своими корнями в начало XX века и осуществляемый в соответствии с традиционными стратагемами китайской культуры.

Приведённые выше факты подчёркивают неадекватность распространённых на Западе

и в праволиберальных кругах российского общества скептически негативных оценок китайской модели цивилизационного развития как одной из продвинутых вариаций «карго-культа» не-западных человеческих сообществ «копирующего» типа. Тезис о том, что китайцы всё могут сделать, но ничего не могут придумать, при всей своей мифологичности, до сих пор является фундаментом отношения «коллективного Запада» к Китаю, зеркально отражая другой западный тезис — о том, что русские всё могут придумать, но ничего не могут сделать (за исключением оружия, разумеется).

Именно эти мифологизированные представления стали одной из главных предпосылок для «китайского чуда», поскольку на Западе не опасались предоставлять «тупым старательным кули» доступ к современным знаниям и технологиям, полагая, что это не приведёт к существенному сокращению, а тем более — к быстрой ликвидации Китаем «цивилизационного разрыва».

Тем не менее китайская модель развития, несмотря на все свои достижения, в целом продолжает оставаться «внутри» матрицы «глобального рынка», не выходя за её рамки и неся на себе все присущие этой матрице «родимые пятна». Часть из них, в искажённом виде, широко используется современными критиками Китая — не только западными — в качестве аргументации для своих оценок, а часть замалчивается.

Прежде всего, это ресурсные проблемы, особенно связанные с энергоносителями. Как заявил ещё в начале XXI века один из американских геостратегов, «если полтора миллиарда китайцев переседают с велосипедов на автомобили, здесь (*то есть в США.* — Авт.) всё закончится...». В 1990 году КНР потребила 874 млн тонн условного топлива (ТОЕ), производя 2,124 трлн долл. ВВП по паритету покупательной способности (ППС), а в 2018 году эти цифры составили, соответственно, 3,154 млрд ТОЕ и 25,362 трлн долл. ВВП ППС. Таким образом, энергоёмкость китайской экономики в 1990 году составляла примерно 411,5, а в 2018 году — 124,3 г/\$ (граммов условного топлива на 1 доллар произведённой продукции). Но это — расчёт в текущих ценах, если же считать в сопоставимых ценах 1990 года, то энергоёмкость окажется равной 243,7 г/\$. Для США этот показатель в 1990 году составлял 329,1 г/\$ (5,803 трлн долл.⁵ при потреблении 1,91 млрд ТОЕ⁶), а в 2018 году — 109,8 г/\$ (20,58 трлн долл. при потреблении 2,258 млрд ТОЕ), или 215,2 г/\$ в сопоставимых ценах 1990 года. Учитывая, что реальный сектор экономики (промышленность, сельское хозяйство и строительство) даёт в китайской экономике 56% ВВП, а в американской — всего 20,1%, можно сказать, что при сравнимых природно-климатических условиях энерго-

потребление в США является намного менее производительным и, соответственно, более паразитическим, чем в КНР. Иными словами, оставаясь мировое производство настолько же сосредоточенным в Америке, Европе и Японии, как это было в 1990 году, оно бы росло гораздо медленнее, чем это наблюдалось в действительности.

Таким образом, говорить о ресурсных ограничениях применительно к китайской экономике пока не приходится — тем более что на мировых рынках нефти, газа и особенно угля никакого дефицита нет и в ближайшем будущем не ожидается.

Иное дело — экологические проблемы, которые в современном Китае действительно велики и продолжают обостряться. Но это — не вина Пекина, а общая беда всей современной модели производства/потребления, которая тем сильнее и страшнее, чем больше в той или иной стране развита промышленность низких переделов. Не вдаваясь глубоко в теоретические проблемы экономики, следует заметить, что в рамках отмеченной выше модели продуктом труда признаётся, скажем, выплавленный из руды металл, а отвал пустой породы, возникший в результате того же трудового процесса, продуктом труда не признаётся и с экономической точки зрения как бы не существует. В результате вся

⁵ <http://statinformation.ru/1990-2000/1990magn.html>

⁶ <https://yearbook.enerdata.ru/total-energy/world-consumption-statistics.html>

человеческая цивилизация работает на свалку и пустыню, а попытки создать «зелёную экономику» или хотя бы «зелёную энергетику» оказываются несостоятельными — особенно в глобальном масштабе. Тем не менее в КНР в настоящее время реализуется целый комплекс природоохранных и природовосстанавливающих проектов, включая, например, переход от «угольной» экономики к нефтегазовой и атомной, рекультивацию земель в зоне промышленной разработки месторождений редкоземельных металлов и т.д. — в то время как в современных США экологические нормы и стандарты дрейфуют в сторону ослабления и снижения, что особо наглядно проявилось в истории со «сланцевой революцией».

Третья из «негативных» и подвергаемых всё более жёсткой критике характеристик китайской модели развития — демографическая. По мнению целого ряда экспертов, ограничение рождаемости в рамках политики «одна семья — один ребёнок» привело к замедлению роста численности и общему старению населения КНР, что не сможет не сказаться на темпах экономического роста страны и уже в перспективе ближайших 20–30 лет привести её к экономическому коллапсу. «В 1987 году, в первые дни начинающегося «экономического чуда», 64% населения приходилось на граждан трудоспособного возраста и только 4% на граждан старше 65 лет. Это означало огромный избыток рабочих, способных обеспечить низкочувствительный производственный бум, что привело к росту ВВП в среднем на 10–11% в период с 1987 по 2007 год... Пожилое население Китая (старше шестидесяти) составило 14% в 2016 году и увеличится до 24% к 2030 году, а к 2050 году достигнет 39%... Эта медленно растущая проблема... подрывает всю основу «экономического чуда» Китая. И теперь вопрос заключается в том, сможет ли Пекин пережить проблему старения населения КНР без серьёзных социальных и экономических потрясений», — пишет, в частности, такой авторитетный эксперт-экономист, как У. Энгдаль. Парадокс, но подобные прогнозы делаются в условиях, когда возрастной диапазон эффективной трудоспособности человека и средняя продолжительность его жизни непрерывно растут, а одной из главных проблем современных человеческих сообществ в условиях перехода к новому глобальному технологическому укладу называется формирование «опасного нового класса» — «прекариата», имеющего неполную и кратковременную

трудовую занятость?! Тем более что власти КНР обладают возможностью регулировать основные параметры демографической ситуации в стране.

Ещё одной негативной чертой китайской социально-экономической модели является высочайшая степень её, если можно так выразиться, «коррупциогенности», что заставляет управляющие центры КНР использовать по-настоящему «драконовские» способы борьбы против коррупционеров, вплоть до насильственного вывоза из-за рубежа и массовых казней внутри страны функционеров, уличённых в подобного рода преступлениях. Тем не менее ситуация, когда у 58-летнего Чжана Ци, главы «столичного» для провинции Хайнань Хайкоуского горкома КПК в подвале его дома находят 13,5 тонны золота плюс другие ценности на общую сумму 268 миллиардов юаней (примерно 37,5 млрд долл.), является не каким-то исключением из правил, а, напротив, самым наглядным и ярким проявлением общего правила — примерно таким же, каким в российских условиях стал полковник Дмитрий Захарченко для силовых структур и глава Клинского района Московской области Александр Постригань — для органов местной власти.

Следует подчеркнуть, что, говоря о Китае как цивилизации будущего, мы говорим вовсе не о какой-то идеальной, оптимальной, эффективной или просто желательной модели устройства человечества. Речь идёт только о наиболее вероятной в обозримом будущем доминирующей модели.

Исходя из всей совокупности имеющихся данных китайскому «аттрактору» — по крайней мере до последней трети XXI века — предстоит всё сильнее влиять на остальное человечество. Конечно, это влияние будет осуществляться в иных формах, чем те, которые знакомы нам по недавней эпохе однополярного мира *Raх Americana*, но в любом случае данный процесс не может носить односторонний характер, что становится очевидным уже в процессе реализации проекта «Один пояс, один путь». Нынешнему Красному дракону предстоит не только изменять мир, но и меняться самому. И в этом заключена пятая, пожалуй, самая важная, но по ряду причин почти не обсуждаемая проблема, которую можно определить как формирование новой идентичности китайского общества и китайского государства.

/ Виолетта АРХИПОВА, ЧЖАН Тинтин¹ /

Институты Конфуция: «МОСТ» для реализации гуманитарных обменов

В настоящее время одним из основных направлений российско-китайского сотрудничества является сопряжение проектов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и «Один пояс, один путь» (ОПОП), которые представляют собой объективно обусловленные и взаимовыгодные процессы региональной интеграции и развития. Одним из ключевых факторов эффективности такого сопряжения в любой сфере общественной жизни является взаимопонимание между его участниками. Именно этим обусловлена особая необходимость в развитии гуманитарного обмена, позволяющего найти общие для всех «точки соприкосновения» и сохранять «единство различных». Подобный путь взаимодействия позволяет, следуя заветам Конфуция, «заводить друзей с помощью культуры» и выстраивать «мосты доверия» между народами, сохраняя, говоря словами Н. А. Бердяева, «неразрывную связь с великим прошлым». В настоящей статье представлены размышления авторов о роли и перспективах Институтов Конфуция (ИК) в решении задач укрепления двустороннего и многостороннего сотрудничества.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА

Институты Конфуция представляют собой некоммерческие учебные учреждения, развитием и продвижением которых занимается штаб-квартира ИК «Ханьбань», находящаяся в ведении Министерства образования КНР. В настоящее время в мире действует около 530 ИК, которые справедливо называют «глобальной сетью институтов», объединяющей страны и континенты. ИК функционируют на пяти континентах нашей планеты, кроме Антарктиды (см. рис. 1).

Первый ИК открылся в 2004 году в Республике Корея. Причиной создания этого института стал взрывной экономический рост КНР и усиление её активности на международной арене. По мере роста товарооборота Китая с его торговыми партнёрами росла потребность во взаимопонимании между субъектами хозяйственной деятельности этих стран и, соответственно, в использовании китайского языка.

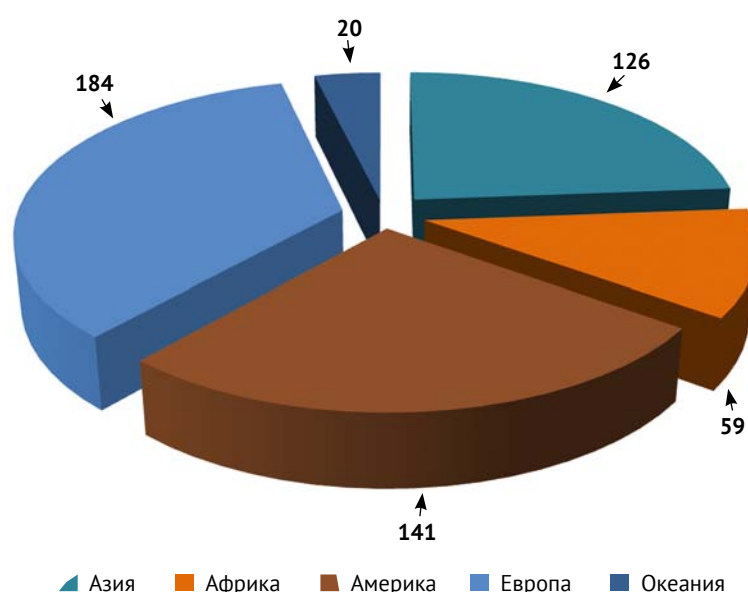

Рисунок 1.
Распространение Институтов Конфуция в современном мире

Таким образом, китайское «экономическое чудо» приобрело и цивилизационный аспект, что стало объективной базой для создания КНР сети Институтов Конфуция по всему миру.

С этой целью КНР обратилась к изучению и заимствованию богатого международного опыта в области создания институтов, нацеленных на распространение в мире того или иного языка, среди которых наибольший интерес вызывают Институт Гёте (Германия), Британский совет (Великобритания), Институт Сервантеса (Испания) и другие (см. табл. 1).

Рассматривая ИК в качестве инструмента международного гуманитарного обмена, китайское государство регламентирует их функционирование в ряде официальных документов. К числу таковых относится, например, постановление «Деятельность по сотрудничеству в области образования в рамках совместного строительства «Одного пояса, одного пути», план «Модернизации образования КНР до 2023 года» и «Ускорение реализации плана модернизации образования (2018–2022)». Предполагается, что с развитием инициативы ОПОП будет происходить увеличение количества стран, заинтересованных в сотрудничестве с КНР, и, соответственно, рост изучения китайского языка в мире, одной из форм которого являются ИК.

¹ АРХИПОВА Виолетта Валерьевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики РАН. ЧЖАН Тинтин — младший научный сотрудник отдела международных исследований Института финансовых исследований «Чуньян» Китайского народного университета (RDCY).

Институты	Количество	Год открытия
Институт Конфуция (Confucius Institute)	530	2004
Институт Гёте (Goethe Institute)	157	1919
Школа Сёджон (King Sejong Institute Foundation)	180	2012
Японское агентство международного сотрудничества (Japan International Cooperation Agency)	96	2003
Британский культурный совет (British Council)	230	1935
Институт Сервантеса (Institute Cervantes)	Более 70	1991
Союз французского языка (Alliance Francaise)	1040	1883
Центр русского языка	Более 106	2007

Таблица 1.
Институты по распространению национальных языков в мире².

КНР активно использует международный опыт в развитии ИК, однако китайские институты характеризуются в том числе и собственной спецификой. Например, это проявляется, главным образом, в уровне кооперации между принимающей и китайской сторонами. «Ханьбань» выделяет финансовые средства, участвующий в организации китайский вуз подбирает преподавателей и готовит учебные материалы и документы, а принимающая сторона в лице местного университета выделяет площадку для обучения и служебные кабинеты.

Согласно официальным заявлениям китайской стороны, Институты Конфуция действуют, исходя из принципов уважения к культуре и обычаям принимающей страны, учитывают её замечания и мнение в процессе своей работы. Иностранные вузы добровольно подают заявку на открытие и регистрацию ИК, руководство ИК всегда осуществляется как иностранным, так и китайским директорами. Более того, на работу в ИК всегда приглашаются преподаватели с иностранным гражданством, на должном уровне владеющие китайским языком и знакомые с культурой КНР. Необходимо подчеркнуть, что население Китая и, соответственно, число носителей китайского языка как родного достигло 1,4 млрд человек и является крупнейшим в мире. Кроме того, численность китайской диаспоры (хуацяо) за рубежом оценивается

в 50–60 млн человек. Увеличение во всем мире числа людей, владеющих китайским языком, не только способствует росту связности человеческой цивилизации в целом и сохранению её внутреннего многообразия, но также диалогу, взаимодействию и взаимообогащению мировых культур, одной из которых является пятитысячелетняя китайская культура.

По сути, китайский язык выступает не только инструментом для общения и взаимопонимания, но и ключом к познанию национальной культуры КНР. Именно с этой целью студентам ИК предлагается научиться писать иероглифы специальной кисточкой, играть на традиционных китайских музыкальных инструментах (таких как гучжэн, эрху, пипа) и так далее, заниматься изучением тайцзи, освоить китайские национальные танцы и песни или приготовить блюда китайской кухни (например, пельмени хого).

Для того чтобы стимулировать и поощрять талантливых и трудолюбивых студентов, Ханьбань проводит всемирный конкурс «Мост китайского языка» в качестве платформы для демонстрации достижений в изучении китайского языка. Кроме того, как и другие международные институты по распространению языков, ИК предлагает своим студентам учиться в Китае, получая комплексные стипендии, включающие в себя бесплатное проживание, медицинское страхование и денежное пособие в размере 2500–3500 юаней (355–450 долл.) ежемесячно.

Практика финансирования ИК основывается преимущественно на государственной поддержке и грантах Ханьбань (здесь также учитывается международный опыт). Однако по сравнению с другими подобными институтами ИК имеют сравнительно недолгую историю развития и в значительно большей степени зависят от государственной поддержки, чем иностранные аналоги — например, Британский совет, объём собственных средств которого в общей структуре доходов составляет 75% и который имеет существенную спонсорскую поддержку: со стороны как корпораций, так и физических лиц.

Необходимо отметить, что с самого начала реализации программы ИК некоторые западные эксперты и СМИ позиционируют эти институты в качестве инструментов не столь-

² Источники данных: <http://cis.chinese.cn/Account/Proceduresfor>; <https://www.goethe.de/en/wwt.html>; <https://www.britishcouncil.org>; <https://www.ksif.or.kr/ste/ksf/hkd/lochkd.do?menuNo=31101100>; https://www.jica.go.jp/english/publications/jica_archive/brochures/pdf/newjica_e.pdf; <https://exames.cervantes.es>; <http://www.afchine.org/zh-hans>; <https://www.rki-site.ru/?yclid=5405913522026090338>.

ко гуманитарного обмена, сколько «мягкой силы» со стороны Китая. Таким образом, ИК преднамеренно выделяются из всего многообразия учреждений по распространению национальных языков и культур за рубежом, в отношении которых, кстати, подобные обвинения не выдвигаются.

На Западе волна критики в адрес ИК поднялась еще в начале 2010-х годов, как раз в период активного расширения глобальной сети этих институтов и бурного роста экономического потенциала КНР. В вину ИК, их китайским кураторам и вузам-партнёрам вменялись такие «грехи», как совершенствование и применение «инструментов экспансии», «промывание мозгов» обучающимся, вербовка молодёжи и подрыв авторитета принимающих стран, политическая пропаганда, шпионаж посредством проникновения через учащихся и преподавателей в различные круги общества принимающей страны, использование элементов психологического давления (в число прочих входят, например, методы «навязывания» идей, лишение свободы мысли и воли) и т.п. Эти обвинения в адрес ИК и Китая звучали в США, Канаде, Японии, Австралии и Швеции, где отмечались случаи приостановки деятельности и даже полного закрытия ИК.

Таким образом, реализация проекта ИК на международной арене выглядит в настоящее время как максимально политизированный аспект двустороннего и многостороннего сотрудничества КНР с другими странами мира, требующий укрепления соответствующей законодательной базы при обоюдном контроле и регулировании деятельности Институтов Конфуция одновременно и в принимающем государстве, и в самой КНР.

ИНСТИТУТЫ КОНФУЦИЯ В РОССИИ

В России налицо значительный и непрерывно растущий интерес к китайскому языку и культуре. В целом по стране, согласно данным «Российской газеты», Рособнадзора и Тихоокеанского государственного университета, в начале 2016 года количество россиян, изучающих китайский язык, составило порядка 40 тыс. человек. На 2018 год число школьников, изучающих китайский язык в 24 регионах России, оказалось свыше 17 тыс. человек, около 20% из которых — учащиеся старших классов. Более того, в 2019 году был впервые проведен единый государственный экзамен (ЕГЭ) по китайскому языку.

Отношения между двумя странами, которые характеризуются на высшем уровне как «при-

вилегированное стратегическое партнёрство», также создают благоприятную среду для деятельности Институтов Конфуция на территории России.

Первый российский Институт Конфуция был открыт 21 октября 2006 года во Владивостоке на базе Дальневосточного федерального университета в партнёрстве с Хэйлунцзянским университетом КНР, последним по времени открытия — Институт Конфуция в Новосибирском государственном университете, созданный в 2018 году на базе проекта «Класс Конфуция НГУ», осуществлявшегося с 2008 года в партнёрстве с Синьцзянским университетом (г. Урумчи).

При наличии определённой степени унификации всех Институтов Конфуция, которая проявляется, прежде всего, в организации их работы и поставленных перед ними целей и задач, практически каждый российский ИК обладает своим исключительным и уникальным свойством.

Так, ИК г. Владивостока дважды был отмечен в качестве одного из лучших в мире (2008, 2009) и в 2008 году одним из первых провёл квалификационные экзамены на знание китайского языка среди детей по программе УСТ. Подобная практика, бесспорно, представляет собой сложный социально-институциональный эксперимент.

Уникальность ИК МГУ им. М.В. Ломоносова заключается в комплексном подходе к обучению и подготовке соответствующих программ и вспомогательных материалов, что характерно для данного вуза в целом. Таким образом, это пример того, как отличительная особенность российского университета переносится на внедрённый в имеющуюся структуру институт и становится новым атрибутом последнего. Московский РГГУ имеет статус своеобразного «связующего звена» для Институтов Конфуция в РФ, создающего площадку для институционального общения (например, в форме конференции) и PR.

Практика, реализуемая в г. Санкт-Петербурге, показывает, как на базе ИК и Школ Конфуция можно выстроить целую институциональную «цепочку» взаимодействия. Кроме того, именно здесь особое место в системе информационной поддержки занимает журнал «Институт Конфуция».

В целом в России к настоящему времени действуют 16 ИК (не считая Классов и Школ Конфуция), это второй показатель среди стран Европы после Великобритании. Три из них в настоящее время базируются в Москве, остальные — в Благовещенске, Владивостоке, Волгограде, Екатеринбурге, Иркутске, Казани, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Рязани, Санкт-Петербурге, Томске, Улан-Удэ и Элисте.

Таким образом, географически 8 российских ИК расположены в азиатской части страны (если считать Екатеринбург преимущественно расположенным в Азии), а 8 — в европейской.

Для сравнения: на территории бывшего СССР за пределами РФ в настоящее время действуют 24 ИК, 6 из них открыты на Украине, по пять — в Казахстане и Беларуси, четыре — в Киргизии и по одному — в Армении, Азербайджане, Таджикистане и Узбекистане.

Инициатива «Пояса и пути» предоставляет Институтам Конфуция ещё более благоприятную возможность для стратегического развития. Осенью 2013 года в ходе своих визитов в Казахстан и Индонезию председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул идеи совместного строительства «Экономического пояса Шёлкового пути» и «Морского Шёлкового пути XXI века», неотъемлемой составной частью которых является культурный диалог между государствами «Пояса и пути». Однако применительно к Институтам Конфуция в России эти возможности пока используются далеко не в полной мере (см. табл. 2).

Как можно видеть, подавляющее большинство российских ИК было открыто до 2011 года, причём ровно половина из них — в 2007 году. И это далеко не случайное распределение, которое вызвано целым комплексом проблем.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ КОНФУЦИЯ В РОССИИ

Россия, как отмечено выше, не входит в число стран — ярых критиков и противников сети ИК, стремящихся ограничить её деятельность и распространение. Однако, справедливости ради, стоит отметить несколько инцидентов, возникших с этими институтами в российских условиях. Так, согласно данным информационного агентства ARD (Asia Russia Daily), в истории российских ИК имели место прокурорская проверка центра в г. Новосибирске, которая выявила определенные нарушения закона, и «пресечение деятельности» Института Конфуция в г. Якутске³.

В данной связи следует заметить, что Институты Конфуция — это сравнительно «молодая» структура, опыт работы которой ограничен полутора десятками лет, и в настоящее время в КНР рассматривается вопрос о её существенной реформе, призванной устрани-

Год	Количество	Месторасположение
2006	1	Владивосток
2007	8	Благовещенск, Иркутск, Казань, Москва — 2 (РГГУ, МГУ), Санкт-Петербург, Улан-Удэ, Элиста
2008	2	Екатеринбург, Томск
2009	—	
2010	1	Рязань
2011	3	Волгоград, Москва (МГЛУ), Нижний Новгород
2012	—	
2013	—	
2014	—	
2015	—	
2016	—	
2017	—	
2018	1	Новосибирск

Таблица 2.
Динамика открытия Институты Конфуция в России

нить подобные инциденты в будущем. Исходя из наличного опыта российских ИК, следует отметить следующие «проблемные зоны».

Высокая стоимость обучения

Несмотря на самопозиционирование Институты Конфуция как центров, предоставляющих качественное и доступное образование, в реальности «доступность» предлагаемых услуг является условной. Для доказательства данного тезиса авторы провели простой сравнительный анализ ценовой политики московских ИК на основе полевого исследования, проведённого в середине сентября 2019 года.

В результате выяснилось: средняя стоимость обучения в семестр по состоянию на середину сентября 2019 г. в ИК г. Москвы в составе взрослой группы для начинающих оценивается примерно в 38 666 руб. (для начинающих детской группы — 35 500 руб.). Для расчёта обучения в месяц необходимо разделить указанную сумму для взрослого на шесть или на четыре месяца (учитывая только рабочие месяцы). В итоге получается около 6444 руб. и 9666 руб. соответственно. Для сравнения: минимальный размер оплаты труда (МРОТ) в г. Москве, согласно соответствующему постановлению правительства г. Москвы от 10 сентября 2019 г. № 1177-ПП, составляет 20 195 руб. для трудоспособного

³ <http://asiarussia.ru/articles/4494/>

населения и 15 225 руб. — для детей. В итоге сумма расходов в месяц на изучение китайского во взрослой группе по категории «начинающие» оценивается более чем в 30% от МРОТ.

Готовы ли жители Москвы и ближайшего Подмосковья тратить такие средства? Большая доля россиян, овладевающих китайским языком, включает студентов и школьников. Таким образом, семьи потенциальных потребителей услуг ИК нередко будут вынуждены оплачивать не только их обучение в вузах (платных лицеях, гимназиях и т. п.) и/или подготовку к учебному процессу, но и нести дополнительные расходы на образовательный «продукт», относящийся к категории так называемых «факультативных» курсов или занятий «по интересам».

Неимплементированный пакет образовательных услуг

К сожалению, довольно сложно дать объективную оценку работы ИК — хотя бы на примере показателя качества предоставляемого ими образования и на его основе провести сравнение с другими подобными институтами — поскольку в России не сформированы должного уровня внутренние системы контроля за функционированием ИК и соответствующая нормативно-правовая база, регулирующая их деятельность и оценку этой деятельности на территории страны⁴.

В частности, налицо несоответствие между ожиданиями российских потребителей услуг ИК и реальностью. Название «Институт Конфуция», как правило, ассоциируется непосредственно с наследием этого китайского мыслителя. Несмотря на то что ряд ИК размещает на своих сайтах материалы, посвященные Конфуцию⁵, его учение не занимает сколько-нибудь значимого места в образовательных процессах ИК. С другой стороны, под флагом «наследия Конфуция» могут предприниматься попытки «навязывания» современных ценностных ориентиров и поведенческих моделей⁶ со стороны Китая.

Здесь необходима серьёзная совместная работа китайской и российской сторон по совместимости образовательных программ ИК с национальными стандартами РФ и имплементации.

«Закрытость» деятельности Институты Конфуция

С указанной выше проблемой коррелируют и вопросы, относящиеся к проблемам взаимодействия ИК и принимающей стороны, в данном случае — любого из российских вузов, партнёром которого по проекту ИК выступает тот или иной китайский университет (например, Пекинский — для МГУ им. М. В. Ломоносова, Хэйлунцзянский — для ДВФУ, Тяньцзинский — для ВГСПУ).

Многие действующие ИК остаются закрытыми «чёрными ящиками», что, вообще говоря, не соответствует их публично заявленным целям, которые предполагают открытость и активное взаимодействие.

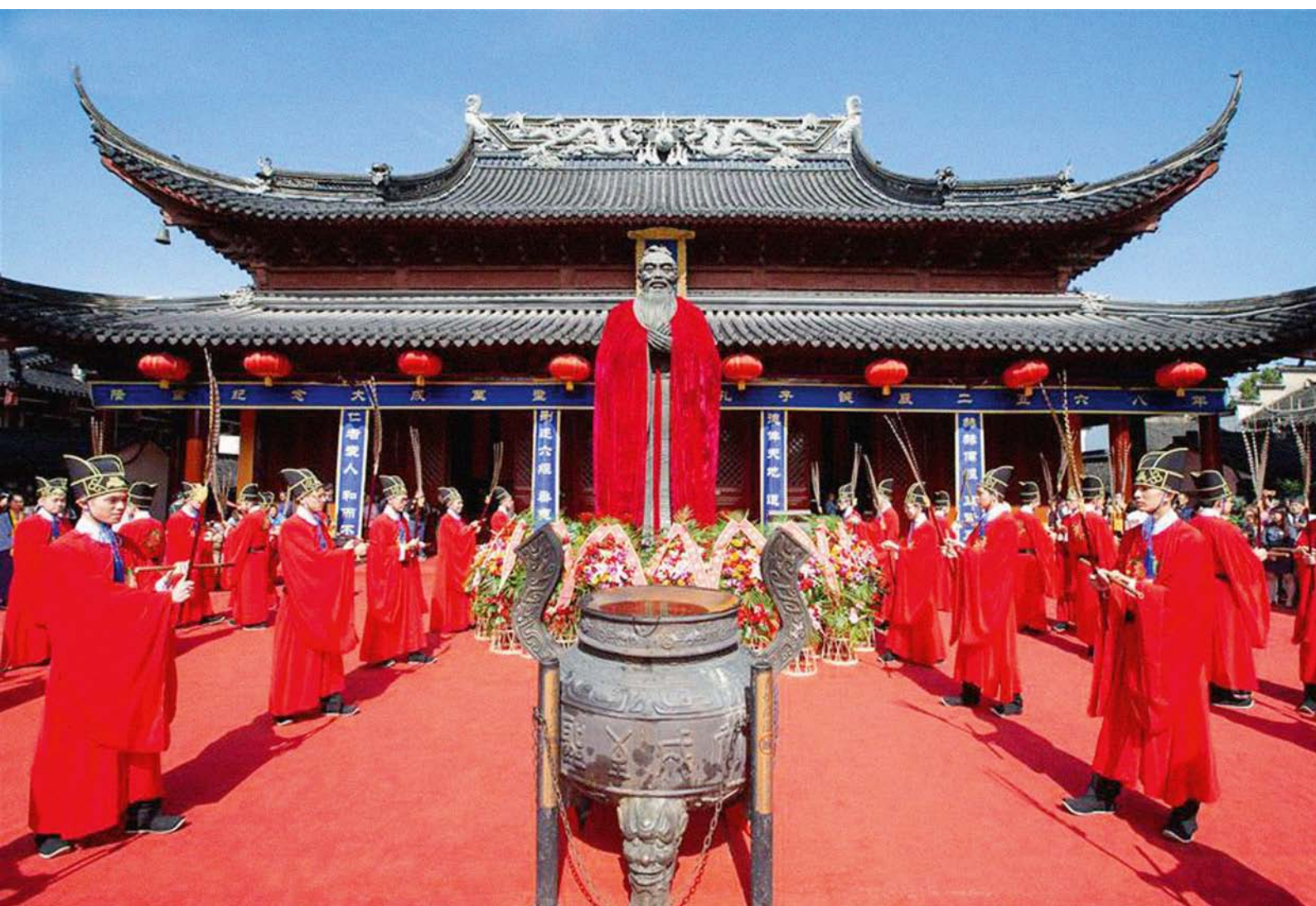
Так, ряд сотрудников ДВФУ отмечает, что за 13 лет существования ИК на базе их вуза системное внутреннее общение между этим институтом и рабочим коллективом их организации крайне слабо налажено, общая информация о его деятельности известна только на основе соответствующих данных сайта ИК.

Поэтому многие потенциальные участники проекта ИК в РФ не торопятся создавать у себя такие институты, а выбирают по отношению к ним тактику пассивного наблюдения. По нашему мнению, это происходит потому, что, во-первых, российские участники стараются избежать проблемы «неблагоприятного отбора» институтов. Во-вторых, из-за неясности и непонимания потенциальной принимающей стороной выгод и угроз от работы с ИК, что, вероятно, является следствием недостаточности информации о подобных центрах. В-третьих, может сказываться критика ИК со стороны западного академического и университетского сообщества. В-четвёртых, следует учитывать особенности экономической ситуации в России как стране, находящейся под финансовыми санкциями. Наконец, немаловажную роль играет категория «спроса» именно на услуги ИК. Для того чтобы его оценить, необходимо проведение соответствующего исследования (например, опрос населения и российских вузов, анализ конкурентной среды для учреждений, предоставляющих возможность изучать китайский язык в РФ, анализ эффективности действующих ИК с созданием системы репрезентативных показателей и т. п.).

⁴ Самойлов М.П., Лобанов Е.А. «Правовое регулирование деятельности Институтов Конфуция в России». — *Juvenis scientia*, 2017, № 6.

⁵ <http://confucius-vspu.ru/confucius-institute/confucius/>

⁶ Михневич С.В. «Мудрец помогает Поднебесной: развитие сети Институтов Конфуция как инструмент реализации политики «мягкой силы» КНР в Большой Восточной Азии». *Вестник международных организаций*, 2015, т. 10, № 1.

Ещё одной «проблемной зоной» является вольная или невольная нетранспарентность деятельности Институтов Конфуция, поскольку открытие ИК в России не предполагает возможности «зеркального» открытия центров изучения русского языка и культуры в КНР. А такую возможность, на наш взгляд, следует хотя бы предусмотреть, прежде всего — на уровне межгосударственных соглашений.

Проект ИК является составной частью и является одним из способов реализации стратегии Китая под названием «Идти вовне», направленной на повышение открытости и привлекательности современного китайского общества во всём мире. Первый этап развития глобальной сети Институтов Конфуция, охватывающий период 2002–2008 гг., характеризовался стремительным ростом количественных и качественных показателей их деятельности. На период 2009–2018 гг. приходится всплеск критики ИК со стороны западных стран и «су-

жения» их рабочего пространства, что является одним из проявлений кризисного и конфликтного потенциала в современном мире (практика установления санкционных режимов в международных отношениях, «торговая война» между США и КНР и т.п.).

2019 год, на наш взгляд, открывает новую страницу в истории Институтов Конфуция, связанную с практической реализацией интеграционных процессов на пространстве Большой Евразии. Ожидается, что после всеобъемлющей реформы ИК эти структуры смогут стать важным инструментом гуманитарного взаимодействия, в том числе — сопряжения проектов ЕАЭС и ОПОП. Результаты недавней встречи глав правительств России и Китая показали, что теме гуманитарных обменов отводится особое место в сотрудничестве двух наших стран: он определён в качестве одного из пяти ключевых направлений такого сотрудничества, которое, вне сомнения, ожидает большое будущее.

/ Валерий КОРОВИН /

Россию и Китай уже не остановить

70-летие создания КНР проходит на фоне триумфального прорыва в области строительства многополярного мира, а также невиданного доселе взаимодействия и доверия между Китаем и Россией.

Мир преодолел так называемый «однополярный момент», как назвал его на пике американского могущества публицист Чарльз Краутхаммер, и перешёл в фазу необратимых трансформаций в сторону вектора многополярности. И в новом много-

полярном мире именно Китай и Россия, в чём уже нет никаких сомнений, будут играть главную роль — как государства, лежащие в центре двух ключевых цивилизаций грядущего многополярного мира: азиатско-тихоокеанской и евразийской.

Тем интереснее узнать позицию китайской стороны, выявить обратную связь от ведущих китайских экспертов, политологов и учёных. У автора данных строк была уникальная возможность лично пообщаться со многими китайскими экспертами, из первых уст услышать их оценки мировых процессов и наших двухсторонних отношений, чем непременно стоит поделиться для формирования полноты картины. Ибо мы всё ещё находимся в плену множества мифов о Китае, сотворённых нашими западными (прежде всего американскими) «партнёрами» и их отечественными единомышленниками с одной лишь целью — столкнуть нас, двух главных оппонентов Запада, друг с другом.

ГАРМОНИЯ ПРИ СОХРАНЕНИИ РАЗЛИЧИЙ

Один из главных политических аналитиков КНР в сфере международных отношений, председатель Фонда по изучению вопросов реформ и развития CITIC, а по совместительству — один из китайских миллиардеров Кун Дань (孔丹), оценивая нынешнюю картину мира и роль своей страны в становлении многополярной модели, делает акцент на полном устранении американского гегемонизма как явления: «Китай выступает за демократизацию международных отношений», — имея в виду равноправие основных цивилизационных центров, отсутствие тоталитарного давления со стороны одного государства на другие, открытость и прозрачность принимаемых решений, касающихся всех.

Здесь важно отметить, что в многополярной модели мира, где Россия выступает в качестве центра евразийской цивилизации, а Китай — азиатско-тихоокеанской, США — это также один из центров, в данном случае американского «цивилизационного полюса». Один, но не единственный — и в этом принципиальное отличие от той картины мира, которую пытались навязать

человечеству Соединённые Штаты после крушения советского блока. В этом суть той самой «демократизации», о которой говорит Кун Дань, коль уж США так активно выступают за «демократию» во всём мире. Никакого одностороннего диктата — только многостороннее согласование и консенсус относительно важнейших вопросов, касающихся судьбы всего человечества.

Оценивая роль России в этой демократизации, Кун Дань отмечает, что возможности у Китая и России на мировой арене разные, поэтому и сферы ответственности отличаются: «Китай — это, в первую очередь, экономика, инвестиции, производственные мощности; Россия же — международная безопасность, баланс сил, урегулирование сложных ситуаций в глобальной военно-политической сфере». При этом и Пекин, и Москва, в меру имеющихся возможностей и компетенций, отвечают преимущественно за «свою» сферу — в этом по мнению китайской стороны и проявляется максимальная демократичность: распределение ответственности при равноправии основных геополитических игроков.

Отдельно председатель Фонда CITIC останавливается на основных аспектах построения многополярного мира, определяя как главные, магистральные направления «различия в стратегической культуре». То есть следует понимать, что подходы к выработке глобальных стратегий у Китая, России и Запада — различные, и ни одна из этих цивилизаций не имеет никаких оснований на то, чтобы объявлять себя доминирующей. У нас разная политическая культура, и это не минус (таковым он может рассматриваться лишь с точки зрения одной из цивилизаций), а плюс, т. к. учитывает всё многообразие подходов государств и народов, входящих в тот или иной цивилизационный полюс.

Стратегическая культура у народов Евразии — одна, у народов Азиатско-Тихоокеанского региона — другая, а Америки и Запада — тре-

тья, каждая из них имеет свою точку зрения, одинаковый вес и влияние, внося свою уникальность в общую картину мира. Сам этот принцип учёта цивилизационного многообразия при решении глобальных проблем господин Кун Дань определяет формулой «Гармония при сохранении различий». Собственно, только так, «при сохранении различий», и можно достигнуть гармонии. Всё остальное: в первую очередь, попытка навязать свою волю всем остальным, что и пытались реализовать ангlosаксы после крушения СССР, — приводит лишь к обострению конфликтов во всех регионах планеты. В нынешней ситуации — к отторжению американского волюнтаризма со стороны большинства государств и народов и, в конечном итоге, к глобальной дисгармонии. Что мы все сегодня и наблюдаем.

Однако следование своим культурным и цивилизационным кодам совершенно не означает игнорирование Китаем иных цивилизационных кодов и стратегических культур. «Китай учится взаимодействию с Западом», — отмечает товарищ Кун, однако этот интерес и стремление познать своего собеседника не должны носить односторонний характер.

Цивилизации, как убеждены в Китае, должны познавать друг друга, искренне и со взаимным интересом, однако это не означает какого-либо безусловного принятия чужих цивилизационных кодов, как не предусматривает и навязывания своих подходов и особенностей другим. Каждая цивилизация, народ, государство сами решают, что и как им заимствовать, а что нет, и этот процесс может быть только и исключительно добровольным. Навязывание западных подходов всем остальным в этом смысле является абсолютно неприемлемым, какими бы благими посылами оно не обосновывалось.

В первую очередь, считает Кун Дань, взаимодействие цивилизационных полюсов должно происходить на уровне интеллектуалов, на уровне

научного и экспертного сообществ, а в этом плане взаимоотношения между Россией и Китаем оставляют желать лучшего. «Между аналитическими центрами [России и Китая] на сегодня пока ещё довольно слабое взаимодействие», — говорит он. В состав Фонда по изучению вопросов реформ и развития CITIC входят 300 самых известных экспертов, которые вместе создали самый большой аналитический центр в Китае, и они, как утверждает Кун Дань, готовы к совместным интеллектуальным действиям.

Готова ли Россия?

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, А НЕ ГЛОБАЛИЗМ

И всё же акцент на цивилизационных отличиях и на различиях в стратегической культуре между Китаем и Западом совершенно не означает, что в Китае отрицают глобализацию. Как раз наоборот. Однако понимают её там совершенно иначе, нежели на Западе. Основные различия в представлениях относительно глобализации подчёркивает вице-председатель Шанхайского института стратегических исследований «Чунью» (Chunqiu) Ли Эрик Сун (李世默). По его словам, под глобализацией в Китае подразумевают исключительно экономическую глобализацию и ни в коем случае не политический глобализм. Таким образом, из слов Ли Эрика Суна не сложно заметить, что в Китае разделяют два понятия: «глобализацию» как сугубо экономический процесс — и «глобализм», подразумевающий политическое и геополитическое доминирование Запада. «Смысл есть только в экономической глобализации, а не в глобализме», — подчёркивает китайский учёный.

Вместе с тем Ли Эрик Сун убеждён в том, что мир сегодня наблюдает неизбежный «коллапс системы глобализма». Американское цивилизационное доминирование в мире терпит крах. США теряют союзников, а очарование Западом сменилось

неприязнью и даже откровенной ненавистью. Никто больше не согласен с американской исключительностью, и только вопрос времени — когда США погонят отовсюду.

Отсюда резкие и неуклюжие действия со стороны американских элит, ошибки, неосторожные заявления и, как следствие, ещё большее усугубление ситуации. Одной из главных таких ошибок вице-председатель Шанхайского института «Чунью» считает торговую войну, которую США развязали против Китая. Источником этой войны эксперт видит внутренний разлад в элитах США, нарастающие противоречия и нежелание смириться с очевидным: Китай уже стал одной из крупнейших экономик мира и скоро займёт первое место даже по номинальному объёму ВВП в долларах.

«Китайско-американская торговая война спровоцирована войной элит внутри США», — считает Ли Эрик Сун и объясняет, к чему стремятся эти элиты: «Их цель — Китай не должен подняться». Впрочем, если оценивать реальный рост экономики Китая, то американцы спохватились чересчур поздно. Единственное, что они ещё могут успеть, — вернуть часть своего производства на территорию США. А вот остановить рост Китая — это уже вряд ли. Ибо сделать это можно, лишь подчинив Китай своей геополитической воле, включив его в свой, американский глобалистский проект на вторых или даже на третьих ролях. Впрочем, как утверждает Ли Эрик Сун, в Китае вовремя распознали этот замысел и предприняли усилия к тому, чтобы вновь не стать колонией Запада, как это уже случалось в истории. «К счастью, в Китае мы успешно адаптировали экономическую глобализацию [под свои интересы], не попав в ловушку глобализма», — подчёркивает Ли Эрик Сун.

Этот путь Китай предлагает и другим странам, стремящимся вырваться из-под навязчивой американской опеки. И таких стран с каждым днём становится всё больше.

Ибо, глядя на то противостояние, которое нарастает сегодня внутри самих США, уже мало кто верит в идею благой Америки и её уникальный исторический опыт развития.

Как утверждает заместитель генерального секретаря Фонда по изучению вопросов реформ и развития CITIC Ван Сянсуй (王湘穗): «Америка сама разбивает свои ценности», которые уже перестали быть привлекательными не только за пределами США, но и в самой Америке. Не зря Мао Цзэдун охарактеризовал США как «бумажного тигра», напоминает другой китайский эксперт, директор Института Китая в Фуданьском университете Шанхая Чжан Вэй (张卫). Стоит только перестать верить в американское «могущество», как оно поникнет и перестанет пугать человечество.

Главное же, что осуществили на сегодня Россия и Китай, — они сделали процесс слома глобалистского проекта необратимым, сформулировав и начав реализацию многополярной альтернативы мироустройства. Китай осуществил это в области экономики, вырвавшись из зоны так называемой экономической «периферии», куда Запад загнал все бывшие социалистические страны после распада Советского блока, отмечает Чжан Вэй. Россия же, в свою очередь, сломала монополию Запада и США на абсолютное и безусловное силовое доминирование в мире, отстояв суверенитет Сирии, остановив тем самым американскую машину десоверенизации, которая забуксовала в ближневосточных песках, встала и больше не способна сдвинуться с места.

РЕАЛЬНАЯ МНОГОПОЛЯРНОСТЬ

В мае 2019 года в Шанхае заработала фондовая площадка для технологических компаний Star Market. За дебютную сессию биржи котировки акций участвовавших компаний выросли в среднем на 140%. За год до этого председатель КНР Си Цзиньпин объявил о планах создания

китайского аналога американской биржи Nasdaq. И это уже не первая альтернативная экономическая площадка, бросающая вызов монополии Запада в целом и США в частности.

В союзе с Пекином Москва активизирует работу над созданием «альтернативного интернета». На площадке ООН подготовлен свод правил поведения государств в интернете — «киберкодекс», запрещающий, в частности, использовать информационно-коммуникационные технологии «для вмешательства во внутренние дела других государств и в целях подрыва их политической, экономической и социальной стабильности».

Ранее странами БРИКС создан Новый банк развития (НБР), альтернативный западному т.н. Всемирному банку. К слову сказать, как отмечает заместитель генерального секретаря Фонда по изучению во-

просов реформ и развития СІТІС Ван Сянсуй (王湘穗), только лишь Банк развития Китая имеет кредитные перспективы в 30–50 лет. Помимо этого развиваются альтернативные интеграционные площадки, одной из крупнейших среди них стала Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), оборонные блоки, включая ОДКБ, другие евразийские интеграционные структуры.

Можно сколько угодно ставить под сомнение состоятельность и влияние подобных инициатив, но в любом случае всё это — уже совсем не то, что было ещё двадцать лет назад, когда западный глобализационный проект подавался (и, соответственно, очень многими воспринимался) как единственно возможный и безальтернативный для будущего человечества. Сегодня же можно констатировать, что «однополярный момент» завершён, и создание аль-

тернативных западному глобализму структур идёт полным ходом, что неминуемо разворачивает мир в сторону многополярного проекта, главными инициаторами и катализаторами которого являются Россия и Китай. Причём столь плотное взаимодействие между этими странами стало возможным только благодаря тому, что в какой-то момент руководство РФ во главе с президентом Путиным начало разворот от бездумного следования за Западом в рамках глобалистского проекта, что происходило в 1990-х, к реализации собственного, евразийского проекта. И это принципиальный момент.

С зависимой, не суверенной, интегрированной в глобалистские структуры, подчинённой Западу Россией не только Китай, но вообще никто в мире не хотел иметь дело. В том числе и наши бывшие союзники по Советскому блоку. Ибо в этом

не было смысла: зачем для интеграции в Запад нужна Россия, которая сама так отчаянно стремилась туда после падения СССР, если в глобализационный проект легче интегрироваться поодиночке, напрямую?

ОБЩИЕ ЦЕЛИ

Одним из знаковых событий в складывающихся на наших глазах российско-китайских отношениях стал государственный визит в РФ председателя КНР Си Цзиньпина 5–7 июня 2019 года, который прибыл на Петербургский экономический форум во главе делегации, состоявшей из тысячи человек. Уже в первый день этого визита главы двух государств подписали совместные заявления «о развитии отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия» и об «укреплении глобальной стратегической стабильности».

За сухими формулировками данных соглашений кроется ни много ни мало новая картина мира. Начнём с «укрепления глобальной стратегической стабильности». По мнению китайской стороны мир стал стратегически нестабилен в тот момент, когда Советский Союз распался, а США объявили себя единственными «хозяевами мира», перестав считаться с остальными государствами, будь то союзники, нейтральные силы или кто угодно ещё. Так называемый «Новый мировой порядок» по-американски один из крупнейших учёных, директор Института Китая в Фуданьском университете Шанхая Джан Вэйвэй описывает с помощью модели мир-системного анализа Иммануила Валлерстайна. В центр «Нового мирового порядка» был поставлен сам Запад, обозначенный как «цивилизация», с его ядром — США. Остальные были отнесены к периферии, в том числе — и Китай.

Правда, в теории ныне покойного Валлерстайна, выдвинутой ещё в эпоху холодной войны, существовала и «полупериферия», так называемый Второй мир, куда входили в основном индустриально развитые социалистические страны. Но в течение последующих двух десятилетий, как отмечает Джан Вэйвэй, «с помощью «цветных революций» Запад перевёл страны социалистического лагеря — второго полюса (полупериферия, по Валлерстайну) — в периферийный статус». А судьба периферии, в картине Запада, невидна — это, попросту говоря, статус колонии, которую центр использует в своих интересах, выкачивая оттуда всё более-менее стоящее и ценное.

И так, наверное, всё бы и продолжалось по сей день, если бы не одно но. «Дэн Сяопин позаимствовал нэп у Ленина», — отмечает Вэйвэй, после чего, по его мнению, Китай и осуществил мощный цивилизационный

рывок. В результате серьёзных экономических трансформаций «Китай избавился от этой системы, выйдя из состояния периферии. Теперь Китай является ещё одним центром, что уже само по себе ломает однополярную модель». В изменившейся картине мира «Китай стал самостоятельным полюсом. И этим полюсом может пользоваться весь незападный мир», — утверждает китайский учёный.

Примерно в тот же самый момент начала пробуждаться и Россия, которая за весьма короткий, если оценивать его в исторических масштабах, срок вернула себе статус крупного геополитического игрока, вновь претендуя на роль мировой державы. Тем самым — в дополнение к китайскому Азиатско-Тихоокеанскому полюсу — в мире начал складываться ещё один полюс — Евразийский, с центром в России, что сделало процесс становления многополярного мира необратимым.

Путь к глобальной мировой устойчивости по мнению китайской стороны лежит через диверсификацию центров развития и принятия решений, когда не один, а несколько цивилизационных полюсов на основе консенсуса принимают глобальные решения. «Укрепление глобальной стратегической стабильности» в этом смысле заключается в подписании соглашения между Россией и Китаем, как уже сформировавшимися цивилизационными полюсами, договора о содействии формированию таких же «центров силы» нового многополярного мира в других регионах нашей планеты.

ПРОРЫВ ОТ ПЕРИФЕРИИ К ЦЕНТРУ

Но началось всё по мнению китайской стороны именно с прорыва Китая из среды «периферии» к ещё одному, второму полюсу, позиции которого утратила Россия в момент распада СССР, что, как считают в Китае, совсем не являлось обязательным условием для системной

модернизации советского общества. Ведь в Советском Союзе вполне можно было провести реформы без разрушения, как это сделал сам Китай. Например, перейдя от сугубо плановой к многоукладной экономике. То есть осуществить постепенные социальные и идеологические трансформации, а не сносить всё разом.

Теперь же, когда усилиями Китая и России «однополярный момент» сведен практически к нулю, самое время закрепить тенденцию к многополярности, подписав соответствующие соглашения, что и было сделано Владимиром Путиным и Си Цзиньпином. Это и есть тот шанс, которым, по словам Чжан Вэйвэя, «может пользоваться весь незападный мир». В предоставлении этого шанса заключается смысл второго подписанного документа — «О развитии отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия» между Китаем и Россией.

Но и это ещё не всё.

В качестве инструмента создания общей для наших стран экономической базы развития в Китае предлагают проект «Один пояс, один путь» (в кратком варианте — «Пояс и путь»), в результате реализации которого 16 стран, входящих в так называемый «пояс» Нового Шёлкового пути, должны, вслед за Россией и Китаем, избавиться от статуса «периферии» западного мира. Для этого нужно не только восстановить торговые маршруты по евразийскому континенту от Шанхая до Лиссабона, но и преодолеть экономическую зависимость от Запада, прежде всего — от монополии доллара. Как утверждает исполнительный директор китайского банка Standard Chartered Bank Ван Юань (王沅): «Во всём мире растёт кредитование. Однако резервы, под которые печатаются деньги для кредитования, создаются в основном в долларах, что ограничивает выпуск денег, снижает темпы кредитования и, соответственно, роста». По его мнению, для осуществления развития вне рамок долла-

ровых ограничений «необходимо создать альтернативные резервные валюты, которыми могут стать рубль и юань. В России нужно создать центры для расчёта в юанях, а в Китае — для расчёта в рублях», — предлагает Ван Юань.

Конечно, скептики укажут на серьёзную идеологическую и особенно экономическую зависимость от Запада, которая всё ещё остаётся и у России, с её приверженностью финансово-экономическим догмам «вашингтонского консенсуса», и у Китая, с его мощным прозападным лобби. Однако главная тенденция уже обозначена, путь выбран, и оба наших государства скрепили свои намерения не сворачивать с него соглашением о «стратегическом взаимодействии».

И да, в Китае активно продвигается идея глобализации. Но, как поясняют сами китайцы, то, что они предлагают, есть экономическая глобализация, а не политический глобализм, навязываемый Западом, и эти два понятия необходимо различать и разделять. Ещё одна особенность — китайская глобализация основана на принципе взаимного развития, без нездоровой конкуренции и «духа наживы» в форме «финансизма». И то и другое является неотъемлемой частью западного глобализма, который для Китая неприемлем.

Глобализация по-китайски — это создание зон свободного экономического оборота и торговли, а не зон политического и идеологического доминирования, как понимают глобализм на Западе. Китайская экономическая глобализация — это дружба, основанная на принципе win-win, а не конкуренция. Последняя представляет собой с китайской точки зрения зло, основанное на «духе наживы», свойственном либеральному протестантизму.

Китайский подход к развитию — это солидарность и благо для всех вместо индивидуализма и постановки личного над общим. И в этом мы сходимся. В России, как и в Китае,

тоже не любят тех, кто ставит личное стяжательство выше интересов своего народа и государства, не приемлют либеральных химер и хотят дружить со всеми, кто не ведёт себя агрессивно. Тем более «Китай не допускает возможности вероломно поступать с теми, кто тебе помог», — утверждает директор Института Китая в Фуданьском университете Шанхая Чжан Вэйвэй. А это даёт шанс не только для России и Китая, но и для всего мира. Шанс на многополярность, справедливость и подлинное развитие в интересах всех, а не в пользу какой-то одной цивилизации, пусть и возмнившей себя единственным и исключительным «центром мира».

ЕВРАЗИЙСКИЙ АСПЕКТ: РАСПРЕДЕЛЁННЫЙ ХАРТЛЕНД

Отдельно следует остановиться на геостратегическом аспекте сближения двух стран как процессе, затрагивающем государства не только постсоветского, но и всего евразийского пространства. В какой-то момент в Китае вообще перестали воспринимать Россию всерьёз, поскольку считали её слабой и движущейся по пути СССР к политическому распаду. Это отношение изменилось только после того, как Россия проявила свой силовой потенциал, складывающийся в самостоятельный, евразийский блок интеграции. Поэтому в выстраивании сотрудничества с Китаем и следует подчеркнуть важность взаимодействия именно евразийских сил как внутри Китая, так и внутри России.

Провозглашение евразийских инициатив с начала XXI века, где ключевым событием стало создание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) 14 июня 2001 года, было переломной точкой в становлении новой, суверенной, сильной, геополитически субъектной России, что сразу же изменило отношение к нашей стране как в стане потенциальных союзников, так и среди противников, привело к событиям

9/11 и смене внешнеполитической стратегии США.

Стоит также отметить, что в основе самой теории многополярного мира (ТММ) лежит геополитический принцип распределённого или, как его ещё иногда называют, дистрибутивного хартленда. Хартленд, на языке геополитики, — это обозначение сил или «могущества» (power) сухопутных цивилизаций. В противоположность т. н. морскому могуществу — *see power* — цивилизаций Запада. Распределённый хартленд, таким образом, представляет собой присутствие «сухопутных», то есть консервативных, традиционалистских или даже евразийских сил во всех цивилизациях и отдельных государствах. Традиционалисты и евразийцы, сторонники сближения с Россией есть во всех странах мира. Консерваторы и традиционалисты есть и в США, и именно они поддерживали и избрали президентом своей страны Дональда Трампа.

Но этот же тезис обнаруживает и симметричное наличие распределённого присутствия морского могущества (*sea power*), глобалистских сил везде, в том числе в таких столпах евразийского мира, как Россия, Китай или даже Индия. То есть во всех евразийских по своим основным характеристикам государствах отмечается присутствие структур, которые отстаивают и реализуют интересы морской цивилизации.

ГЛОБАЛИСТСКОЕ ВЛИЯНИЕ В РОССИИ И КИТАЕ

Не секрет, что глобалистские силы присутствуют как в России (что мы наблюдали не только все 1990-е годы, но продолжаем в значительной степени наблюдать и сегодня), так и в Китае. Нельзя не отметить, что глобалистское влияние в Китае всё ещё довольно сильно, и береговая зона Поднебесной, её финансовые центры, структуры, созданные при консультировании и активном участии глобалистов Запада, колоссально влиятельны и представляют

собой некое «параллельное государство» внутри континентального традиционалистского и евразийского по своей сути Китая. И это не может не беспокоить Россию. Потому что мы как никто испытали на себе пагубное влияние глобалистов, либералов, их присутствие в структурах власти, их разрушительное и деструктивное воздействие не только на экономику, но и на состояние общества, на культуру, на ослабление государства, на разрушение его основных институтов.

Именно благодаря этому глобалистскому влиянию извне и присутствию либералов внутри, в самих структурах власти, мы в один момент превратились из великой континентальной державы, Советского Союза, в некую «региональную державу», как её пытался представить, например, предыдущий президент США Барак Обама.

Присутствие глобалистов, атлантистов и либералов крайне опасно для всех цивилизаций и стран, не исключая саму Америку, но особую опасность представляет оно для стран евразийских. Их усилиями наши евразийские подходы, к сожалению, пока что не являются единственными и доминирующими ни в России, ни в Китае. Но это же присутствие придаёт нам силы, даёт нам мотивацию, ставит цель для дальнейшей борьбы за представление евразийских идей всё выше, на уровень межгосударственного сотрудничества, направленного на становление более справедливого многополярного мира. И если в России в значительной степени тенденция либерализации была сломлена, а евразийские тезисы стали достоянием высшего руководства в течение 2000-х годов, то такие же евразийские структуры должны сложиться и внутри Китая, окончательно закрепив своё влияние на уровне институтов власти. Так, по мнению исполнительного директора Шанхайского института развития и стратегии Чунъю доктор **Ли Бо** (李波), российским и китайским евра-

зийцам «необходимо создавать свои интеллектуальные сети, курируемые с помощью совместного центра, своего рода платформы реагирования на чрезвычайные ситуации, а также для регулярного обмена идеями и информацией».

Сегодняшние евразийские интеллектуальные элиты в лице китайского экспертного сообщества уже завтра могут пополнить политические элиты КНР. Именно евразийский консенсус должен сплотить китайские политические элиты в их противостоянии с распылённым, «дистрибутивным» глобалистским присутствием. То же самое справедливо и для России. Только в таком случае наше стратегическое сближение окажется необратимым, а проект многополярной глобализации станет данностью.

Следует также отметить, что борьба между «евразийцами» и «глобалистами» внутри Китая далеко не закончена, но, напротив, находится в самом разгаре, о чём свидетель-

ствуют, например, итоги недавних внутренних консультаций в руководстве КПК — «евразийской партии», создающей структуры многополярной альтернативы, и «глобалистской китайской партии», пытающейся сделать втаскивание Китая в глобалистский проект Запада необратимым, и массовые протестные выступления в Гонконге.

Без интеллектуальной поддержки извне китайским евразийцам в среде интеллектуального сообщества будет сложно отстоять свои модели, а евразийцам в структурах власти Китая нужна опора на единомышленников в российском руководстве, иначе в двухсторонних усилиях по складыванию многополярности не будет синхронизации, что приведёт к затуханию проекта. Отсюда критическая важность присутствия евразийских сил именно в высших институтах государственной власти России, делающих встречные шаги в сторону представителей китайского распределённого хартленда.

РОЛЬ ТРАМПА В СТАНОВЛЕНИИ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

Одна из основных заслуг в нынешнем процессе становления многополярного мира, как ни странно, принадлежит уже упомянутому выше президенту США Дональду Трампу. В сегодняшнем стремительном развёртывании многополярного проекта, предумышленно или нет, решающую роль сыграла именно эта фигура.

Политолог и военный эксперт Игорь Коротченко как-то отметил, что «администрация Трампа — самая антикитайская». Но продолжение данной, абсолютно справедливой, мысли прозвучит, может быть, несколько парадоксально: «И это — хорошо». Потому что, как говорил русский геополитик Алексей Ефимович Вандам-Едрихин, хуже вражды с англосаксом может быть только дружба с ним.

В этом смысле, жёстко обострив *торговые* — на что следует обра-

тить особое внимание — отношения с Китаем, Трамп для становления многополярности уже одним этим сделал очень много. Он раскрыл глобалистские сети внутри Китая, которые понесли самые большие издержки, а также вскрыл их контактеров внутри США, выявив тем самым подлинные мотивы глобалистских американских сетей (которые борются сегодня с самим Трампом внутри США, создавая внутриэлитный конфликт) относительно Китая. Как становится ясно, замысел этих сетей заключался в том, чтобы вскрыть Китай изнутри, зайти в него из центра, как это было сделано в своё время с Советским Союзом.

Своей борьбой с глобалистами и либералами Трамп «спалил» эту глобалистскую сеть повсюду: глобалистское присутствие в разных стра-

нах, их влияние, их деструктивные усилия, в том числе и в Китае, который уже чуть было не стал одним из главных проводников западной глобализации и почти полностью встроился в глобалистский экономический проект.

Трамп же, по сути, эту сеть не только обнаружил и высветил, но и сделал уязвимой. И это даёт возможность китайским евразийцам с этой глобалистской сетью эффективно бороться, поэтапно устраняя её из китайского общества и снижая влияние на экономику.

Всё, что наплодили глобалисты за последние десятилетия: дух финансизма, индивидуальной наживы, либеральных пороков, всё то, что глобалистские сети несут народам мира, — всё это сегодня есть возможность очень эффектив-

но и последовательно устранять как из китайского сегмента, так и из российско-китайских двухсторонних отношений. А также — из российского политического, экономического и смыслового пространства, потому что для России проблема присутствия либералов во власти и влияния через них глобалистских сетей также остаётся ключевой.

В глобалистском проекте мы всегда будем проигравшими. А потому, повторяю ещё раз, евразийская самосинхронизация — необходимое условие для того, чтобы евразийцы, как идеологические единомышленники, объединили свои усилия во влиянии на высшие институты государственной власти и на то, чтобы сделать процесс становления многополярного мира действительно необратимым.

СЕТЕВОЕ СДЕРЖИВАНИЕ АМЕРИКАНСКИХ ГЛОБАЛИСТОВ

Противостояние США и Китая, возникшее в последнее время, примечательно ещё и тем, что оно продемонстрировало некую фундаментальную, онтологическую миролюбивость китайской стороны. Несмотря на явную, порой даже чрезмерную агрессию англосаксов, касающуюся не только торговых отношений, но и вопросов безопасности и суверенитета, Китай отвечает им в совершенно миролюбивых тонах.

В России — возможно, из-за более жёсткого климата или культурной специфики — привыкли смотреть на вещи более агрессивно, особенно когда речь идёт о Соединённых Штатах Америки. Здесь необходимо понимать, что мы имеем дело с абсолютно враждебной инстанцией. Китай же пока пытается апеллировать к разуму, призывать к сдержанности, обращаться к некоей хвалёной западной рациональности, к американскому прагматизму. В частности, это касается более взвешенного взгляда на интернет, на сетевые стратегии, к чему своих американских визави продолжают призывать в Китае. Однако США продолжают исходить и в этой теме исключительно из цивилизационного расизма, реализуя концепцию колониального порабощения и эксплуатации мира в своих интересах. В интернете американцы сегодня видят эффективный и едва ли не главный рабочий инструмент глобальной колонизации остального мира — даже несмотря на существующее и в целом растущее по целому ряду параметров технологическое отставание США от Китая. Например, как утверждает заместитель директора Института цифровых исследований Китая в Пекинском университете Цао Хэпин (曹和平), «территория Китая сопоставима с США, однако в Китае 650 тысяч станций 4G, а в США всего 30 тысяч базовых станций, из-за чего скорость передачи данных в Китае гораздо выше». То же самое касается и не-

которых других факторов, в частности — объёмов производства сетевого оборудования и темпов развития высоких технологий, которые в США замедлились, в то время как в Китае продолжают расти с большой скоростью. И всё же глобалистские стратегии продолжают мыслить во враждебных категориях, выставляя США в качестве абсолютно агрессивной, непримиримой инстанции, к которой бесполезно обращаться с позиций разума, но которая очень хорошо воспринимает язык силы.

Учитывая вышеизложенное, а также имея в виду технологические возможности России и Китая — кстати, они довольно высоки, включая в себя не только покрытие и включённость в глобальные сети России и Китая, но и технологический потенциал, — необходимо всё-таки не забывать о возможности разработки концепции *сдерживания США* в кибернетическом и информационном пространстве. Ибо до сих пор наши нынешние сетевые стратегии в отношении с США пока что носят исключительно защитный характер. Знаменитый «китайский фаервол» — прекрасная вещь, но это оборонительная структура, типа Великой Китайской стены. А у России нет даже такой обороны от системного навязывания нам через интернет западных смыслов и культурных кодов, здесь мы абсолютно беззащитны перед американской сетевой агрессией. А ведь именно сетевое сдерживание должно стать в XXI веке аналогом ядерного сдерживания XX века — сдерживания, которое ограничивало агрессию США на предыдущем историческом этапе, в предыдущем технологическом укладе. Таким образом, имея в виду агрессивные настроения американских сетевых стратегов, крайне актуально на сегодня говорить о сетевом сдерживании США. А именно — о возможности нанесения ответных сетевых ударов в качестве неизбежной, неотвратимой меры сетевого воздействия. И это не так уж невероятно.

США — очень неустойчивое государство, с огромным количеством внутренних противоречий. А «цветные революции» — обоюдоострое оружие, которое может быть использовано везде, где есть противоречия и недовольство: сегодня американцы используют «цветные революции» против нас, но и мы можем легко использовать эти технологии против них. Пока этого не происходит: из-за некоей «миролюбивости» китайской стороны и некоторой «заврожённости Западом» российской, — однако такая возможность не только существует, но и становится всё более актуальной и востребованной. Проблему разработки ответных сетевых стратегий тоже не нужно исключать из двухстороннего диалога России и Китая. Ибо, как отмечает исполнительный директор Шанхайского института развития и стратегии Чунъю доктор Ли Бо (李波): «Борьба с киберпреступностью сегодня не менее актуальна, чем борьба с международным терроризмом», — а главные источники, как и заказчики большинства преступлений в киберпространстве, если выражаться мягко, находятся в сфере компетенций и интересов американских заказчиков. Именно поэтому в Китае не сомневаются, что, как выразился профессор Ли Бо: «Мафиозные сетевые группировки и группировки, которые организуют «цветные революции», — это сегодня практически одно и то же». В Китае, с его нынешними проблемами в Гонконге, об этом знают уже не понаслышке.

Если говорить обобщённо, опыт Китая и России в противостоянии с Западом, в особенности с США, колоссален, и консолидация усилий двух стран на пути к построению многополярного миропорядка — это шанс для человечества, шанс на справедливость и гармонию. И стремление цивилизаций, государств и народов к этому справедливому многополярному миру уже не остановить.

/ Александр АГЕЕВ /

Прогнозное поле Китая

ВВЕДЕНИЕ

Россия и Китай в настоящее время сталкиваются с комплексом вызовов самой разнообразной этиологии. При этом грань между вызовами внешними и внутренними становится всё более зыбкой, а сложность проблем, динамика рисков и скорости перемен требуют устойчивости системы управления и гибкости её поведения.

Сама система международных отношений переживает фазу фундаментальных трансформаций, когда сложившиеся после Второй мировой

войны и в 1990-е годы модели мироустройства в новых реалиях оказываются недееспособными, а формирование новых основ мирового порядка происходит в условиях возрастающей неопределённости всех типов: технологической, финансово-экономической, военно-политической, социальной, экологической и даже антропологической. Эрозия глобальных позиций и влияния прежнего валютно-экономического гегемона сопровождается нарастанием количества, мощности, активности и влияния как ряда государственных субъектов, ранее находившихся

во второстепенных когортах мировой экономики и политики, так и субъектов негосударственных, отнюдь не сводимых к крупнейшим транснациональным корпорациям, а имеющих скрытый характер и даже разного рода силовые потенциалы. Само понятие «силовой потенциал» сегодня имеет обоснованно расширительное толкование.

В конечном счёте, ключевой вопрос текущего и будущего развития заключается в том, смогут ли все эти традиционные и множасьщиеся новые акторы найти бесконфликтные формы взаимодействия в сложном динамичном мире, где по-прежнему сосуществуют институты, восходящие к различным историческим эпохам, по-прежнему существуют объективные основания для несовпадения жизненно важных интересов и неодинаковых выгод от нынешней глобальной системы и по-прежнему имеет значение иерархия государств в зависимости от их совокупной мощи и опирающегося на неё влияния. При этом видение будущего мироустройства и понимание характера современной ситуации во многом определяет реальное поведение государств, в особенности тех, кто обладает наибольшим весом и авторитетом в международных отношениях. Китай, вне всякого сомнения, относится к числу ключевых мировых центров силы.

Кризис модели тотальной глобализации, утвердившейся в начале 1990-х годов, повысил значимость процессов субглобальной, региональной интеграции. В полной мере это коснулось и большого евразийского пространства. В настоящее время здесь развивается ряд интеграционных проектов и процессов. Доминантой при этом становится формирование межконтинентального транзита, объединяющего экономические системы Европы и Азии, что способно открыть возможности взрывного роста для всех участников этого процесса. И Китай, с его супердержавным демографическим и экономическим потенциалом, и Россия как территориальная и военно-политическая супердержава в этом контексте сталкиваются как с общими, так и специфическими вызовами. Отчасти эти вызовы стимулируют развёртывание всесторонней двусторонней и многосторонней кооперации, отчасти могут создать ситуации несовпадения интересов и различий трактовок их сути и форм.

Тем не менее руководство Китая и России исходит из понимания того факта, что их реальные

возможности влиять на процессы евразийской интеграции, а также на весь комплекс мировых вызовов будут зависеть от их способности проводить скоординированную международную политику, от непрерывного роста научно-технологического и социально-экономического потенциала, от устойчивости их политических систем и эффективности институтов управления развитием. В условиях, когда сама метрика измерения потенциалов становится вызовом, требуются и релевантные методологии анализа и прогноза. Достаточно напомнить о проблеме измерения ВВП, о новых подходах к измерению экономического успеха, разработке «индексов счастья», социальных рейтингов и т. п.

В данной статье представлены результаты комплексной оценки и прогнозирования совокупной (интегральной) мощи Китая на основе методологии многофакторного анализа «Стратегическая матрица», признанной научным открытием и применяемой для долгосрочного прогноза развития стран и других социальных систем¹. В рамках этой методологии все переменные интегральной мощи государства сгруппированы в девять ключевых факторов. Каждый фактор формируется системой показателей, отражающих их совокупное влияние в виде композитного индекса. Методом последовательных приближений и эмпирических верификаций определены веса переменных и каждого фактора в модели. Графически удобным способом представления модели выбрана эннеаграмма (круг с вписанными в него девятью лучами с определёнными значениями, соединение которых образует профиль интегральной мощи). Чем более выпукл профиль и дальше от нулевой точки значения фактора, тем гармоничнее характеристики и выше уровень интегральной мощи государства.

Факторы интегральной мощи государства охватывают следующие подсистемы:

1. Государственное управление. Этот фактор рассматривается в модели стратегической матрицы в качестве ключевого и отвечает за координацию и гармонизацию всех составляющих мощи страны. Базовые показатели фактора управления: устойчивость, адаптивность, способность к лидерству, доверие общества, эффективность элитно-образования, последовательность в достижении поставленных целей. В идеале чем выше уровень

¹ См.: А.И. Агеев, Б.В. Куроедов, Р. Мэтьюз, О.В. Сандаров. Методология стратегической матрицы. М.: ИНЭС, 2004.

Агеев А.И., Куроедов Б.В. Особенности применения методологии стратегической матрицы при прогнозировании перспектив развития государств (на примере России и Китая). М.: ИНЭС, 2005. Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 стран (на русском, английском и китайском языках). М.: ИНЭС, 2012.

Страна	Темпы роста ВВП (ППС) в 2009–2010 гг.			Детская смертность до года			Показатель масштабности решаемых задач		Σ	
	%	балл	ранг	на 1 тыс. родившихся	балл	ранг	балл	ранг	балл	ранг
Коэффициент важности	0,33			0,17			0,5			
Россия	–0,9	3,6	81	10,08	4,5	45	6,0	4	4,9	14
Китай	9,9	8,9	3	16,06	2,7	56	7,1	3	7,0	1

Таблица 1.

Значение основных показателей по фактору «управление» для России и Китая

фактора «управление», тем относительно выше значения остальных факторов стратегической матрицы, включая и такие фундаментальные, как население и территория.

2. Территория. Данный фактор описывает как параметры пространства, входящего в юрисдикцию государства, так и аспекты прямого и косвенного влияния за его пределами. Базовые показатели: общая площадь и протяжённость территории с севера на юг и с востока на запад, протяжённость сухопутных границ и морской границы, «эффективная площадь» территории (с учётом климатических особенностей и особенностей рельефа);

3. Природные ресурсы. Включает в себя обеспеченность минеральными, водными и земельными ресурсами, риски опасных природных явлений, развитость инфраструктуры рекреационных ресурсов и ландшафтов, состояние экологии и т.д.

4. Демография. Учитывает общую численность населения, его половозрастную структуру, уровень урбанизации, состояние здравоохранения и др.

5. Экономика. Оценивается через объём ВВП, долю в мировой экономике, структуру экспорта и импорта, статус торгового и платёжного балансов и т.д.

6. Культура. Определяется вкладом государства в мировую культуру, наличием культурных памятников всемирного значения и религиозных центров мирового и регионального значения, степенью гармонизации межконфессиональных отношений.

7. Образование и наука. Рассчитывается, исходя из уровня освоенных критических технологий, комплексного научно-технического развития страны, качества национального образования, грамотности и научной осведомлённости населения.

8. Военная мощь. Определяется наличием и уровнем развитости всех компонент стратеги-

ческих ядерных сил, уровнем развития сил общего назначения, развитием систем управления и связи, наличием и степенью оснащённости системами высокоточного оружия.

9. Внешняя политика. Учитывается геополитическое позиционирование страны, последовательность её внешней политики, соответствие национальным интересам, наступательность, масштаб решаемых задач.

Приведённая последовательность факторов в модели стратегической матрицы не отражает их иерархии и взаимосвязи. Значения факторов, описывающие территорию, природные ресурсы, население, культуру и религию, характеризуют базовый потенциал развития государства. Факторы реализации имеющегося потенциала охватывают переменные групп «экономика», «наука и образование», «вооружённые силы» и «внешняя политика». Фактор управления является подсистемой управления всеми компонентами интегральной мощи и их координацией. Соответственно, одни факторы обнаруживают сравнительно меньшую, другие — сравнительно большую амплитуду изменений. К первым относятся территория, природные ресурсы, население, ко вторым — внешняя политика и синтезирующий все эти элементы фактор управления, который находится в зависимости от качества лидерства и эффективности системы государственного управления, а также от того, насколько она скоординирована с корпоративным и общественным управлением.

Для удобства восприятия значений всех факторов принята 10-балльная шкала с разбивкой по возрастанию на статусы «малое государство», «региональная держава», «великая держава», «сверхдержава». Каждый диапазон шкалы имеет свои исторические эквиваленты. Далее приведена краткая характеристика факторов модели с последующими оценками на примере Китая. Прогнозный горизонт дан к рубежу 2030 года. Для сравнения в ряде случаев представлены также оценки по России.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Анализ функции государственного управления в модели стратегической матрицы акцентирует не столько известные формы реализации государственной власти, сколько степень адекватности государственного управления тем задачам (вызовам), которые объективно стоят перед страной в конкретный исторический период.

Фактор «управление» в модели стратегической матрицы характеризуется такими параметрами, как:

- **устойчивость**: стабильность социальной базы государства и способность системы управления к действиям в непредвиденных и кризисных условиях, к преодолению деструктивных влияний внешнего и внутреннего характера;
- **адаптивность**: способность системы управления своевременно и оптимальным образом реагировать на внешние и внутренние вызовы;
- **способность к лидерству**, которая подразумевает не только соответствие системы управления общественным ожиданиям, но и активное участие в формировании социальных потребностей;
- **эффективность элитообразования**: способность системы управления создавать условия для подготовки не только управленческих кадров, но и научной и культурной элиты общества, которая весьма активно принимает участие в формировании общественных

ожиданий, обосновании, экспертизе и подготовке важных управленческих решений.

Для моделирования и оценки значений данные параметры сведены в единый композитный показатель масштабности решаемых задач и сопоставлены с усреднёнными значениями темпов роста ВВП и детской смертности (таблица 1). Эти два показателя демонстрирует наивысшую корреляцию с параметром масштабности и результативности данного фактора. За эталон взяты данные за 2009–2010 гг. Ранг — место среди 100 ведущих стран мира.

Рост экономики КНР на два порядка выше аналогичного российского показателя, но в социальной сфере — в частности, по уровню детской смертности двух стран — Россия опережает своего восточного соседа. Однако показатель масштабности решаемых задач со всей очевидностью свидетельствует в пользу системы управления Китая. По состоянию на 2019 год ситуация оставалась аналогичной.

Приводимые далее сценарии имеют обобщения, значимые только в рассматриваемом здесь модельном контексте.

Выявлены следующие сценарии развития системы управления в Китае:

1. **«Действующая модель»**. Подразумевает сохранение на достаточно долгую перспективу существующей системы управления КНР. В пользу этого сценария выступает его традиционность для китайского общества и демонстрируемая по настоящее время высокая эффективность. По этому варианту Китай сохранит на рубеже

2025 года уровень системы управления, соответствующий статусу «великой державы», с итоговыми значениями 6,4–7,0 единиц.

2. **«Построение системы глобального лидерства».** Этот вариант может стать реализацией, условно говоря, некоего «мирового коммунистического ренессанса». Условия развития событий по этому варианту:

- кризис с серьёзной дезорганизацией евроатлантического сообщества, в силу чего оно будет не в состоянии оказать эффективное сплочённое противодействие усилению Китая;
- поступательное развитие самого Китая, обеспечивающее ему высокий моральный авторитет и влияние в мире;
- решение китайского руководства о необходимости включения в борьбу за глобальное лидерство и своевременная успешная реализация этой стратегии.

В этом случае функция управления будет осуществляться не только в отношении КНР, но и в отношении всей зоны китайского влияния. Если Китаю удастся построить систему управления глобальным лидерством, то развитие системы управления для данного сценария составит 8,7 единицы, что соответствует уровню управления «сверхдержавы».

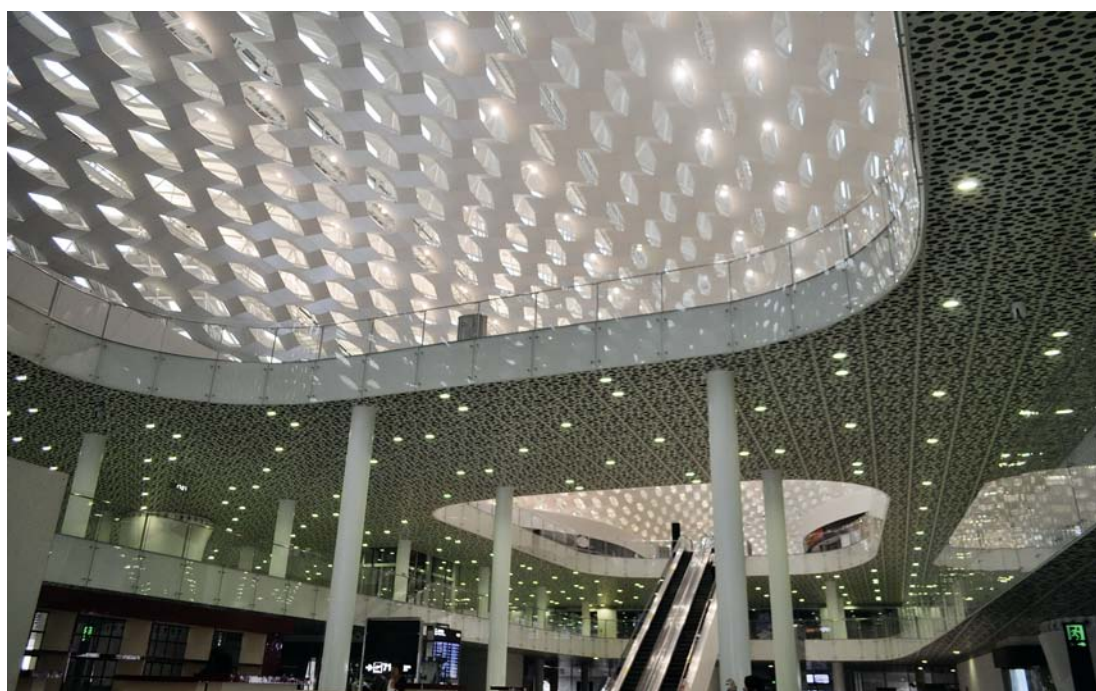
3. **«Медленная деградация».** Сценарий базируется на предположении, что усилятся негативные факторы в развитии Китая: замедление темпов экономического роста, снижение устойчивости «властной вертикали», давление китайской буржуазии и т.д. Застойные явления будут

нарастать, а качество управления — ухудшаться. Оценка фактора «Управление» по данному варианту составляет 4,0 и 3,1 единицы, что означает снижение до уровня «региональной державы».

4. **«Неэффективное управление».** Сценарий базируется на предположении о сильном деструктивном воздействии на государство, провоцирующем возникновение кризисной ситуации. В результате возможна смена политического курса. Этот вариант развития системы управления КНР оценивается в 3,6 и 1,9 единицы, что означает скатывание к среднему уровню «региональной державы».

5. **«Эффективная демократия».** В сценарии рассматривается возможность мягкого перехода к какому-то варианту многопартийной демократии. Такой выбор может диктоваться необходимостью внесения изменений в систему управления страной для повышения его эффективности. «Мягкий переход» наиболее вероятен в условиях благоприятной экономической конъюнктуры и тесного взаимодействия китайских партийных, военных и деловых структур. Значения фактора будут равны 4,0 и 5,7 единицы, то есть произойдет сдвиг с уровня «региональной державы» на уровень «великой державы» в терминологии «стратегической матрицы».

Таким образом, наивысшие значения параметра управления на прогнозном интервале связаны с современной моделью управления и вариантом, при котором обеспечивается решение задач глобального лидерства Китая в многополярном мире.

ТЕРРИТОРИЯ

При оценке данного фактора используются статистические данные о площади территории, а в качестве дополнительных показателей протяжённость территории с севера на юг и с востока на запад; длина сухопутных и морских границ; климатические особенности территории; особенности рельефа и состава почв. Климатические особенности и особенности рельефа могут также учитываться с использованием получившего широкое признание понятия «эффективной площади» в пределах отдельных стран, под которым понимается территория, расположенная к югу от среднегодовой изотермы -20°C и не выше отметки в 2000 м над уровнем моря.

По данному фактору Китай, как и Россия, является территориальной сверхдержавой, обладая площадью в 9596,96 кв. км и занимая в иерархии государств по данному критерию 4-е место. Группировка сценариев территориальной эволюции Китая содержит следующие варианты.

1. **«Максимальное расширение».** Этот сценарий подразумевает существенное усиление влияния Китая, как экономического и демографического, так и политического, на ряд соседних территорий. Не обязательно это будет закреплено де-юре. Вариант максимального территориального расширения подразумевает восстановление контроля над Тайванем и достижение соглашений о разделе спорных островов и архипелагов, а также усиление экономического и иного присутствия Китая в Центральной Азии, Вьетнаме, Лаосе, Бирме, Таиланде, Корейском полуострове и других странах и континентах, включая Африку и Южную Америку. Развитие событий по данному сценарию позволит укрепить территориальный фактор КНР до девяти единиц (с учётом сфер влияния), т.е. до уровня «сверхдержавы». Фактически он означает признание ведущими глобальными центрами силы Китая равноправными по силе и влиянию, прежде всего, на большей части АТР, но и не только.

2. **«Расширение на севере и сохранение статус-кво на востоке»** (в Тихоокеанской зоне). Сценарий строится на предположении, что США при поддержке союзников не допускают изменения существующего положения Тайваня и сдерживают Китай от решительных шагов в отношении других спорных островных территорий. В этом сценарии значение фактора «Территория» для Китая составит восемь единиц (нижний уровень «сверхдержавы»).

3. **«Статус-кво на севере, территориальные приобретения на востоке».** Сценарий исходит

из той гипотезы, что роль России как крупного геополитического образования на севере Азиатско-Тихоокеанского региона будет сохранена или усилена. Одновременно Китаю удастся преодолеть сопротивление США и добиться возвращения Тайваня в свою юрисдикцию. Потенциальные приобретения на востоке для Китая не столь существенны в абсолютных значениях, однако его продвижение в этом направлении усилит его влияние в ЮВА и АТР. Значение территориального фактора в данном сценарии для Китая равно семи единицам.

4. **«Статус-кво по всем направлениям».** Подразумевает отсутствие существенных территориальных приобретений или потерь и сохранение сложившейся сферы экономического влияния. Значение территориального фактора — 6,4 единицы.

5. **«Территориальный раздел Китая».** Самый негативный и наименее вероятный сценарий может быть спровоцирован в результате какой-либо геополитической катастрофы, например, связанной с гипотетическими военными действиями (против США на Тихом океане или против России в Приморье, ядерный конфликт с Индией и т.п.). В данном случае возможным исходом может стать распад Китая на несколько независимых друг от друга государств или территорий под протекторатным управлением, прежде всего, США и из союзников в регионе. Оценка территориального фактора в случае реализации этого маловероятного сценария — три единицы.

ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ

Определение статуса государства по фактору «природные ресурсы» — одна из наиболее сложных для определения степени влияния самого факта наличия природных ресурсов на совокупную мощь страны задач. Во-первых, непрерывно меняется технико-экономический уклад, что ведёт к изменениям в структуре потребления основных ресурсов. Во-вторых, важнейшее значение имеют такие уникальные обстоятельства, как географическое положение, климатические особенности, географическая и инвестиционная доступность, наличие технологий добычи и т.д. И, в-третьих, оценка обеспеченности подразумевает и роль различных видов природных ресурсов в современной геоэкономике, и вовлечённость их в хозяйственный оборот, и эффективность стратегии природопользования.

При всей размытости очертаний реального значения природных ресурсов для совокупной мощи страны, с большей определённой можно

говорить об энергоресурсах, спрос на которые будет только расти, несмотря на существенный прогресс в развитии альтернативной энергетики.

Россия в меньшей степени, чем Китай, обеспечена электроэнергией, но принципиально выше — нефтью. По доступности ресурсов газа соотношение между Россией и Китаем не настолько заметно, но оно также в пользу России. Это, между прочим, создает фундаментальную основу развития сотрудничества в этой области на долгосрочную перспективу.

Оценка ресурсообеспеченности Китая исходит из того, что по количеству видов и размерам запасов некоторых полезных ископаемых Китай относится к числу обеспеченных стран мира. Однако к 2025 году потребности в энергоносителях будут покрываться из собственных источников не более чем на четверть. Но необходимо принять в расчёт и мощную программу развития альтернативной энергетики.

Хотя Китай входит в число мировых лидеров по объёму гидроресурсов, в течение XXI века в стране будет последовательно обостряться проблема хозяйственно-питьевого водоснабжения населения. Можно ожидать, что проблема воды станет весьма серьёзной.

Особое значение приобретут проблемы экологии. Нагрузка на почву, на окружающую среду в КНР уже сейчас превысила допустимые нормы. В этих условиях каждый новый шаг вперёд будет требовать от Китая гораздо больших усилий, чем до сих пор.

Можно выделить четыре следующих сценария дальнейшего ресурсообеспечения Китая.

1. **«Зелёное развитие»** предполагает, что Китаю до 2025 года в основном удастся справиться с проблемами ресурсной зависимости (прежде всего, по нефти) от внешних источников путём их диверсификации и в случае относительно благоприятной внешнеполитической обстановки. После этого срока развитие новых технологий обеспечит существенное повышение доли нетрадиционных источников энергии в экономике Китая. Всё это, наряду с другими мероприятиями по защите окружающей среды, способствует улучшению экологического баланса в стране. Ведётся активная геологоразведка на территории КНР, что будет обеспечивать большую часть возрастающих потребностей китайской экономики в природных ископаемых. Уровень ресурсообеспеченности Китая по этому фактору составит шесть единиц.

2. **«Субкомфортный»** сценарий строится на предположении о том, что успешное развитие экономики КНР обеспечивает возможность импорта полезных ископаемых и энергетического

сырья в необходимых объёмах. В то же время сохраняется высокий уровень антропогенной нагрузки в восточных экономических районах Китая. Уровень ресурсообеспеченности в этом сценарии равен 3,7 единицы.

3. В основе сценария **«Нехватка ресурсов»** — предположение о том, что развитие энергосберегающих технологий и использование новых и нетрадиционных видов энергии внедряется в КНР медленно. Существенно снижаются поставки в КНР углеводородного топлива. Это может быть вызвано, например, тем, что США под предлогом борьбы с распространением ядерного оружия и ракетных технологий перейдут к контролю воздушного пространства Ирана, морских коммуникаций и будут наносить удары по «подозрительным» объектам промышленной и нефтяной инфраструктуры страны. Кризис в сфере природных ресурсов может стать катализатором процессов свёртывания «китайского экономического чуда». Уровень ресурсообеспеченности — 3,6 единицы.

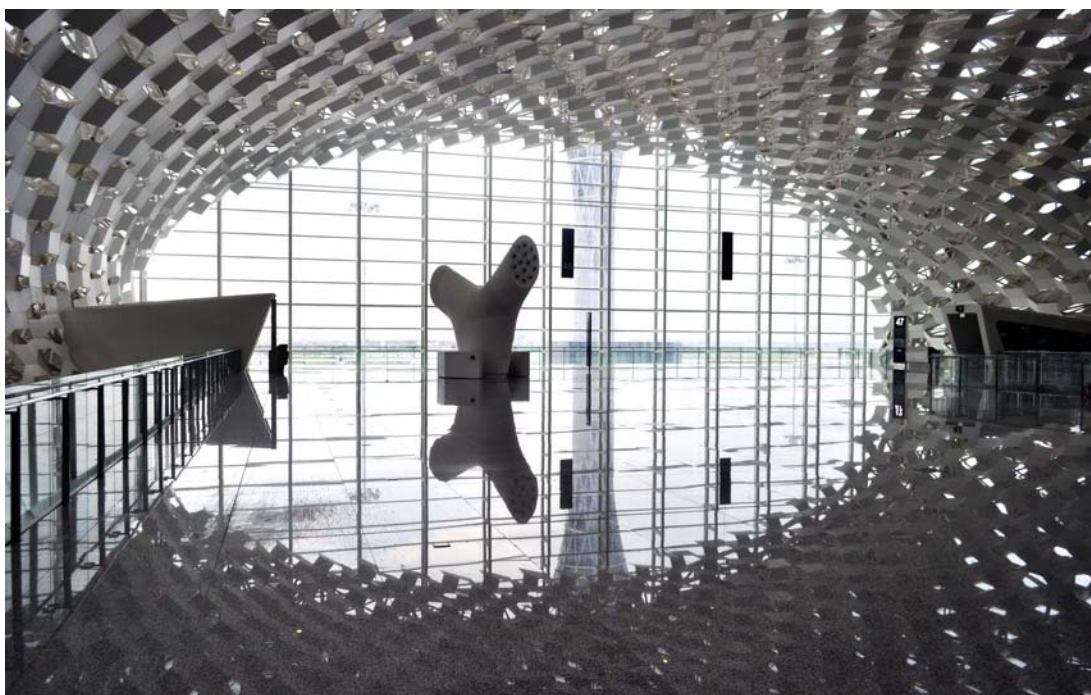
4. Сценарий **«Коллапс»** предполагает ещё более жёсткое развитие событий, сходное с третьим вариантом, но более значительное по своим негативным последствиям. Например, это может произойти в результате введения США военно-морской блокады Китая. В случае реализации этого сценария обеспеченность природными ресурсами составит 2,5 единицы.

ДЕМОГРАФИЯ

При оценке значений данного фактора ключевой характеристикой является общая численность населения страны. Помимо неё используются такие параметры, как: здоровье населения (комплекс показателей от уровня младенческой смертности до обеспеченности населения медицинскими услугами); половозрастная структура населения; социальное обеспечение населения, развитие социальной инфраструктуры.

Россия по данному параметру пока удерживается на нижней кромке статуса великой демографической державы, не входя даже в десятку мировых гигантов по населению, тогда как Китай является однозначно демографической супердержавой.

Оценка фактора «демографии» для КНР исходит из того, что страна занимает первое место по численности населения в мире (верхний уровень «сверхдержавы»). Вместе с тем в структуре населения Китая нарастают негативные тенденции, связанные с превышением доли мужского населения, существенным возрастанием доли

лиц старше 64 лет, общим ухудшением структуры рабочей силы.

Сценарии изменения численности населения КНР незначительно разнятся между собой. Главное отличие — год перехода к отрицательному росту населения. Для первого варианта это 2040 год, для второго — 2035 год, а для третьего — 2025 год. В этом контексте следует упомянуть и ещё об одном возможном варианте — «катастрофическое уменьшение численности населения» (до 900 млн чел.), — который может осуществиться в результате природных катаклизмов, войн и т.п.

Конечно, сценарий «катастрофа» гипотетичен. Определённо можно констатировать, что, в отличие от других стран мира, по численности населения Китай безусловно будет позиционироваться как сверхдержава XXI века. Даже при гипотетической катастрофе численность населения КНР не опустится ниже восьми единиц.

ЭКОНОМИКА

К оценке экономического потенциала надо подходить с учётом не только объёма ВВП, внешней торговли, производительности труда, но и многих других показателей.

Можно говорить о пяти гипотетических вариантах экономического развития Китая.

1. **«Резкое возвышение».** В соответствии с этим сценарием Китай способен, сочетая индустриализацию с информатизацией и развитие опорных отраслей с прорывами в научно-техническом прогрессе, обойти США по абсолютному

значению ВВП к 2030 году и достигнуть значения показателя экономической мощи в 9,5 единицы.

2. **«Устойчивое поступательное развитие экономики КНР».** Данный сценарий базируется на долгосрочном прогнозе постепенного затухания темпов прироста ВВП Китая. К 2030 году значение по фактору «Экономика» — девять единиц.

3. **«Замедление темпов роста»** (ниже 5–6% в год после 2020 года). Сценарий вытекает из сегодняшних тенденций развития и обещает большую предсказуемость, даже «покладистость» Китая на международной арене. Достаточно высокая вероятность реализации данного варианта обуславливается существующими диспропорциями в экономическом развитии Китая, сложной обстановкой в демографической сфере. Оценка уровня развития экономики к 2030 году — 8,6 единицы.

4. **«Застой».** Предполагает замедление темпов роста до уровня, обеспечивающего только удовлетворение потребностей возрастающего населения и стагнацию общего уровня жизни. Этот сценарий вряд ли реализуется в ближайшие годы, т.к. Китай имеет огромный инвестиционный задел. Он возможен, однако, в случае ухудшения ситуации в мировой экономике, а также целенаправленной политики Евроатлантического сообщества по сдерживанию дальнейшего экономического роста КНР. К 2030 году значение фактора — восемь единиц.

5. **«Срыв в экономическом развитии»**, под которым подразумевается скатывание страны к суженному воспроизводству. Этот вариант возможен, в частности, в случае серьёзного во-

енного конфликта. Уровень фактора к 2030 году для данного сценария — 6,5 единицы.

КУЛЬТУРА

Значение данного фактора формируется путём оценки таких показателей, как вклад в мировую культуру; степень гармонизации межконфессиональных отношений; степень гармонизации межнациональных отношений; степень влияния национальных религиозных центров в рамках мировых религий; наличие религиозных центров мирового и регионального значения; наличие культурных памятников всемирного значения.

Сравнение России и Китая по этому фактору позволяет утверждать, что оба государства обладают высочайшим уровнем развития самобытной культуры и цивилизационных ценностей. Интегральное значение фактора для России — шесть единиц, для Китая — восемь единиц.

Китай развивается под влиянием конфуцианства, сохраняющего своё определяющее положение в общественном сознании, а также традиционных буддизма, даосизма и культа предков. В довольно близкой перспективе можно ожидать новый подъём в сфере образования. Наряду с этим нельзя не отметить, что массовое сознание в Китае, как и в России, испытывает серьёзное давление со стороны таких ценностных кодов, как индивидуализм и потребительство.

В целом можно обозначить четыре следующих сценария развития китайской культуры:

1. **«Международное влияние Китая в культурной сфере».** Данный сценарий не подразумевает существенного религиозного развития, поскольку усиление позиций религиозных учений сдерживается, с одной стороны, марксистскими представлениями о религии, а с другой, традиционным влиянием конфуцианства. Вместе с тем такой сценарий предполагает расширение проникновения китайской культуры во внешний мир на фоне заметного усиления совокупной национальной мощи страны. Максимальная оценка по фактору культурного и религиозного развития здесь составляет 8,2 единицы.

2. **«Региональное лидерство».** Сценарий предполагает умеренный прогресс на фоне продолжения экономического роста КНР. Внутри Китая формируется развитая массовая культура, способная удовлетворить запросы китайского потребителя. Оценка фактора в данном сценарии — 7,5 единицы.

3. **«Статус-кво».** В этом сценарии подразумевается, что влияние китайской культуры не будет выходить за традиционные этнические границы в Восточной Азии. Ареал её преобладающего распространения будет ограничен континентальной частью северо-восточной Азии; на западе — границами с Индией и Пакистаном; в Юго-Восточной Азии границы будут размыты, особенно в государствах, где значительная часть населения исповедует ислам. Для данного сценария оценка фактора — 7 единиц.

4. **«Упадок».** В рамках этого «экстремального» сценария представляется возможным военный конфликт в Тайваньском проливе, который приведёт к напряжённости в отношениях между Западом и КНР. Возможны и другие сценарии нарастания проблем в политической и социально-экономической жизни страны, которые столкнутся с господствовавшими в конце XX — начале XXI века ожиданиями наступления «века Китая». Для этого сценария не исключён умеренный спад значения фактора до 4,7 единицы.

ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

Для определения степени научного, технологического и образовательного развития стран используются следующие формальные показатели: развитие критических (в т. ч. информационных и цифровых) технологий в сопоставлении с ведущими странами мира; комплексность научно-технического развития страны; соответствие национальных образовательных стандартов мировому уровню; процент грамотности населения; обязательность среднего образования; количество обучающихся в вузах на 1 тыс. человек населения страны в сопоставлении с ведущими постиндустриальными странами; уровень образования в стране, проверяемый по результатам стандартных тестов, и др.

Текущие уровни научного, технологического и образовательного развития России и Китая примерно равны и соответствуют цифровому значению в пять единиц — оба государства находятся на нижней границе статуса «великая держава», что явно недостаточно для обоих государств, претендующих на позиции лидеров Евразийского континента. Хотя в последние годы Китай демонстрирует впечатляющие успехи в осуществлении научно-технологических проектов, развитии информационно-коммуникационных платформ, феноменальную патентную активность и т. п.

Научное, технологическое и образовательное развитие Китая определяется его мощными интеллектуальными традициями, множеством научных и инженерных школ в сочетании с большой численностью населения и государственными системами образования и воспитания и поддержки карьеры талантливых личностей. Это даёт Китаю гарантию серьёзных успехов в науке, создаёт основу его долгосрочного экономического подъёма. В прогнозном ключе можно выделить четыре следующих сценария дальнейшего развития.

1. **«Построение экономики знаний».** Сценарий предполагает выход Китая на передовые

научные рубежи по большинству научных направлений. Тенденция стремительного роста научно-технического и образовательного потенциала ведёт к росту соответствующего фактора до 7,5 единицы.

2. **«Постепенное сближение».** Этот сценарий строится на предположении, что наука и образование в Китае будут развиваться в догоняющем темпе по отношению к ведущим постиндустриальным государствам. Статус развития науки и образования Китая для данного сценария — 6,7 единицы.

3. **«Сохранение дистанции».** Наука и образование в Китае будут развиваться динамично, однако преодолеть дистанцию отставания от уровня развития постиндустриальных экономик США и ЕС не удаётся. Система образования КНР улучшается, но диспропорции в её развитии сохраняются. В целом цифровое значение рассматриваемого фактора приблизится к верхней границе статуса «великой державы» — 6,5 единицы.

4. **«Наращение негативных тенденций».** Вслед за стремительным приближением к уровню развитых стран наступает кризис в сфере науки и образования, вызванный экономическими трудностями и недостаточным финансированием, а также каскадом санкций со стороны США и других западных стран. Ожидаемый уровень развития для данного сценария — 4,5 единицы — нижний уровень «великой державы».

ВОЕННАЯ МОЩЬ

В контексте усиления глобальной и региональной (вокруг Китая) военно-политической напряжённости этот фактор приобретает растущее значение в системе интегральной мощи. Особо важен анализ четырёх параметров, определяющих уровень развития вооружённых сил: наличие и степень оснащённости системами высокоточного оружия; наличие и степень развитости стратегических ядерных сил (СЯС), их морской, сухопутной и авиационной компонент, количество ядерных боезарядов, степень соответствия мировым стандартам надёжности систем вооружения; развитие систем управления и связи: степень использования современных информационных технологий; качество используемых систем управления и связи; развитие сил общего назначения (СОН): численность, организационная структура, качество личного состава, техническая оснащённость.

При подсчёте цифровых значений данного фактора учитываются следующие показатели:

общее развитие вооружённых сил (военные расходы, численность личного состава и резервистов); боевой потенциал сил общего назначения (сухопутных войск, ВВС, ВМС, степень новизны военной техники в войсках, уровень боевой подготовки); ядерный потенциал (число ядерных боеголовок и средств доставки).

По оценке совокупного военного потенциала Россия (7,5 единицы) и Китай (7,3 единицы) примерно равны, в глобальном рейтинге они занимают, соответственно, 3-ю и 4-ю строчки, находясь ближе к верхней границе статуса «великая держава». Россия, заметно уступая Китаю по общим показателям развития вооружённых сил, опережает его по показателям боевого потенциала сил общего назначения и ядерных сил.

В развитии Народно-освободительной армии Китая (НОАК) главная ставка делается на экономическую мощь как основу совокупной национальной мощи. Военная модернизация не занимает первого места в генеральном плане превращения КНР в современное государство. Вместе с тем возрастание экономической мощи страны означает увеличение ресурсов, которые могут быть направлены на военные нужды. На основе этих постулатов рассматриваются следующие четыре сценария военного развития Китая.

1. **«Догоняющая модернизация».** Предполагает, что в условиях мирного времени степень внимания руководства КНР к военным вопросам сохранится на достаточно высоком уровне. Вместе с тем военно-техническое развитие Китая хотя и позволит сократить отставание от передовых в военном отношении государств, но не обеспечит глобального превосходства КНР над ведущими военными державами в лице США и ЕС. Для данного варианта рассматривается достижение Китаем статуса «Великой державы» по принятой в методологии шкале со значением 6,2 единицы.

2. **«Ускоренная модернизация».** Реализация этого варианта наиболее вероятна в условиях сохранения уверенных темпов экономического роста. Этот сценарий выглядит не вполне логичным в силу высокой зависимости экономического развития страны от торгово-экономических связей с Западом, и прежде всего — с США. При обострении отношений с Евроатлантическим сообществом высока вероятность торможения развития китайской экономики. Реализация данного сценария возможна, по крайней мере, на ограниченном временном отрезке, в условиях

мобилизационной модели экономического развития, и даст Китаю уровень военного развития размером 7,3 единицы.

3. **«Локальное военное поражение».** В его основе предположение о том, что активное вовлечение НОАК в противодействие попыткам Тайваня приобрести статус независимого государства приводит к военному столкновению Китая и США, предоставляющих гарантии безопасности Тайваню. В этом противостоянии Пекин уступает Вашингтону, и ценой заключения мира становится признание Тайваня в качестве независимого государства, а также согласие на ограничение военного потенциала Китая. Для данного сценария статус Китая оценивается в 4,5 единицы.

4. **«Глобальный конфликт».** Сценариев подобного развития событий относительно немного, поскольку они предполагают войну против сопоставимого по силе или даже превосходящего противника. В этом регионе таким противником гипотетически могут выступить США. Статус Китая при реализации данного сценария составляет 3 единицы.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

За три десятилетия после завершения биполярного противостояния не сформировалась новая модель мироустройства. Мир находится в напряжённом её поиске. При этом тенденции глобализации сочетаются с множеством явлений деглобализации. Сами интеграционные стратегии ключевых игроков мировой экономики претерпели существенные изменения. Они, в первую очередь, вызваны кризисом всей мирохозяйственной системы и нарастанием в ней дезинтеграционных процессов: протекционизма, торговых войн, санкций и других практик недобросовестной конкуренции, включая провоцирование внутренней напряжённости и конфликтов в ряде стран. Фундаментальной подоплёкой кризиса являются долгосрочные процессы трансформации мировой валютно-финансовой гегемонии, смены технологического уклада и структуры мировой производственной кооперации и размещения производства и, соответственно — структуры занятости и безработицы².

Во-первых, изменилась интеграционная стратегия США. Это продиктовано, прежде всего, осознанием недавно обнаруженного негативного эффекта роста мировой торговли на амери-

² Подробнее см.: Агеев А.И. Смена гегемона: война и экономика. М.: Институт экономических стратегий, 2016.

канскую экономику. Как следствие, предпринимаются шаги по максимальному стягиванию элементов кооперационных цепочек в юрисдикцию США. На этом фоне администрация Трампа, в частности, приостановила трансатлантический и транстихоокеанский интеграционные проекты, для запуска которых была проделана в предыдущий период огромная работа.

Во-вторых, сложный комплекс проблем решает ЕС (Брексит, наплыв мигрантов, сепаратизм регионов ряда стран, давление США и т.д.).

В-третьих, растущее значение приобретает мегапроект развития НШП, который охватывает территорию, где проживает 63% населения планеты, производится более половины мирового ВВП и находится три четверти разведанных запасов энергоресурсов. Общий объём товарооборота между Китаем и странами «Пояса и пути» в 2018 г. достиг 1,3 трлн долл. Сопряжение этой стратегической инициативы с развитием ЕАЭС, а также ЕС и других интеграционных проектов представляется источником сильной интеграционной динамики в Большой Евразии. Хотя внутри этого тренда следует ожидать ускоренного развития локальных интеграционных инициатив: в Северо-Восточной и Центральной Азии, Восточной Европе, Черноморском и Каспийском бассейнах и т.д.

В-четвёртых, заметно снизилось влияние такого института регулирования мировой торговли, как ВТО, вступление в которую было важнейшей целью внешнеторговой политики Китая.

В-пятых, даже внутри западоцентричных торгово-экономических экономических и во-

енно-политических блоков всё активнее стали применяться методы силовой конкурентной борьбы с введением разного рода санкций, штрафов и других ограничительных мер.

В-шестых, существенным фактором усиления интеграции является постепенно формирующийся устойчивый баланс сил между Китаем и Индией, в том числе — в формате развития институтов БРИКС.

Наконец, существенное влияние на мировую экономику оказывает торгово-экономическая война между США и Китаем, суммарная доля экономик которых составляет 44% мирового ВВП.

Тем не менее интеграционные процессы в мире продолжают развиваться. Их векторы смещаются как в пользу двусторонних соглашений о свободной торговле, так и в сторону формирования региональных и метарегиональных блоков. Развивается целый ряд новых интеграционных инициатив, постепенно получающих системное институциональное оформление. В отличие от принципа «вложенных структур», новые интеграционные проекты накладываются друг на друга, создавая мощный управленческий вызов по комплексированию интеграционных институтов и инструментов. Китай нацелен на максимальное использование интеграционных инструментов для обеспечения безопасных условий развития.

В рамках прогноза развития международной обстановки в качестве базовых ранее были сформулированы четыре сценария: «Жёсткая глобализация», «Умеренная глобализация», «Регионализация» с двумя субсценариями — «по-

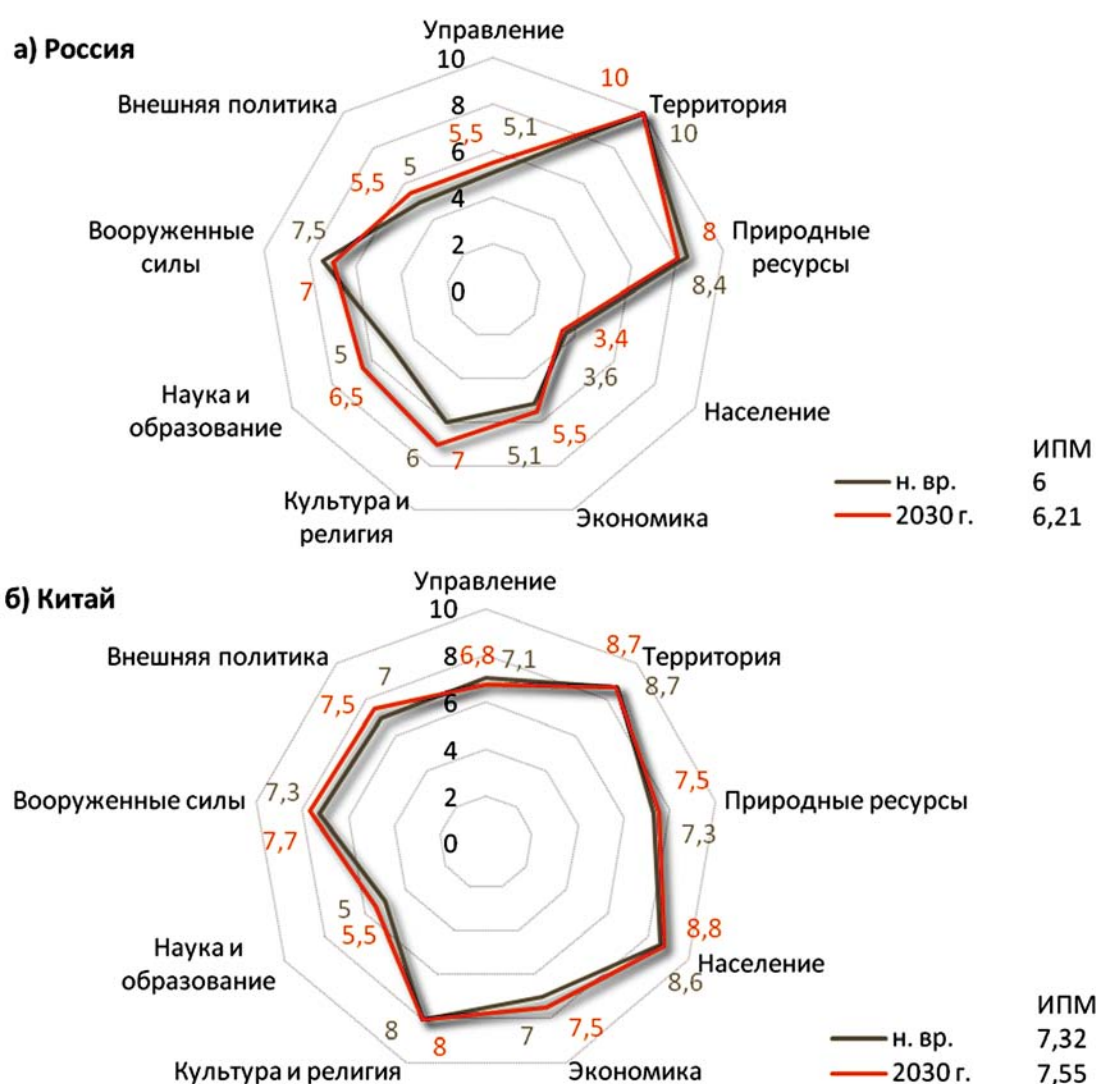

Рисунок 1.

Значения ИПМ России и Китая и прогноз его изменения до 2030 г.

зитивным» и «негативным», а также сценарий «Хаос». События последних 5–10 лет отчётливо выявили базовый конфликт современности: между стремлением правящих кругов США и их союзников любой ценой сохранить свои преимущественные позиции в мировой военной инфраструктуре и экономике, включая влияние в ведущих мировых регуляторах, — и вполне отчётливо выраженным стремлением ряда «незападных» стран (Китай, Россия, Индия, Иран и другие) сформировать более справедливый и полицентричный мировой порядок.

В обстоятельствах 2019 г., с учётом недавних решений руководящих структур КНР о долгосрочной стратегии развития и по факту разво-

рачивающейся «торгово-экономической войны» с США, указанный выше сценарный набор может быть дополнен сценариями «Биполярность 2.0» и «Возвышение Китая»³. Последний подразумевает уверенный выход Китая на доминирующие позиции в мировой экономике, закрепление за юанем статуса основной мировой резервной валюты, расширение формата ШОС и влияния в нём Китая, поглощение проекта ЕАЭС, резкое усиление Китая в мировой инфосфере.

В настоящее время Китай, как и Россия, с точки зрения международного влияния относится к числу «великих держав»

Состояние и перспективы развития внешне-политического влияния Китая характеризуются

³ Подробнее см.: Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации РФ. М, ИД «Граница», 2018, С. 339–372.

тем, что в ближайшей перспективе Китай заинтересован в сохранении мирного окружения и стабильности в АТР. Вместе с тем в действиях руководства КНР могут усиливаться экспансионистские тенденции, в основу которых лягут идеи «китаецентризма», а также концепции «стратегических границ и жизненного пространства». Сценарии трансформации китайской внешней политики включают несколько вариантов.

1. **«Традиционный подход».** Китай позиционирует себя как крупная страна, стремящаяся избегать острой конфронтации с другими крупными странами. Исключение — позиции, имеющие принципиальное значение: например, территориальная целостность или экономическая безопасность КНР. Важное значение в этом контексте придаётся деятельности Китая в качестве постоянного члена СБ ООН. Во взаимоотношениях с Россией ключевым интересом будет обеспечение доступа к её природным ресурсам, необходимым для успешного развития экономики Китая. Оценка статуса Китая в этом сценарии — 6,4 единицы.

2. **«Умеренно активный вариант».** Характеризуется стремлением усилить влияние КНР на глобальные процессы по мере роста экономической мощи страны. Подразумевает усиление борьбы с развитыми странами Запада и Японией за ресурсы, обеспечивающие экономическое развитие. Не имея возможности обеспечить национальными средствами контроль над морскими коммуникациями в Индийском океане, Китай будет реализовывать стратегию гарантированного доступа к сырьевым ресурсам Сибири и Центральной Азии. Статус КНР для данного сценария — 8,4 единицы.

3. **«Конфронтация с Западом».** Этот вариант может быть спровоцирован Евроатлантическим сообществом с целью не допустить превращения (при определённых обстоятельствах) КНР в число мировых сверхдержав. Поводом для реализации этого варианта может стать, например, признание независимости Тайваня со стороны США и ряда их союзников. В этих условиях Китай будет заинтересован в усилении партнёрства с Россией для обеспечения тесного военно-технического партнёрства, а также гарантированного доступа к российским ресурсам на основе взаимовыгодного сотрудничества. Оценка статуса страны по рассматриваемому фактору — 7,4 единицы.

4. **«Растущая непредсказуемость».** Реализация этого сценария, скорее всего, вероятна в условиях появления внутренней нестабильности в Китае. Оценка внешнеполитической деятельности для данного сценария — 4,6 единицы.

5. **«Дезинтеграция Китая и/или утрата суверенного пути развития».** Фактически это эскалация негативных последствий четвёртого сценария или же провал реализации третьего варианта. Для этого маловероятного сценария (ввиду фактической утраты суверенитета) внешняя политика имеет низшую оценку — 1 единица.

СРАВНЕНИЕ ИНТЕГРАЛЬНОЙ МОЩИ РОССИИ И КИТАЯ

Сравнив значения России и Китая по всем девяти факторам мощи по методологии «Стратегическая матрица», обозначив основные вызовы и угрозы двум странам в рамках представленных сценарных прогнозов, обратим внимание на ключевой индикатор — интегральный показатель мощи (ИПМ) двух стран (рисунки 1). При этом принят наиболее консервативный (инерционный, медианный) сценарий развития всех компонент.

По размеру ИПМ Россия и Китай относятся к числу «великих держав», но наша страна уступает Китаю в соотношении шесть против 7,32 единицы, и это соотношение в инерционном сценарии не изменится к 2030 году, составив 6,21 против 7,55. Россия превосходит Китай по таким факторам, как «Территория», «Природные ресурсы», «Образование и наука», а также отчасти «Вооружённые силы». Но на стороне Поднебесной такие значимые факторы, как «Управление», «Население», «Экономика», «Культура и религия», «Внешняя политика».

Главное, что бросается в глаза, — это сравнительная равномерность развития Китая по большинству факторов, причём в области статуса «сверхдержава». Для России в той же зоне расположены значения лишь трёх факторов из девяти: «Территория», «Природные ресурсы» и «Вооружённые силы». Основная часть факторов мощи РФ находится на нижней границе статуса «великая держава», а значение демографического фактора стремится к статусу «региональная держава».

Таким образом, можно констатировать, что интегральный показатель мощи у Китая и выше, и гармоничнее, чем у России. Главная проблема нашей страны на фоне КНР состоит в неравномерности развития по факторам, что остаётся системным препятствием роста её интегральной мощи и маркером проблем в системе управления. Но вызовы, стоящие перед Китаем в обозримый исторический период, связаны с более высокими рисками и требуют почти максимально возможного уровня государственного управления.

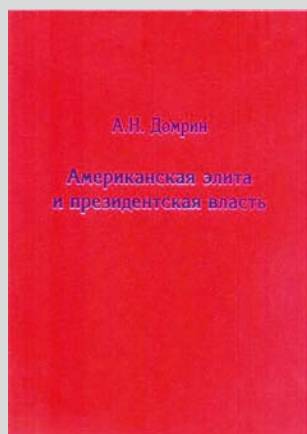
Михаил ДЕЛЯГИН. Триллионы для диктатуры олигархов. Что будет после Путина? —
М.: Книжный мир, 2019. — 320 с.

Автор этой книги является одним из самых ярких оппонентов социально-экономического курса нынешнего российского правительства. Для него нет секретов ни в хитросплетениях федерального бюджета, ни в отчётах российских «естественных монополий», ни в международных финансовых документах, включая инструкции МВФ и Всемирного банка. По его мнению, связка высокопоставленных чиновников с крупным бизнесом в столице и на местах имеет под собой прочную базу общих коррупционных интересов, направленных на получение сверхприбылей

за счёт эксплуатации природных ресурсов и населения нашей страны. Поднятую ныне волну рассуждений о «трансфере власти 2024 года» и «преемнике Путина» Михаил Делягин рассматривает не столько с политических, сколько с экономических позиций — как подготовку нового издания олигархической диктатуры в России, приватизации остатков государственной собственности и «накачки» частных корпораций бюджетными деньгами, отмечая, что нигде и никогда подобное не давало позитивных результатов в исторической перспективе.

Александр ДОМРИН. Американская элита и президентская власть: история, политика, право. —

М.: Товарищество научных изданий КМК, 2019 — 339 с.

В своей новой книге известный отечественный американист, который предсказал и поддержал сенсационную победу Дональда Трампа на президентских выборах 2016 года, получив за это бойкот и фактический «запрет на профессию» от американского академического сообщества, для которого дотоле был желанным гостем, рассказывает об историческом симбиозе и современном конфликте «двух Америк»: «Америки неоконеров» и «Америки Трампа». При этом симпатии автора полностью на стороне последней: страны изобретателей и творцов, рабочих и фермеров, — страны, которую нынешний «хозяин Белого дома»

не на словах, а на деле вновь хочет сделать великой. Александр Домрин создал и ведёт в российском фейсбуке интернет-сообщество «Русские за Трампа и улучшение российско-американских отношений». По глубокому убеждению автора, та «холодная гражданская война», которую развязало и ведёт против 45-го президента США «глубинное государство» (под которым понимается своего рода гибрид корпоративной Америки со структурами национальной безопасности) и его филиал в виде пресловутого «вашингтонского болота», создаёт критические угрозы для всего мира и для самих Соединённых Штатов.

Джульетто КЬЕЗА. Цугцванг для человечества. —

М.: Книжный мир, 2019. — 420 с.

Итальянский общественный деятель, политик, писатель и публицист, депутат Европарламента в 2006–2009 гг., до сих пор является единственным по-настоящему иностранным, из-за пределов «постсоветского пространства», членом Изборского клуба, полностью разделяющим идею необходимости возрождения России для сохранения и развития не только Европы, но и всего человечества. В условиях нарастающей нестабильности современного мира, когда не только российское государство, но и вся русская цивилизация назначена «коллективным Западом» на роль «абсолютного зла», объ-

ективный и честный голос Джульетто Кьезы, разоблачающего ту чёрную мифологию, «завесу тьмы», которая создаётся вокруг нашей страны, и указывающего на истинные причины и истинных организаторов глобального системного кризиса, максимально важен и значим. По мнению автора, Европе пора избавиться от односторонней ориентации на США и «атлантическую солидарность», развивая взаимовыгодное сотрудничество со всеми странами мира, включая такие растущие «центры силы», как Россия, Китай и Индия, объединённые в рамках ШОС и БРИКС.

Хронология мероприятий клуба

2 сентября 2019 года

Во Владивостоке состоялось открытие Приморского отделения Изборского клуба. Первым его мероприятием стал круглый стол «Россия Тихоокеанская как Русская Мечта в реалиях новой европейской цивилизации», на котором выступили постоянные члены Изборского клуба: общественный деятель, публицист, руководитель информационно-аналитического центра «Копьё Пересвета» Олег Розанов, востоковед, профессор Российского университета дружбы народов Юрий Тавровский, писатель, публицист, основатель общественной организации «Профсоюз граждан России» Николай Стариков, экономист, общественный и политический деятель, академик РАЕН, директор Института проблем глобализации Михаил Делягин. В дискуссии также приняли участие председатель думы города Владивостока Андрей Брик, почётный гражданин города Владивостока Геннадий Турмов, член Общественного совета думы города Владивостока Валерий Каложный, депутаты, представители общественных организаций.

6 сентября 2019 года

В рамках 32-й Московской международной книжной выставки-ярмарки прошла презентация новой книги председателя Изборского клуба Александра Проханова

На презентации новой книги
Александра Проханова «Пятый Сталин»

«Пятый Сталин», выпущенной в свет издательством «Вече». В презентации, помимо автора книги, приняли участие директор издательства «Вече» Сергей Дмитриев, президент Российской ассоциации байкеров, лидер байк-клуба «Ночные волки» Александр «Хирург» Залдостанов, заслуженный художник России Геннадий Животов, заместитель председателя КПРФ, депутат Государственной думы РФ VII созыва Юрий Афонин и директор центра стратегических исследований «Россия — Исламский мир» Шамиль Султанов.

16 сентября 2019 года

Постоянные члены Изборского клуба вице-президент ВЭО России, академик РАН Сергей Глазьев и профессор Российского университета дружбы народов, лауреат Национальной премии КНР за заслуги в области литературы Юрий Тавровский приняли участие в научном форуме «Абалкинские чтения», посвящённом 70-летию КНР и организованном Вольным экономическим обществом России и Международным союзом экономистов.

8 октября 2019 года

Председатель Изборского клуба Александр Проханов принял участие в работе Валдайского форума, прошедшего в Сочи.

15 октября 2019 года

В Москве, в конференц-зале Синодального отдела по взаимодействию с вооружёнными силами и правоохранительными органами Русской православной церкви прошёл творческий вечер заместителя председателя Изборского клуба, доктора философских наук Виталия Аверьянова, посвящённый выходу в свет его мультимедийного диска «Русская идея» и сборника «Мы верим в Россию. От Русской доктрины к Изборскому клубу». На вечере выступили многие члены

и эксперты Изборского клуба (подробно об этом мероприятии — читайте в следующем номере журнала).

16 октября 2019 года

Председатель Изборского клуба Александр Проханов выступил на Третьей сцене МХАТа им. А.М. Горького с лекцией «Человек и мысль».

18 октября 2019 года

Председатель Изборского клуба Александр Проханов принял участие в работе XXIII Всемирного Русского народного собора «Народосбережение — настоящее и будущее России» и выступил на его пленарном заседании.

22 октября 2019 года

В Саратове состоялось очередное заседание Поволжского регионального отделения Изборского клуба, на котором с докладом о стратегии социально-экономического развития региона выступил его председатель, президент Саратовского государственного технического университета профессор Дмитрий Аяцков.

23 октября 2019 года

Состоялось заседание Санкт-Петербургского регионального отделения Изборского клуба «Кризис современной партийной системы? Нужны ли партии в политической системе России?»

28 октября 2019 года

В пресс-центре информационного агентства REGNUM прошёл круглый стол на тему «Россия — образ будущего. Экономика» с участием членов Изборского клуба академика РАЕН, директора Института экономических стратегий РАН Александра Агеева и председателя правления Института динамического консерватизма Андрея Кобякова.

Бабочка в зеркале облаков

Китай в отражении русских поэтов

«Говорящий не знает, знающий не говорит» — древняя китайская мудрость лишней раз подчёркивает разницу между нашими цивилизациями, явленную в образах «китайской стены», «китайской грамоты», «китайских церемоний». Китайский мудрец говорит мало или не говорит вообще: он, даже отвечая на почтительные вопросы учеников, расставляет облака на небе, создаёт жизненные ситуации, в крайнем случае — рисует некий иероглиф, который помимо своего прямого, «понятийного» значения будет нести как минимум один дополнительный смысл. Дающий — но только тому, кто уже достоин такого ответа, — тонкий намёк на ответ. Скорее зеркало, чем эхо другого иероглифа. Впрочем, таких «зеркал» может быть и десяток, и более — на то есть искусство и наука каллиграфии. Разницы между «мёртвой буквой» и «живым словом» в китайской традиции нет — хотя бы по причине полного отсутствия букв и смыслового пребывания иероглифики исключительно в понятийной, а не в звуковой сфере.

У нас — всё не так. Евангелие от Иоанна: «В начале бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Слово бѣ Бог». Слово как «логос» должно быть, прежде всего, сказано, «лектос». Иисус Христос — Бог именно звучащего слова, «Слова Живаго». Он — говорит: проповедует, рассказывает притчи, беседует, Сам задавая вопросы и отвечая на вопросы других. А пишет Он — кажется, единственный раз, когда иудеи хотели побить камнями блудницу. Но в Евангелии от Матфея: «Аз есмь альфа и омега». Альфа

и омега — это первая и последняя буквы греческого алфавита... Любые буквы, в отличие от иероглифов, передают на письме именно звучащее слово, и передают почти «позвуково», — они суть отлитые в графику звуки, они вторичны по отношению к речи: «Аз буки веде. Глаголь добро есть...»

Для нас поэзия — это, прежде всего, созвучие, сопряжение звучащих слов и — уже через них! — веществ, существ, миров. Китайские поэты достигают той же цели не столько через рифмы, сколько через сопряжение иероглифов, знаков. Поэтому китайская поэзия в каком-то смысле есть род не звукописи, но живописи, даже — каллиграфии. Это совершенно разные искусства. В лучшем случае, переводя с китайского, мы получаем некое подобие засушенной бабочки — форма вроде бы всё та же, те же крылышки, усики, лапки, но — уже без полёта, без жизни. «Однажды Лао Цзы приснилось, что он — бабочка и порхает среди цветов...» Собственно, всем переводчикам с китайского всегда снится один и тот же сон... Да только ли с китайского?

В такой системе координат представленные ниже отражения Китая в оригинальной русской поэзии можно сравнить с наблюдением издали за полётом бабочки или даже фантазией о таком наблюдении — и, возможно, они не менее важны для истинного понимания китайского мира, чем переводы из Ли Бо и Ду Фу...

Георгий СУДОВЦЕВ

Антиох КАНТЕМИР

ОБ ИСТИННОМ БЛАЖЕНСТВЕ (отрывок)

Искусство само твой дом создало пространный,
Где всё, что Италия, Франция и странный
Китайский ум произвели, зрящих удивляет.
Всякий твой член в золоте и в камнях блистает...

1738

Михаил ЛОМОНОСОВ

ОДА НА ВЗЯТИЕ ХОТИНА (отрывок)

Россия как прекрасный крин
Цветёт под Анниной державой.
В Китайских чтут ея стенах,
И свет во всех своих концах
Исполнен храбрых россов славой.

1739

Александр ПУШКИН

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ (отрывок)

...Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,

Не в силах завинтить свой измайловский штык?

Иль русского царя уже бессильно слово?

Иль нам с Европой спорить ново?

Иль русский от побед отвык?

Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,

От финских хладных скал до пламенной Колхиды,

От потрясённого Кремля

До стен недвижного Китая,

Стальной щетиною сверкая,

Не встанет русская земля?..

Так высылайте ж к нам, витии,

Своих озлобленных сынов:

Есть место им в полях России,

Среди нечуждых им гробов.

1831

Фёдор ТЮТЧЕВ

РУССКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Москва и град Петров, и Константинов град —

Вот царства русского заветные столицы...

Но где предел ему? и где его границы —

На север, на восток, на юг и на закат?

Грядущим временам судьбы их обличат...

Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не прейдёт вовек,
Как то провидел Дух и Даниил предрек.

1848 или 1849

Николай ГУМИЛЁВ

ИЗ КНИГИ «ФАРФОРОВЫЙ ПАВИЛЬОН»

Фарфоровый павильон

Среди искусственного озера
Поднялся павильон фарфоровый.
Тигриною спиною выгнутый,
Мост яшмовый к нему ведёт.

И в этом павильоне несколько
Друзей, одетых в платья светлые,
Из чаш, расписанных драконами,
Пьют подогретое вино.

То разговаривают весело,
А то стихи свои записывают,
Заламывая шляпы жёлтые,
Засучивая рукава.

И ясно видно в чистом озере —
Мост вогнутый, как месяц яшмовый,
И несколько друзей за чашами,
Повёрнутых вниз головой.

Луна на море

Луна уже покинула утёсы,
Прозрачным море золотом полно,
И пьют друзья на лодке остроносой,
Не торопясь, горячее вино.

Смотря, как тучи лёгкие проходят
Сквозь лунный столб, что в море отражён,
Одни из них мечтательно находят,
Что это поезд богдыханских жён;

Другие верят — это к рощам рая
Уходят тени набожных людей;
А третьи с ними спорят, утверждая, —
Что это караваны лебедей.

1918

Сергей ТРЕТЬЯКОВ

ИЗ ПОЭМЫ «РЫЧИ, КИТАЙ!»

I. Стены

У Китая много тяжёлых стен
Цапают небо зубами за кожу.
Китай устал.
Китаю постель —
Меж стен пустыня постлала ложе.

Жёлтый лёсс —
Земляное сало,
Чтобы колёс
Грохотать не бряцала.
Жирный лёсс
Родит рис.
Водоёмных колёс
Взмах вверх,
Взмах вниз —
И зелёный рисовый мех
Растёт.
Рис, питай
Китай.
Арба, катай
Китай.

III. Квартал

Много стен у Китая
Небо зубами хватают.
Но одна —
Зубами рвёт хлеб изо рта.
Эта стена —
Посольский квартал.
В самом сердце в Пекине
Затаил динамит арсенал.
До пустыни тени закинет,
До Тибета страну осеня.
На этой стене —
«рыжих дьяволов» флаг.
За этой стеной —
тугой кулак.
Из-за этой стены сквозь зубы
Китаю:
«Цуба!»¹
Стене родня — конторы и банки.
Стены сыновья — конторы и копи.
Французы
Японцы
Янки —
Надрезают,
Сосут,
Копят.
За этой стеной шик и лак манер.
На этой стене — приклады солдат.
Из-за этой стены — крестобрюхий гад
Миссионер.
Рис. Чай. Уголь. Шёлк.
Шёл
хорошо.
Китай молк.
И свои, и чужие, заплывшие в сале,
Мышцы Китая с чавком сосали.
Но раз на плевок сквозь зубы:
«Цуба!»
Ответил Китай —
(Был такой год)
Бодро и бойко:
— Бойкот!

¹ «Цуба!» — «Долой! Убирайся!».

XIV. Знаю

Будет. Придёт день и час.
Злоба сплывётся, из кожи сочась.
Красным солнцем глаза захлестнёт.
В этот час никто не заснёт.

Никакой штык.
Никакой металл.
Не спасёт ни на миг
Посольский квартал.

За всё заплатят, за все
Дыры хутунгов² и сёл.
И там, где сочила газета
Купленный душный яд —
Не мочою фаянс клозетов,
А кровью людей напоят...

Через года
Это будет тогда,
Когда
Миллионы храбрых,
Несущих штыки и гнев,
Шагнут от текстильных фабрик
И сталелитейных огней.
И станет труду иная цена —
Не коппер³, а Красный
Интернационал.

1924

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

ОХОТА НА ТИГРА

13

Это ему от жителей мирных
Красные тряпочки меж ветвей,
Это его в буддийских кумирнях
Славят, как бога: Шан —
Жен —
Мет —
Вэй!⁴
Это он, по преданью, огнём дымящий,
Был полководцем китайских династий...

19

С минуту насквозь прожигали меня
Два золотых огня...
Но вскинул винтовку товарищ Игорь,
Вот уже мушка села под глаз,
Ахнуло эхо! — секунда — и тигр
Нехотя повалился в грязь

20

Но миг — и он снова пред нами, как миф,
Раскатом нас огромиль,
И вслед за октавой, глубокой, как Гендель,
Харкнув на нас горячо,
Он ушёл в туман. Величавой легендой.
С красной лентой. Через плечо.

1932

Михаил ВЕРШИНИН

МОСКВА — ПЕКИН

Русский с китайцем братья навек.
Крепнет единство народов и рас.
Плечи расправил простой человек,
С песней шагает простой человек,
Сталин и Мао слушают вас.

Москва — Пекин.
Москва — Пекин.
Идут, идут вперёд народы.
За светлый путь, за прочный мир,
Под знаменем свободы.

Слышен на Волге голос Янцзы,
Видно китайцам сиянье Кремля;
Мы не боимся военной грозы;
Воля народов сильнее грозы;
Нашу победу славит земля.

Москва — Пекин.
Москва — Пекин.
Идут, идут вперёд народы.
За светлый путь, за прочный мир,
Под знаменем свободы.

В мире прочнее не было уз;
В наших колоннах ликующий Май.
Это шагает Советский Союз;
Это могучий Советский Союз,
Рядом шагает новый Китай!

1949

Олег БОРОДКИН

СЕКРЕТ ЛИ БО

Ли Бо, похоже, нынче вовсе спился
и в мыслях у него одно вино.
ему и снятся рюмки да бутылки.
он вкус воды забыл уже давно.
а что в стихах творится! —
пьяной ночью
плывёт по небу пьяная луна.
и катится слеза по жёлтой коже
лица. и снова хочется вина.
идёт война на варварской границе...
с мерзавцами Ли Бо вступает в спор...
всегда нетрезв,
не пить не может гений.
я всё ему прощаю до сих пор.
проснётся он — и тонкий иероглиф
слегка дрожащей выведет рукой.
чудесные плоды порой приносит
борьба большого мастера с тоской.

1998

² Хутунг — переулок.

³ Коппер — наши полкопейки.

⁴ Шан—Жен—Мет—Вэй — Истинный Дух Гор и Лесов — так китайцы называют тигра. (Прим. автора.)

4 6 2 7 0 8 5 3 1 0 0 1 3